А. ДИТРИХ
КАК ИГРУШКИ ПОШЛИ УЧИТЬСЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повести-сказки, объединенные общим героем, посвящены различным темам: палеонтологии, физике, технике... Герой книги Владик Чудобыльский, попадая в различные сказочно-фантастические истории, знакомится с разными по профессии людьми и постигает в итоге истину — человек в наше время должен разбираться в любом деле, и чем больше ему удается попробовать своими руками, тем лучше.

- Александр Кириллович ДИТРИХ
  - ЗАГАДОЧНЫЙ ДНЕВНИК
  - ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ВЛАДИКА ЧУДОБЫЛЬСКОГО,
    - 12 августа. Запись первая.
    - 12 августа. Запись вторая.
    - Запись третья. 12 августа. По обыкновенному времени 16 часов 33 минуты; но здесь утро, примерно часов восемь или девять...
    - Продолжение записи.
    - 12 августа. Запись четвертая. Точное время неизвестно, так как часы начальника экспедиции остановились. Здесь — вечереет
    - 12 августа. Запись пятая. Точное время по-прежнему неизвестно. Здесь, кажется, полдень, но солнца не видно. Туман.
    - 12 августа. Запись шестая. Определить время не можем.
    - 13 августа. Запись шестая, и последняя. Двенадцать часов, двадцать три минуты, хотя это уже не имеет никакого значения.
  - КОРОЛЕВА С ЗЕЛЕНЫМИ ИСКОРКАМИ, ИЛИ СЛУЧАЙ НА ПОДОКОННИКЕ
  - ПОЧТИ ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ... О МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЯХ
  - О ПРОСТУДЕ, НЕОБЫКНОВЕННОМ ГОСТЕ ИЗ КУВШИНА И О ВСЕМОГУЩЕМ ДУХЕ ПО ИМЕНИ ВОЗ
  - БИТЫЙ РЫЦАРЬ
  - КАК ИГРУШКИ ПОШЛИ УЧИТЬСЯ

Александр Кириллович ДИТРИХ
КАК ИГРУШКИ ПОШЛИ УЧИТЬСЯ
(повести-сказки)

ЗАГАДОЧНЫЙ ДНЕВНИК

Первое мое знакомство с Владиком Чудобыльским оказалось заочным. Скорее всего, я бы никогда не узнал о существовании этой необыкновенной личности, если б однажды не вернулся... домой.

Из старого московского дома, где прошло мое детство, я уехал лет двадцать назад. Давно уже тянуло меня пройти не спеша по тихому переулку, где знакомы каждая подворотня, каждый камень, и, конечно же, заглянуть во двор, в котором когда-то умещался целый мир с бушующими океанами, неведомыми островами, непроходимыми лесами, полями сражений. И каких сражений! Там бились, гремя латами, рыцари, звенели шпаги мушкетеров, проносилась лихая чапаевская конница, горели, подорванные гранатами, фашистские «тигры» и «пантеры». Главный «танк» был один, постоянный — огромный, обитый железом помойный ящик. В зависимости от времени года в эту мишень летели то обломки кирпичей, то снежки. Но прекраснее всего было с треском подбить броневую махину гранатой — перегоревшей лампочкой.

Все здесь было удивительно взаправдашним: и могучие ледоколы, и фантастические вездеходы и звездолеты, сооруженные из досок и ящиков, и древние, насквозь заколдованные замки в сыром, каменном сарае. Словом, двор был поистине королевским. Впрочем, наверно, как и всякий другой порядочный старый двор, где полновластно царствовало Его Величество Детство, а придворные мальчишки и девчонки даже и не подозревали, что обитают в чудесном мире и что чудеса со временем исчезают.

Мне хотелось посмотреть, кто живет в моем доме теперь, какие ребята топчут мои давным-давно стершиеся следы, узнать, во что они играют, о каких тайнах шепчутся.

И вот я вернулся туда, откуда когда-то ушел навсегда. Навсегда потому, что можно побывать там, где рос, но нельзя возвратиться в то, из чего вырос.

Все было так и не так. Дом мой стал вроде бы ниже: после ремонтов пропали щербатые лепные украшения на фасаде, исчезли ворота с чугунными листьями и шишками. Изменился и двор. Не стало покосившихся сараев, увитых сухим плющом заборов, скрипучих крылечек. Двор раздвинулся, выпрямился, оделся по краям аккуратными газонами, но все здесь теперь выглядело каким-то незначительным, обыкновенным.

Было тихо и пусто. Школьники учились, а малышей,

наверное, бабушки пасли в разбитом по соседству скверике.

Я сел на синюю скамейку с выломанной спинкой, достал сигарету и принялся вспоминать свое детство в подробностях. Но подробности почему-то не вспоминались. Было какое-то странное чувство, будто мое собственное детство вдруг обернулось для меня тайной, в которую я никак не могу проникнуть. А может быть, это знакомая старая тайна пришла из моего детства и, как прежде, поджидала меня где-то рядом?

По водосточной трубе с грохотом съехали подтаявшие ледышки, пропищало радио, сообщив, что прошел еще один час, налетевший ветерок запутался в частых ветвях старого тополя, потом, вырвавшись, закрутился в углу двора маленьким смерчем.

Бросив окурок, я собрался было уходить и тут заметил... ее. Она лежала под скамейкой в грязном снегу, по соседству с конфетной оберткой и рваной варежкой. Сначала мне показалось, что это всего лишь обложка с выдранной серединой. Сам не знаю, что меня толкнуло залезть под скамейку и вытащить обыкновенную коричневую общую тетрадь. Середина оказалась на месте. Сдув снег, я раскрыл тетрадь и увидел такое... Впрочем, судите сами — на первой странице аккуратно, большими буквами было написано следующее:

«ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я, Владислав Чудобыльский, находясь в здравом уме и твердой памяти, настоящим подтверждаю, что действительно был участником всех странных, невероятных и необъяснимых событий, изложенных в этом дневнике. Сознавая ответственность перед наукой, заявляю также, что описывал только то, чему был свидетелем, и ничего не присочинил...»

...После такого многообещающего начала все срочные дела, намеченные на ближайшее время, вылетели у меня из головы. Я перевернул страницу, потом другую и, уже не отрываясь, прочел дневник до последней строчки.

То, что я узнал, так меня поразило, что я тут же решил: во-первых, нужно немедленно разыскать автора, потерявшего свою драгоценную тетрадь, а во-вторых, попавший мне в руки дневник следует как можно скорее опубликовать: я попросту не имею права скрывать открытие, которое должно принадлежать всему миру.

К моим розыскам автора мы еще вернемся, а дневник — вот он. В нем исправлены лишь грамматические ошибки да некоторые шероховатости, а в основном все осталось, как было. После первых строчек (вы их уже прочли) шло следующее:

«...Дневник я начал десятого июня этого года, сразу же как приехал с отцом в Сибирь на стройку электростанции.

Папу вызвали туда на лето по проектным делам, а я уговорил его взять меня с собой.

Честно говоря, дневник я вел кое-как, случалось, неделю не притрагивался — некогда было. Впрочем, теперь это уже не имеет значения: все равно, в первых записях нет ничего относящегося к самому главному. По этой причине все страницы до 12-го августа я вообще вырвал. Правда, теперь мне придется заново рассказывать, кто такой Александр Иванович Сулимов и как мы познакомились, но это я быстренько.

В новеньком поселке строителей ребят еще не было — одни взрослые. Отец пропадал на стройплощадке, и поэтому я с утра до вечера жил сам по себе. Сначала я излазил вдоль и поперек всю стройку, потом занялся рыбалкой, а когда совсем освоился, стал исследовать тайгу: уходил на целый день в сопки — так здесь горы называются. Горы не очень высокие, но скалы да обрывы — будь здоров!

И вот однажды иду я между сопок по распадку, вдруг слышу: тюк-тюк-тюк... Точь-в-точь как капель с крыши по ведру. Пошел я на этот звук, гляжу — прилепился к обрыву дяденька и длинным таким молотком отбивает камни. Заметил он меня, спустился, стали мы разговаривать. Оказалось, дяденька — геолог из Ленинграда, Александр Иванович Сулимов.

Я спросил, что он тут разыскивает.

Александр Иванович сказал, что никаких подземных богатств он пока не ищет, разве что они сами вдруг попадутся. Просто есть у него мнение, что геологические карты этих мест составлены недостаточно точна. А если их уточнить, выяснить полную картину того, что тут под землей делается, тогда, может быть, и вправду удастся отыскать такое, о чем никто пока не догадывается.

На другой день мы с утра отправились в сопки уже вместе. А дальше так и пошло: я, чем мог, помогал, а Александр Иванович мне всякие удивительные истории рассказывал про горы, камни, руды.

Вскоре мы так всю тайгу вокруг излазили, что кеды у меня совсем развалились, хорошо, что взял запасные. Камней мы насобирали столько, что из-за ящиков в палатке геолога (он поставил ее У ручья, на краю поселка) повернуться стало негде.

Вот теперь я и пришел к тому, ради чего пришлось писать это самое предуведомление, — к 12-му августа, самому длинному и самому удивительному дню в моей жизни. Дальше пойдет сам дневник. Я называю оставшиеся страницы «дневником», хотя записи касаются всего одного дня.

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ВЛАДИКА ЧУДОБЫЛЬСКОГО,
пожелавшего, тем не менее, остаться неизвестным.

12 августа. Запись первая.

Начинаю с самого главного. Это было что-то вроде воздушного шарика, надутого светом, и здоровенной круглой лампочки, только и у лампочки и у воздушного шара должна быть оболочка, а я никакой оболочки не заметил.

Иногда шар делался чуть больше, становился расплывчатым и красноватым, иногда уменьшался, и тогда в его середине появлялся яркий голубой комок. Шар этот был со школьный глобус, он висел в самой середине пещеры под потолком и ни на чем не держался.

С потолка, точно над шаром, свисало длинное желтое острие, а внизу, в каменном полу, был вделан большой, тоже желтый, металлический круг.

Был еще в той пещере почти засыпанный ход, который вел дальше, в глубь горы, но мне в тот раз было не до него. После, когда мы забрались под землю уже вдвоем, я пытался залезть в этот ход, но тогда...

Впрочем, лучше все по порядку.

Недалеко от реки, где берег дыбился к небу желто-бурым скалистым обрывом, строители решили добывать камень. Я об этом случайно услышал, когда отец разговаривал с какими-то людьми со стройки. Услышал и тут же забыл.

Мы с Александром Ивановичем сидели на откосе, разбирали добытые образцы пород и заворачивали их в бумажки, на которых геолог предварительно делал необходимые пометки. Было что-то около десяти, когда вдруг вдали протяжно взвыла сирена. Поглядел я на реку, думал буксир идет — нету буксира. Стали мы дальше образцы разбирать, сирена умолкла, все спокойно, и тут как жахнет! Даже земля колыхнулась. Потом грохнуло еще раз, еще... Мы вскочили, глядим, а повыше, где начинался обрыв, ничего не видно, только желтое облако шевелится.

— Камень рвут,— догадался я. Тут снова взвыла сирена.

— Это «отбой»,— объяснил Александр Иванович. Я говорю:

— Раз уж отбой, айда посмотрим, что там подрывники натворили.

Александру Ивановичу тоже не терпелось: ему было интересно проследить какие-то каменные жилы, которые уходили в глубь обрыва.

До нового карьера мы добрались, когда дым и пыль уже уплыли. Могучие темно-бурые скалы, нависавшие над тропкой, рухнули. Казалось, какой-то великан отколупнул часть обрыва огромной ложкой, обнажив его светлую начинку. Тут и там

громоздились расколотые глыбы, и все было завалено острыми обломками, щебнем.

Подрывники уже ушли. Птицы, перепуганные взрывом, разлетелись, стояла удивительная тишина, и только один ополоумевший кузнечик все пилил и пилил без остановки. Иногда он словно бы заикался и тут же принимался «чижижикать» еще скорей. Меж камней я отыскал клочок промасленной бумаги, обрывки проводов, два камня с черными подпалинами от взрыва и раздумывал — взять их себе в коллекцию или нет, когда заметил между глыбами у подножия скалы черную дырку. Подошел, заглянул внутрь — темно, только холодком тянет. Сунул в дыру ветку — до конца не достает. Тогда я стал отбрасывать камни. Один я лезть не хотел — боязно: фонаря нет, спичек нет. Я читал, что в пещерах такие провалы бывают — ужас! — можно целый час падать. Я окликнул Александра

Ивановича, он ответил «сейчас». Я подождал, снова крикнул, а потом не выдержал и просунулся в дыру. Как только глаза привыкли, полез дальше. Когда забрался метров на семь, стало посвободнее. Потом стенки, потолок вовсе разошлись, и я смог встать. А дальше был поворот и ступеньки вниз. Я бы туда не пошел, и уже хотел лезть обратно, только смотрю — впереди свет, вроде бы лампа горит. «Зачем здесь лампа? — думаю.— Откуда? И для чего тогда понадобилось гору взрывать, если в ней вырублены подземелья да еще и электричество проведено?»

Я все-таки спустился, завернул за угол и попал в большую каменную комнату, похожую на огромную перевернутую чашку. Стенки тут были ровные, гладкие, а посередине, под куполом, этот самый шар светился, и ни проводов, ни веревки — сам по себе висел. Смотрел я, смотрел, потом взял да и кинул в него камешком. Камень влетел в шар, и тотчас его силой швырнуло обратно.

Тут почему-то на меня напал страх. Обдирая локти, я нырнул в проход и как пробка вылетел на поверхность. Александр Иванович стоял совсем близко и очень удивился, когда я «словно из-под земли вырос».

Я начал объяснять, что со мной приключилось, но геолог не дослушал. Ни слова не говоря, он бросился разбирать вход в дыру. Теперь под землю мы полезли уже вдвоем.

Увидев шар и желтый круг под ним, Александр Иванович так и сел.

Долго он сидел, смотрел и молчал, потом встал, осторожно дотронулся молотком до круга и отскочил. Но ничего не произошло. Он и шар хотел ткнуть, но не решился: вдруг, мол, это что-нибудь вроде шаровой молнии!

Я говорю: «Не может быть, потому что я уже кидал в него камнем, и этот шар не взорвался, только отбросил мой камень обратно».

Александр Иванович сердито уставился на меня, потом махнул рукой и опять стал желтый круг осматривать, сказал, что на нем какие-то знаки, может, даже письмена, и что их надо будет обязательно сфотографировать или срисовать. Затем он достал ножик и стал царапать краешек круга.

— Очень странно,— говорит,— не медь, не золото, не титан... Какой-то сплав, а какой — непонятно. Совсем не окислился, как новый, хотя, надо полагать, находится здесь уже сотни, а может, и тысячи лет.

— Тысячи? — удивился я.— Неужели так давно?

— Сам посмотри — наверху сталактиты успели вырасти.

Тут я заметил несколько тоненьких белых сосулек, свисавших с потолка. Я уже знал, что такие штуки подземная вода устраивает. Она растворяет известняки, и когда по трещине капает в подземную пустоту, то часть растворенного известняка из каждой капли остается на потолке. Так постепенно и вырастают каменные сосульки-сталактиты. А снизу, навстречу им, растут каменные пеньки — сталагмиты. Ведь внизу капли тоже оставляют часть растворенного известняка. Иногда сталактиты и сталагмиты соединяются, срастаются, и получаются настоящие колонны. Но чтобы построить такие колонны, воде нужны десятки тысяч лет. Если ждать, пока в пещере вырастет хоть самая махонькая каменная сосулька, жизни не хватит.

Александр Иванович прикинул на глаз размеры самого длинного сталактита, покачал головой, потом отбил от гладкой стены кусочек, осмотрел его и опять покачал головой.

— Невероятно!— говорит.— Немыслимо! Бред какой-то!

Обошел он желтый круг, глянул на меня растерянно и развел руками: «Хоть убей, ничего не понимаю. Кто мог сделать эту штуковину, когда, зачем?»

И тут мой геолог взял да и шагнул прямо на середину круга. Едва он очутился под шаром, в пещере полыхнул такой свет, что я зажмурился, мне показалось, что шар лопнул. В тот же миг раздался низкий, щекотный гул, как будто загудели и пол, и стены, и вообще все каменные недра.

Открыл я глаза: темновато, шар исчез, сверху, с металлического острия, сбегает что-то вроде тоненькой фиолетовой молнии, а Александра Ивановича на круге нет. И рядом тоже, и вообще в пещере я один.

Только тут до меня стало доходить, что случилась беда и надо что-то делать. Кажется, я закричал, потом, помню, хотел

лезть наверх звать людей, но не смог — ноги не держали. А когда наконец я полез по проходу наверх, в пещере за спиной снова полыхнуло. Оборачиваюсь — шар снова под потолком светится, а на желтом круге лежит ничком Александр Иванович. Бросился я к нему, схватил за ноги, потащил к проходу, но не дотащил, потому что Александр Иванович лягнул меня и сел. Сидит, мотает головой и бормочет:

— Это ничего... Это все ничего... Сейчас пройдет. А машина — великая штука! Фантастика! Сдается мне, что она может показывать сны по заказу! Что хочешь, то и смотри.

Посидел он, выпил воды из фляжки и говорит:

— Знаешь, что со мной было? Я все думал, кто мог высечь пещеру и сделать эту штуковину с шаром и кругом? Кто, когда, зачем? Сам не знаю почему, шагнул я на круг. Встал — ничего, а в голове все те же мысли: вот бы заглянуть в те времена, когда строилось это подземное устройство, в прошлое, значит.

Только подумал — в ту же секунду навалилась на меня какая-то невыносимая тяжесть, а вокруг все засверкало. И почудилось мне, что я попал в нутро шара: кругом только свет, и ничего больше, а в световых стенах вьются искорки и змейки.

Нехорошо мне стало — страшно, и тоска какая-то. Хочу вздохнуть — не могу. «Хоть бы скорее все кончилось,— думаю.— Хватит с меня!» И словно бы в ответ на мои мысли — хлоп! — световые стены исчезли, и сразу повеяло холодом. Гляжу: вокруг холмы, скалы... Кое-где сугробы белеют, между ними ручьи, грязь. По склонам холмов и у реки низенькие жидкие рощицы — карликовая березка да полярная ива. И еще заметил я какой-то голубоватый свет. Поднял голову, а это шар надо мной светится. Шагнул — и шар передвинулся, побежал — а он все равно над головой, как на нитке привязан. «Ну,— думаю,— раз шар этот мне вреда не делает — пусть висит».

Конечно, я понимал, что все это мне только кажется или снится, но до чего ясно, подробно!

Стал я соображать, куда меня в моем странном сне занесло. И тут заметил, что над карликовой рощицей плывут вниз, к реке, три стога сена. Лошадей и саней не видно — только стога.

— Вот кстати! — обрадовался я.— Сейчас подойду к возчикам, спрошу, куда я попал.

Между тем передний стог как раз доплыл до опушки, и вывалила из кустов... косматая громадина. Ноги как бревна, клыки колесом загнуты, а над ними хобот шевелится, ветер нюхает. Нет, каков сон, а?! За всю жизнь ни разу мамонт не приснился, а тут сразу три! И сразу ясно, где я: эпоха последнего великого оледенения Земли. Самый конец. Если считать по

человеческой истории — каменный век. Перелетел я во сне назад лет этак... тысяч на двадцать, а то и побольше. И до того все явственно вижу, будто мамонты мне не кажутся, а идут мимо меня на самом деле, взаправду. Ай да машина! Какую четкость выдает, куда тебе кино! Но почему она мне показывает именно мамонтов, а не попугаев там или обезьян? Я, например, с детства мечтал попасть в леса Южной Америки.

Только задал я себе этот вопрос и сразу все понял: ведь я, ступив на круг, подумал о прошлом! Машина послушно выполнила заказ: усыпила меня и показала это самое прошлое. Если бы я подождал и не сказал «хватит с меня», то, наверно, перенесся бы еще дальше — в те времена, когда строилась эта пещера.

А что, если я пожелаю проснуться?

Поглядел я на шар, а он висит себе надо мной и тихонько так зудит: з-з-з-з-з...

— Ну-ка,— говорю ему,— верни меня обратно в пещеру. Пора мне просыпаться.

И тотчас холмы, кусты, река — все поплыло, вспыхнуло и завертелось вокруг меня ослепительным вихрем... Тут мне опять стало нехорошо — голова закружилась.

А проснулся я оттого, что ваша милость меня за ноги дергает.

Александр Иванович почесал переносицу, глянул на шар, спокойно сиявший под потолком, тряхнул головой и пробормотал: «Удивительно!.. Непостижимо!..» Потом он опять повернулся ко мне:

— Нет, что это за шутки такие, взрослого человека за ноги таскать?

— Какие уж тут шутки,— говорю,— если человек сперва на глазах исчезает, а потом вдруг появляется и лежит, как мертвый.

— Не морочь мне голову. Кто лежит? Кто исчезает?

— Да вы,— говорю.— Не знаю, почудились вам мамонты или приснились, а только вас здесь не было. И шара не было. Как вы встали на этот круг, так — фьють — и нету!

— Постой... Ты серьезно? — спрашивает Александр Иванович.

— Куда уж серьезней, я из-за вас чуть с ума не сошел.

— Значит... Нет, не может быть! Неужели я наяву попал в прошлое?!

Александр Иванович встал, потер виски и молча направился к проходу.

Вылезли мы наверх, посидели на солнышке, геолог достал свою полевую сумку и стал зарисовывать местность и схему пещеры. Глядя на него, я спохватился — дневник! Такое происшествие надо немедленно записать во всех подробностях,

пока ничего не забылось.

...Когда я уже записал все до последней мелочи, Александр Иванович еще корпел над своим планшетом. Сколько можно ждать?! Терпел я, терпел и не вытерпел — решил взять спички и снова лезть в дыру: надо же получше все рассмотреть. К тому же там, в круглой пещере, остался еще один ход, засыпанный.

12 августа. Запись вторая.

По обыкновенному земному времени десять часов семь минут. А здесь уже вечереет, солнце идет к закату.

Очутились мы тут вот как.

Залез я в пещеру, подошел к кругу и вдруг подумал: «А что, если самому попробовать?» Сперва страх одолел, а внутри все равно так и зудит, так и чешется. «Э,— говорю себе,— была не была! Александр Иванович живых мамонтов повидал, а я что, хуже? Ведь мне теперь известно, что шар этот повинуется желанию, точнее,— мысленному приказу».

Встал я на круг, закрыл глаза и соображаю, в какое бы мне прошлое отправиться? Посмотреть ли сперва на пиратов, на рыцарей или сразу податься в Древний Египет?

Однако на первый раз решил я задумать приказ попроще: в истории я не силен, еще напутаешь что-нибудь.— «Далекое прошлое» — и все тут.

Стал я изо всех сил внушать неведомой машине свое мысленное приказание и вдруг слышу: «Стой! Прочь с круга!» Но остановиться я уже не смог. В последний миг Александр Иванович все-таки успел прыгнуть и схватить меня за плечи, однако стащить меня с круга он не успел — все вокруг засияло, завертелось, какая-то сила сдавила мне затылок, перекрутила всего меня, как мокрую тряпку, и стала вжимать в землю.

...Как только Александр Иванович крикнул: «Стоп! Хватит!» — светящиеся стены шара померкли и как бы развернулись во все стороны до самого горизонта.

Я думал, что попадем в холод, к мамонтам, а на самом деле очень даже жарко.

Место холмистое, по склонам — рощи. Из знакомых деревьев только дубы и клены, а елок, берез нет вовсе. Вдали — горы. Только что заметил в кустах какого-то зверька. По-моему, простой заяц. Еще я прихлопнул овода, тоже ничем не примечательного.

Несколько минут назад мы были в двадцатом веке, а сейчас — неизвестно где. Но на далекое прошлое не похоже.

Александр Иванович ходит вокруг, осматривает землю, камни: пытается определить время, в котором мы очутились. Шар плывет над его головой. Как выяснилось, шар лучше повинуется тому, кто точнее выражает свою мысль, свое желание. Если не вспоминать о нем, шар всегда перелетает к Александру Ивановичу. Это, наверное, оттого, что у взрослых сильнее электрические сигналы мозга. Я тоже могу переманить шар к себе, нужно только сосредоточиться и подумать о нем. Однако

эти опыты Александр Иванович строго-настрого запретил.

Недалеко от нас тянется какая-то дорога. Сначала я не обратил на нее внимания — дорога и дорога, подумаешь, невидаль. Потом сообразил: это очень даже важно. Ведь дорогу кто-то проложил, кто-то по ней ездит, значит, здесь есть люди, значит, мы перенеслись не в прошлое, а если и в прошлое, то совсем недалеко.

Я сообщил о своей догадке Александру Ивановичу, но он только руками замахал, сказал, что мы попали в самую середину эпохи великого оледенения Земли — более трехсот тысяч лет назад отмахали. Ничего себе расстояньице!

Я не согласился, стал доказывать, что этого никак не может быть, потому что вот рядом дорога, и обыкновенные оводы летают, и зайца я видел обыкновенного, и деревья такие же, как в нашем двадцатом веке. А что касается великого оледенения, так тут, пожалуй, и за сто километров вокруг ни единой льдинки не найдешь.

— Это ничего не значит,— усмехнулся Александр Иванович. — Зайцы, деревья и мухи за три сотни тысяч лет изменились очень незначительно. Я,— говорит,— нашел другие, более надежные приметы времени, например, поле, сплошь забитое галькой, и еще окатанные и поцарапанные глыбы. Понимаешь, ледник, двигаясь, тащил с собой с севера массу камня, но пути он ломал, дробил, обкатывал угловатые обломки. А выбивавшаяся из-под тающей высоченной ледяной стены бурная, мутная река подхватывала каменную мелочь, щебень и волокла, катила этот груз дальше, превращая его в гладкую, округлую гальку. Обессилев, на равнине река оставляла каменную ношу, забивая собственное русло галечными отмелями. Вот они, эти отмели,— показал Александр Иванович.

Поле, сплошь засыпанное камнем, я заметил давно, но никакой реки там не было.

— Давным-давно высохла,— объяснил геолог.— Нет ледника, нет и воды.

— Куда ж он девался, ваш ледник, если мы как раз в самой середке великого оледенения?— удивился я.

— Растаял. Границы льда временно отступили далеко на север.

Оказалось, что эпоха великого оледенения Земли началась шестьсот тысяч лет назад. С тех пор огромные ледники несколько раз то надвигались с севера, накрывая большую часть Европы, Северной Азии и добрую половину Северной Америки, то отступали, таяли, оставляя массу глины, гальки, каменных обломков.

Впрочем, даже в самые холодные времена подальше от ледника, к югу, жизнь была вполне сносная. А в тропиках тем более, их похолодание и вовсе не тронуло.

В промежутках между большими наступлениями льдов многие тысячи лет климат планеты был даже теплее, чем в наши дни. Потом опять что-то случалось то ли на планете, то ли на Солнце, и средняя температура на Земле падала. Падала она, может, всего на пять-шесть градусов, но этого было достаточно, чтобы огромные пространства вновь скрывались под ледяным панцирем. Местами его толщина достигала целого километра. Льда на суше накапливалось больше пятидесяти миллиардов кубических километров! Океан из-за этого терял тогда столько воды и так мелел, что исчезали проливы, заливы, появлялись новые острова. А многие старые острова, как, например, те, на которых сейчас находится Англия, Шотландия, Ирландия, становились частью материка.

Еще Александр Иванович рассказал, что мы живем в самом начале послеледниковой эпохи. На память о прошлом нам остались накрытые толстыми ледяными шапками Гренландия и Антарктида. А ведь когда-то в Гренландии шумели пальмы, фикусы, магнолии, по вечнозеленым деревьям вился виноград. Это ученые точно доказали. А вот сказать, что будет с нашей планетой дальше, они не могут. Может, через миллион лет и Антарктида и Гренландия снова оттают, там, где сейчас тайга, раскинутся тропические джунгли, а в нынешней тундре будет как раз впору спасаться от жары в тени садов... Может начаться и новое великое оледенение. Но ничего страшного уже не случится: люди мигом растопят все льды атомными установками.

Очень это интересно, отчего на Земле вдруг получались эти великие оледенения? Оказывается, их насчитали целых пять! В чем причина — это до сих пор загадка. Одни ученые считают, что всему виной густые облака космической пыли, которые встретила на своем пути наша Солнечная система. Из-за этой пыли солнечных лучей на Землю попадало меньше. Другие ученые объясняют причину оледенений тем, что в атмосфере Земли становилось меньше углекислого газа. Он здорово улавливает солнечное тепло, а из-за этого и воздух лучше нагревается. Когда-то на Земле было очень много действующих вулканов, и от их извержений в атмосфере становилось больше углекислого газа — вот и наступало потепление. Вдобавок рассеявшаяся вокруг Земли вулканическая пыль мешала солнечному теплу, отразившемуся от планеты, уйти назад в космос.

Но потом вулканы планеты засыпали, замирали, многие даже совсем исчезали, углекислого газа становилось меньше, и климат

Земли делался чуть-чуть холоднее. Это «чуть-чуть», словно самая малая гирька на чутких весах, сразу меняло равновесие — больше становилось льда в Арктике и Антарктике, а лед хорошо отражает солнечные лучи — значит, чем больше ледяное зеркало, тем меньше тепла достается планете. Меньше тепла — больше льда. Одно цепляется за другое, и вот уже студеные северные ветры вымораживают и засыпают снегом целые материки.

Все это объяснил мне геолог и только на один вопрос ответить не смог: как здесь, в таком далеком прошлом, могла очутиться обыкновенная дорога?

Александр Иванович начал было говорить, что нашим предкам дорогу нипочем не построить, да она им и ни к чему, но вдруг умолк. Из-за кустов на дорогу выбежало десятка полтора антилоп. Вожак заметил нас, остановился, тряхнул головой, украшенной двумя огромными штопорами, и грозно топнул ногой. Затем, решив, что мы не заслуживаем его внимания, он повернулся и повел свое стадо дальше. Эх, фотоаппарат бы сюда!

Александр Иванович считает, что это давно вымершая порода, а я определенно видел в книге об Африке таких или очень похожих антилоп. Может, мы все-таки не в прошлом? Может, загадочный шар просто перенес нас в какую-то другую страну?

Едва мы поговорили про антилоп, как вдали послышался гул. Вскоре из-за холма в клубах желтой пыли вылетела лавина каких-то животных. Они мчались прямо на нас. Мы бросились в сторону, и вовремя. Едва продрались через кустарник и забрались на бугор, как по дороге с топотом, от которого дрожала земля, пронесся косяк лошадей. Какие-то чудные лошади — длинномордые, низкие, красноватой масти с темными полосками. Полоски шли у них не поперек, как у зебр, а вдоль тела. С бугра было видно, куда они направляются,— вдали, среди зарослей камыша, поблескивала полоска воды.

— На вечерний водопой,— подтвердил мою догадку Александр Иванович.— Вот тебе и ответ на твой вопрос: дорогу к водопою вытоптали дикие лошади и антилопы.

Когда я записал в дневник про антилоп и диких лошадей, мы решили тоже отправиться к воде, потому что во фляжке Александра Ивановича было пусто и еще потому, что хотели поближе рассмотреть живых ископаемых.

Однако далеко идти нам не пришлось. Едва мы добрались до края реденькой рощицы, за спиной послышался треск и тяжелый топот. Я не успел обернуться, как Александр Иванович отчаянно закричал:

— Беги к деревьям! Скорей!

Хорошо, что до ближайших деревьев было несколько шагов. Еще не зная, в чем дело, я нырнул за первый попавшийся ствол. Тотчас мимо меня пронеслась какая-то огромная туша и с треском вломилась в кусты. Никогда я еще не лазил на деревья так быстро! Опомнился, очутившись уже на самой верхушке, а когда глянул вниз — чуть не сорвался: около дерева с глухим ревом топтался огромный носорог. В жизни не видывал такой махины! Один рог чего стоил! Наклоненный вперед, он был больше метра длиной. Грязно-бурую шкуру носорога покрывала редкая щетина. Чудище хрипело от ярости и никак не могло понять, куда я делся.

Александра Ивановича нигде не было видно. «Уж не воспользовался ли он голубым шаром? — мелькнуло в голове.— Неужели домой вернулся? Один! Как же теперь он меня отыщет?»

Между тем носорог отошел немного, замер, прислушался и вдруг *с* коротким ревом бросился к группе деревьев, стоявших особняком на краю рощи. Я глянул туда и заметил геолога. Он размахивал своим молотком и словно нарочно дразнил разъяренного гиганта. Зверь мчался к нему напрямик, не разбирая дороги. Еще секунда и... Я даже закрыл глаза. А когда открыл, носорог стоял неподвижно и шевелил ушами. Александра Ивановича опять не было. Но вот он показался из-за дерева еще дальше, закричал, замахал молотком. Зверь наклонил голову и снова ринулся на геолога. Тотчас Александр Иванович исчез за стволом, великан проскочил мимо.

«Отвлекает! — догадался я.— От меня уводит. И как я мог так скверно подумать об этом человеке! Ладно же, теперь моя очередь выручать». Я стал спускаться с дерева, но тут совсем близко раздалось какое-то странное блеяние: из высокой травы вылез еще один носорог, только маленький, детеныш. Так вот почему носорог, вернее, носорожиха с такой яростью кинулась на нас!

Детеныш неуверенно переступал толстыми ногами и, вытянув глупую, с малюсенькими глазками морду, шевелил ноздрями. Малыш был не так уж мал — с хорошую телку ростом.

Я швырнул в него веткой и крикнул: «Кыш! Пошел! Топай к своей мамаше!»

Но маленький носорог только мекнул в ответ.

«Теперь не скоро спустишься,— подумал я.— Когда еще носорожиха вернется и уведет своего толстяка... Сколько же мне сидеть, как птичке на ветке?»

Всматриваясь туда, где скрылся Александр Иванович, я вдруг заметил, что в кустах шевельнулись ветки, мне почудилось, что там промелькнула какая-то длинная серая тень. Вскоре ветки качнулись ближе. Я следил за кустами во все глаза, но больше

ничего не заметил. Меня отвлек шорох за спиной. Оглянувшись, я вцепился в ствол и замер, стараясь не дышать: внизу, в нескольких шагах от моего дерева, распластавшись в высокой траве, лежало чудовище! Я видел в зоопарке и львов, и тигров — этот зверь был похож и на тех и на других, но гораздо больше. «Если он умеет лазить по деревьям — всё, крышка!» — пронеслось в голове.

Не шевелясь, я скосил глаза. Кажется, зверь меня не замечал. Его огромное мускулистое тело покрывала короткая серая шерсть с редкими темными полосами, короткие, круглые уши были прижаты, оскаленная чуть не до ушей пасть со страшными желтыми клыками казалась непомерно большой. Зверь, наверное, ждал, пока детеныш носорога подойдет поближе, а может, высматривал, нет ли рядом его огромной мамаши. Наконец он не выдержал, весь подобрался, хлестнул себя хвостом и... Я чуть не свалился с дерева от громового рыка. А прыжок! Серая громадина пролетела метров десять и рухнула на маленького носорога. Раздался истошный визг, рев, и через несколько секунд хищник уже волок свою тяжеленную добычу сквозь кусты.

Вскоре все стихло, тут только я почувствовал, что руки у меня совсем онемели, а одной ногой я и вовсе пошевелить не могу. Едва уселся поудобнее и оттер ногу, явилась носорожиха. Тяжелой рысцой подбежала к дереву, остановилась, взвизгнула тонко — наверно, позвала детеныша,— потом принюхалась, подошла туда, где земля была изрыта, забрызгана кровью, страшно взревела и бросилась по следу.

Прошло еще несколько минут, и наконец откуда-то из-за деревьев послышался негромкий голос Александра Ивановича:

— Эй, Владик, ты где?

— Здесь! — простонал я.

Геолог осторожно выглянул из-за кустов, заметил меня и махнул рукой: «Давай, мол, вниз!»

Я спрыгнул с дерева, и мы пустились бегом от страшного места.

Остановились у небольшой скалы, отдышались, я хотел записать все, что видел, но Александр Иванович не дал. «Потом, — говорит,— дома, а то как бы еще чего не случилось. И вообще, пора возвращаться, скоро ночь».

Я сказал, что это здесь скоро ночь, а у нас дома, наверное, еще день.

Поглядели на часы — и правда, двух часов не прошло. Я сказал:

— Давайте найдем безопасное место, чтоб вокруг было далеко видно, и еще здесь побудем. Ведь, если что, мы сразу

сможем удрать. Скажем шару: «Полный вперед!» — и все тут.

Александр Иванович подумал и согласился.

Мы залезли на скалу и сели отдыхать. Александр Иванович рассказал, что хоть и потерял меня из вида, но за носорожихой следил все время, и потому за меня был спокоен. А ее детеныша и тигрольва он вовсе не видел, только слышал рев.

Оказалось, что огромный хищник и в самом деле называется «тигрольвом» и еще «пещерным львом». Только второе название неправильное, потому что тигролев в пещерах никогда не жил.

Я спросил, не сможем ли мы увидеть людей, вернее, предков людей? Александр Иванович сказал, что вряд ли. Очень уж мало было в это время на земле наших прародителей.

Меж тем в потемневшем небе проклюнулась первая звездочка, воздух посвежел, запахло сырой травой... Вдруг неподалеку от нас туманную мглу прорезал скрипучий тоскливый трубный звук. Справа и слева ему ответили. Послышался тяжелый мерный шум, и вскоре из сумрака выплыли громады, с двухэтажный дом ростом. На фоне светлой закатной полоски я увидел длинные, прямые, как штыки, бивни, длинные хоботы, шевелящиеся, словно крылья, уши...

— Мамонты! — шепнул я геологу.

— Тс-с!.. Мамонтов на земле в это время еще нет. Это их предки — трогонтериевые слоны, самые большие из когда-либо существовавших.

Стадо шло к водопою, обтекая нашу скалу. Иные слоны проходили так близко, что свободно могли снять нас хоботом.

— Встань рядом и не шевелись,— шепотом приказал Александр Иванович. Он поднялся, и тотчас шар над его головой засветился ярким голубым светом.

Наверное, нас заметили, потому что ближайший слон тревожно затрубил, и стадо остановилось.

— Не бойся,— сказал Александр Иванович.— Эх, жаль, что так мало узнали!..

Последнее, что я успел заметить, это далекий огонек. Он засветился в той стороне, где начинались горы. Я уверен, что это был костер — костер пещерного человека. Но едва я увидел оранжевую точку, как земля, небо, все вокруг вспыхнуло, сжалось, свернулось, и на мое тело, особенно на голову, навалилась свинцовая тяжесть.

Запись третья. 12 августа. По обыкновенному времени 16 часов 33 минуты; но здесь утро, примерно часов восемь или девять…

Теперь мы еще дальше в прошлом. Получилось это случайно, из-за маленькой ошибки. Александр Иванович хотел было обратиться к шару с мысленным приказом перенести нас домой, и все-таки в последний момент ему стало жалко так скоро возвращаться: подумалось, что он, как геолог, просто обязан забраться в еще более отдаленное прошлое Земли и добыть для науки ценнейшие сведения.

«Соображай» наша таинственная машина чуть помедленнее, мы бы сейчас и вправду были бы дома, но дело в том, что шар не стал разбираться в переживаниях Александра Ивановича, он принял мимолетное сожаление геолога как приказ. Уже через несколько секунд Александр Иванович спохватился, что «старт» последовал слишком уж быстро и мы, вероятно, отправились не в ту сторону, но что делать? Ведь мы еще не знаем, можно ли изменять направление движения шара на ходу, а экспериментировать с неизвестным устройством слишком рискованно. В конце концов геолог просто послал мысленный приказ остановиться. На всякий случай.

И вот мы на берегу неведомого моря.

Море спокойное, зеленое, а у берега вода мутная, темная. Вдали видны какие-то темные полоски и точки. Александр Иванович говорит — коралловые рифы.

Сидим на горячих камнях невысокого холма. Узкая цепь таких холмов тянется далеко-далеко в глубь суши… Хотел написать «к горизонту», но горизонта не видно, он затянут белесой дымкой. Это оттого, что, куда ни глянь, везде болота, то открытые, то заросшие лесом. Вообще, местность до странности плоская, и на сколько хватает глаз, то зелень, то вода, снова зелень и снова вода. Какой-то головоломный лабиринт островов, заливов, проток… Через эти хляби не то что пешком — на танке-амфибии не проехать.

Пахнет затхлостью, как в погребе, и гнилым сеном, хотя травы тут совсем нету.

Душно. Жарища — что тебе Африка. Хотел спуститься на берег искупаться, но Александр Иванович не разрешил. Зря — от скал, что под нашим холмом, в обе стороны тянется отличный

песчаный пляж.

Только что у нас произошел серьезный разговор. Александр Иванович объявил себя начальником экспедиции и потребовал беспрекословного повиновения. Раз так, я назначил себя заместителем начальника, разведчиком и научным секретарем. Начальство не возражает. Что ж, за такую должность я согласен подчиняться и не лезть в воду, даже если совсем изжарюсь.

Пока разведывать нечего. Шар на месте, то есть над моим начальством. Как научный секретарь, я пришел к выводу, что это инопланетная работа, больше такую машину сделать некому.

Александр Иванович только хмыкнул в ответ на мое предположение, но спорить не стал. Писать пока кончаю, потому что отправляемся выяснять, в какое время мы попали, и вообще исследовать окрестности...

...Вот теперь можно продолжить запись. Начальство ходит по берегу и разыскивает ракушки, говорит, что по их форме можно довольно точно определить время. Конечно, не в минутах, не в часах, даже не в годах, а с точностью всего-навсего... в несколько миллионов лет. Что ж, миллион лет для Земли почти то же, что день-другой в жизни человека.

Не знаю, что отыскал Александр Иванович, а вот я, кажется, действительно сделал первое научное открытие. Метрах в тридцати от того места, где мы «приземлились», на песке отпечатаны свежие следы... курицы. Точь-в-точь. Только какой— каждый след с полметра! А расстояние между следами метра три-четыре. Вот это птичка! И что интересно, сколько я ни смотрел, ни чаек, ни ворон, ни воробьев — вообще никаких птиц в воздухе не заметил.

...Опять продолжаю запись. Александр Иванович по раковинам определил, что мы сейчас от дома на расстоянии примерно в сто двадцать — сто тридцать миллионов лет. Найденный мною след подтвердил его заключение. Только принадлежит он вовсе не гигантской курице, а какому-то ящеру, бегающему на двух ногах. Еще мы нашли довольно прозрачный ручей, напились и набрали полную флягу.

Ручей этот мы отыскали не сразу, пришлось уйти довольно далеко от берега к опушке леса. Шли по раскаленному сыпучему песку, зато когда дошли, я рот разинул: в жизни не видал таких деревьев! Представьте себе, например, великанскую палицу, воткнутую рукояткой в землю, а из толстого набалдашника торчат во все стороны пальмовые ветки. А рядом — бочонок в два обхвата, сверху сплошь утыканный длиннющими зелеными перьями. Некоторые деревья похожи на гигантские редьки, почти выскочившие из земли. Есть деревья с прямыми чешуйчатыми

стройными стволами, но кверху они все равно не утонь-шаются, а стоят вроде голой колонны, и только от закругленной толстой макушки во все стороны расходятся длинные зазубренные ленты-листья.

Александр Иванович называет эти диковинные деревья беннетитами и саговниками.

Дальше, в глубь леса, мы не забирались — сплошное болото, из грязи ног не вытащить. Однако в этой сырости мы обнаружили высоченные папоротники. Их я сразу узнал, потому что вспомнил одну книгу про каменный уголь, он как раз и образовался из таких вот древовидных папоротников, хвощей и еще чего-то, тоже древовидного.

Когда двинулись назад, к берегу, на песчаных буграх попался нам кедр или сосна — иголки длиной с ладонь, а уж шишки что твой кокосовый орех. Начальство говорит, это одно из самых первых на свете хвойных деревьев — «араукария». Очень похожие араукарии встречаются на юге и в нашем двадцатом веке.

Кончаю писать. Идем дальше.

Продолжение записи.

...Шли вдоль моря. Прибоя почти нет, берег завален гниющими водорослями, скорее всего, их штормами выбросило. Очень скверный запах.

Добрались до лесистого и довольно высокого мыса, за ним начинается залив, уходящий далеко в глубь суши. Может быть, это и не залив, а устье какой-то большой реки. Течения не заметно. Наверное, оттого, что много воды растекается по окрестным болотам.

Александр Иванович шел медленно, осторожно, то и дело озираясь, будто нас ожидала засада. Мне велел держаться позади. Когда начальник оказался за кустом, я воспользовался моментом, скинул кеды и — в море. Вода теплая, как в ванне, и не очень-то соленая — в Черном море куда солонее, я в Крыму пробовал.

Только я окунулся, вдруг что-то в море как бухнет! Выскочил на песок, оглянулся, а это дельфин играет. Не дельфин, а дельфинище — метров пятнадцать, не меньше, настоящий кит!

Кувыркнулся он еще раз, и тут я его совсем хорошо рассмотрел: глаза белые, как тарелки, а пасть длинная, острая, зубастая, наподобие щучьей...

Нырнул дельфин, выскочил, а рядом из воды взметнулись какие-то толстые изогнутые прутья. Тотчас море в этом месте закипело, полетели фонтаны брызг. Гигант оглушительно бил хвостом, выскакивал, изогнувшись дугой, и снова исчезал в пенистом водовороте. Вот разыгрался! Наверно, выворотил со дна куст водорослей и трепал его, как щенок тряпку. На миг из волп показалось что-то вроде толстого пня с растопыренными корнями, потом вода успокоилась, кривой спинной плавник дельфина появился вновь и стал стремительно уходить в сторону розового, едва различимого вдали острова.

Позже Александр Иванович объяснил, что время дельфинов осталось у нас позади — мы его проскочили на много миллионов лет,— и, стало быть, мне посчастливилось наблюдать, судя по белым костяным щиткам вокруг глаз и зубастой пасти, ихтиозавра (по-русски — рыбоящера). Этот ихтиозавр не играл, а, по-видимому, охотился на свою любимую добычу — прадедушку нынешних осьминогов и кальмаров.

Но прежде чем я обо всем этом узнал, мне здорово досталось: начальство сразу заметило мокрые волосы и трусики. Александр Иванович ругался, кричал, что меня следовало бы отодрать за уши, и даже решил немедленно возвращаться. Но я сказал, что лучше все-таки отодрать меня за уши, и дал последнее-

распоследнее честное слово беспрекословно выполнять любой приказ. Только тогда мы отправились дальше.

По дороге я выяснил, почему в здешней морской воде маловато соли: соль и всякие другие вещества в основном попадали в море с суши, их приносили с собой понемножку бесчисленные реки и ручьи. А в эту давнюю пору моря-океаны просто еще не успели просолиться как следует, времени не хватило.

...Вскоре мы обогнули мыс и двинулись по узкой полоске берега в глубь залива. Идти стало трудно. Густые заросли подступали порой к самой воде, под ногами чавкала грязь, то и дело на пути встречались груды поваленных деревьев. На куртке Александра Ивановича между лопаток появилось мокрое пятно, у меня самого рубашка — хоть выжимай. Опять ужасно захотелось выкупаться, но тут перед нами открылась бухточка, и в ней мы увидели такое, что всякая охота лезть в воду сразу пропала: не больше чем в сотне метров от берега в мутной тинистой жиже шевелились какие-то гладкие бурые островки, они то поднимались над поверхностью, то почти тонули. Время от времени то тут, то там, но обязательно возле островков, с плеском вылезали чудовищные удавы, извиваясь, они вытягивали высоко над водой свои шеи, с которых зелеными космами свисали водоросли, вертели плоскими змеиными головами и, осмотревшись, снова исчезали.

Я сразу заметил, что островки и удавы движутся в одном направлении — наискосок к нашему берегу. Только хотел я спросить Александра Ивановича, что это за живые островки и почему с ними рядом лазают под водой морские удавы, как сам все увидел и понял. Передний змей добрался до мелководья — его голова поднималась все выше и выше над водой. На берег вышло.. вот уж ни в сказке сказать, ни пером описать — настоящее чудо-юдо пятиметровая шея с маленькой головкой поднималась над верхушками деревьев, туловище вроде как у бегемота, только куда больше, ноги — шириной с бочку, а под брюхом слон пролезет!

Александр Иванович тер руки, словно они у него чесались, и тихонько стонал.

— О-о-о! Какой экземпляр! Аппарат! Полжизни за фотоаппарат!

Я сказал, что лучше бы ружье — на всякий случай.

— Какое ружье! — махнул рукой геолог.— Тут уж, если что случится, пушку надо. Это же бронтозавр! Шивой бронтозавр! Смотри, еще выходят!

Один за другим на берег вылезали все новые гиганты и

гуськом уходили к лесу. Ящеры шли медленно, с трудом переставляя ноги-колонны. Их длинные хвосты, волочившиеся, как древесные стволы за трактором, оставляли в песке глубокие борозды.

— Вперед! — скомандовал геолог и бросился за бронтозаврами. Я догнал его и напомнил, что у нас нет оружия.

— Они не тронут, они травоядные! — не оборачиваясь, крикнул мой командир.

Довольно скоро мы догнали последнего ящера и пошли сбоку на приличном расстоянии.

Бронтозавр раза два поворачивал свою маленькую головку и с высоты разглядывал нас немигающими глазками.

— Иди, иди, дурак! — махнул ему Александр Иванович.— Двигай, отстанешь!

Бронтозавр послушался и ускорил шаг.

— Знаешь, сколько у него в голове мозга? — спросил геолог. — С грецкий орех! Впрочем, кроме головного, у бронтозавра есть еще мозги, покрупнее. Один мозг над передними ногами, другой в крестце, над задними. Конечно, эти мозги не для того, чтобы думать, просто они командуют движениями огромных конечностей.

Бронтозавры, ломая деревья, шли к широкому болоту. Берега его терялись в белесой дымке. Собственно, это было даже не болото, а какое-то причудливое смешение воды и суши,— на сколько хватал глаз, тянулся лабиринт зеленых островов и темных тинистых проток. Тут и там, в зарослях, на островах, в болотной жиже, вдали и совсем близко, шевелились исполинские туши. Их были сотни. Я заметил, что гиганты стремятся овладеть островами. Если клочок суши был слишком мал для двоих, ящеры били друг друга тяжелыми шеями и толкались. Над болотом неслись протяжные хрипы и мычание.

Александр Иванович смотрел во все глаза, словно зачарованный этим зрелищем.

— Что им здесь надо? — спросил я, тронув его за плечо.

— Не знаю, но, кажется, догадываюсь. А ну-ка подойдем поближе.

Плутая по более или менее сухим перешейкам, мы обнаружили здоровенную кучу преющей тины. Все вокруг было истоптано и переломано.

— Кажется, то самое, что нам нужно! — воскликнул геолог и, не жалея одежды, полез в грязь. Раскопав верхушку кучи, Александр Иванович издал торжествующий клич и вытащил нечто похожее на здоровенную белую дыню. Хоть и не хотелось пачкаться, а пришлось помогать. Дыня оказалась яйцом ящера, да

таким тяжеленным, что нести его пришлось вдвоем.

— Там их много! — отдуваясь, говорил геолог.— Жаль, что рюкзаков нет, а то бы парочку захватили. Ничего, мы с тобой еще съездим сюда.

...Не успели мы отойти от края болота, как в зарослях послышался треск и какое-то сиплое кваканье.

Мы остановились, осторожно опустили яйцо на землю. Кваканье раздалось ближе. Александр Иванович схватил меня за руку и потащил за толстое дерево. Только мы спрятались, на болотистую поляну выскочили три очень странных ящера: держа длинные хвосты на весу, они бежали на задних ногах. Совсем маленькие передние лапы были прижаты к груди. Ящеры очень напоминали кенгуру, только ростом чуть побольше. Но кенгуру симпатичные, а эти — тьфу, пакость! — голая, обвисшая кожа, глаза злые, змеиные... Не останавливаясь, ящеры-кенгуру прыгали по краю болота, пока не увидели кучу, раскопанную Александром Ивановичем. Тут они притормозили, и в тот же миг во все стороны полетели ветки, комья грязи... Ящеры разрывали и разбрасывали кучу мордами, да так ловко, что мне бы за ними и с лопатой не поспеть. И яичную скорлупу они с размаху били тоже головой, как молотком.

Когда через минуту один из этих яичных воров поднялся, мы чуть не прыснули: ну и образина! Вместо морды у ящера был какой-то ком из тины, перемешанной с желтком. Наверное, ящеру залепило и глаза, потому что он, изогнув шею, принялся скрести голову маленькими передними лапами.

— Идем! — шепнул Александр Иванович.— Этим гадам не до нас. Они тут еще долго будут пировать.

...Бронтозаврово яйцо оттягивало руки и все время норовило выскользнуть. Пробираться с ним через завалы было сплошным мученьем. Выбившись из сил, Александр Иванович снял с себя куртку, завязал рукава и сделал нечто вроде мешка. Начальник мой поклялся доставить яйцо домой целым и невредимым. А там — прямо в Академию наук. Сказал, что, вполне возможно, ученым удастся инкубаторным способом вывести живого бронтозаврика.

Бронтозавр в двадцатом веке! Вот это будет номер! Весь мир ахнет!

Только где ж его будут держать? Придется специальный дом строить. Вроде крытого стадиона.

Наконец мы добрались до того самого пляжа, где впервые спустились к морю.

— Привал! — скомандовал начальник экспедиции и улегся на горячий песок.

Я лег рядом, стал смотреть на море и вдруг сообразил, что не

знаю, как это море называется. Спросил у геолога, оказалось — никак, нету у моря имени.

— Как же так? — говорю.— Может, оно очень маленькое, самое завалящее?

— Наоборот, очень даже большое. Только название ему ни к чему: корабли тут не плавают, людей нет...

— Но как же мне в дневник записывать? Где мы были?

— Вполне достаточно указать область, название стройки, где работает твой отец, и добавить еще три главных слова — «середина юрского периода».

— Ну и адрес! Что это за период такой?

— Как тебе сказать... Страница, вернее, целая глава в истории Земли. В общем, то самое время, в которое мы с тобой попали.

Помолчал Александр Иванович и вдруг спросил:

— Ты-то знаешь свой адрес? В каком ты времени живешь?

— Конечно, знаю,— говорю.— В двадцатом веке.

— С геологической точки зрения, это не адрес, а «на деревню дедушке». Запомни, ты, как и все человечество, проживаешь в кайнозойской эре, в четвертичном периоде.

Я говорю:

— А как же быть тогда с учебниками истории? Там же черным по белому написано, что и наш двадцатый век, и все девятнадцать веков до него называются «новой», или «нашей» эрой, а вовсе не этой... кайнозойской. Так уж принято отсчитывать время от некоего нуля, а про все, что было раньше, говорится: «произошло в такой-то год или век до новой эры».

— «Год, век»... — усмехнулся геолог.— Между прочим, когда те же историки забираются еще глубже в прошлое, они говорят уже не о годах, не о веках, а о тысячелетиях. Ведь чем дальше от нас прошлое, тем меньше его следов оставляет нам время, тем меньше подробностей узнают ученые, вот и приходится им увеличивать меры времени. Впрочем, все эти века и тысячелетия человеческой истории по сравнению с жизнью нашей планеты — все равно что кирпичики рядом с высотным зданием. Но высотное здание, как тебе известно, разделено на этажи. Скажем, Иванов живет на двадцать первом, Петров — на десятом, а Сидоров — на третьем. Зная это, ты легко найдешь каждого. Вот и ученым пришлось разделить историю Земли тоже на своеобразные этажы — на эры.

И рассказал мне геолог вот что.

Планета наша существует что-то около четырех миллиардов лет. Вначале на раскаленном шаре ничего живого быть не могло. Но прошло около миллиарда лет, каменная корка Земли остыла, появились океаны, моря. Наверное, именно в этих теплых морях и

зародились первые крохотные живые комочки. С этого и начинается геологический календарь.

Время зарождения живой природы назвали археозойской эрой. «Архайос» — слово греческое, означает оно «старый», «старейший». Другое греческое слово «зое», в переводе — «жизнь». Вот и получается — эра «старейшей жизни». Она тянулась ужасно долго — девятьсот миллионов лет. Затем наступила другая, протерозойская эра, то есть эра первожизни. В это время неведомые нам живые частички превратились в довольно сложные организмы.

Спустя еще шестьсот миллионов лет началась палеозойская эра, то есть эра древней жизни.

Вся эта древняя жизнь поначалу кишела в морях-океанах, а суша еще долго оставалась мертвой каменной пустыней. По морскому дну ползали черви, морские звезды, диковинные раки, одни — похожие на огромных мокриц, другие — на скорпионов; в воде плавали медузы, шевелили своими стеблями водоросли. Много позже появились рыбы. Некоторые из них приспособились жить на теплых отмелях, где пищи было больше, а врагов меньше. Правда, здесь из-за отливов дно то и дело обнажалось. Очутившись в мелких, высыхающих лужицах, многие рыбы погибали. Многие, но не все. Некоторые зарывались в мокрый песок и ухитрялись выжить. А их потомство оказывалось уже более выносливым. За миллионы лет через многие тысячи поколений эти прибрежные рыбы приспособились вполне сносно ползать на плавниках и даже немножко дышать воздухом.

Потом эти ползающие двоякодышащие рыбы постепенно стали превращаться в земноводных — появились существа, похожие на огромных тритонов и хвостатых жаб. Эти первопокорители суши еще откладывали икру, их мальки вылуплялись в воде, как головастики, но, когда подрастали, вылезали на сушу и дышали уже воздухом.

Прошли миллионы лет, и многие земноводные превратились в пресмыкающихся, в ящеров, и следующую эру в истории Земли, мезозойскую (то есть эру «средней жизни»), можно было бы по праву назвать царством ящеров. Существовало это царство сто пятнадцать миллионов лет. Лишь в самом его конце появились на Земле существа ростом с хорька, которые не боялись холода, потому что у них, в отличие от ящеров, была горячая кровь. Они не откладывали яиц, а рождали живых детенышей. Мохнатые мамы кормили своих малышей молоком, потому и назвали ученые этих животных — млекопитающими. А ящеры... Они почему-то очень быстро вымерли. По-видимому, что-то приключилось с климатом планеты.

С момента появления млекопитающих и началась последняя, кайнозойская эра, то есть эра «новой жизни». Эта эра тянется уже семьдесят миллионов лет, а когда и на чем кончится — неизвестно.

Но эры слишком уж большие отрезки времени. Геологам нужны были более точные «адреса» событий в истории Земли. Поэтому ученые разделили каждую эру на периоды. В нашей последней, кайнозойской эре пока всего два периода: минувший третичный и нынешний — четвертичный.

Александр Иванович увлекся и еще долго рассказывал о названиях периодов, о том, что периоды делятся еще на эпохи, а эпохи — на длиннющие геологические века...

Юрский период был хоть и не самым бурным, но и не из тихих. Геолог сообщил потрясающую штуку. Оказывается, в этом самом юрском периоде, где мы теперь сидим, Южная Америка еще соединяется широким перешейком с... Африкой, а Северная Америка — с Европой. Таким образом, Атлантический океан сейчас вовсе не океан, а огромное замкнутое с севера и с юга море. Но и это не все. В нашем юрском периоде из Азии до самой Австралии можно добраться посуху! Лишь кое-где, возможно, пришлось бы одолеть узкие проливы. А уж что от Индии до Мадагаскара тянется суша — это совершенно точно.

Я сказал Александру Ивановичу, что, когда попаду в школу, обязательно сделаю «юрскую карту мира». А еще лучше, обклею мой старый глобус белой бумагой и нарисую все древние материки и океаны. Вот ребята удивятся!

Но Александр Иванович пожал плечами и спросил, почему мне понравился именно юрский период? Ведь в более отдаленные времена планета выглядела еще занятнее.

— Что, например, говорит тебе слово «Гондвана»?

Я ответил, что ровным счетом ничего, первый раз слышу. А он: напрасно! Гондвана — это древний материк, исчезнувший вероятно, триста — четыреста миллионов лет назад — еще в палеозойской эре. Этот материк объединял, по мнению некоторых ученых, нынешнюю Бразилию, значительную часть Африки, Аравию, Индию и Австралию. Каково? Ну, а море, вернее, целая система морей под названием «Тетис»? Тоже не слыхал? А между тем эти древние моря заливали пустыню Сахару, и весь юг Европы, и Кавказ, и часть Средней Азии. Волны моря «Тетис» плескались даже там, где позже выросли Гималайские горы... Так что, если ты собираешься показать, какие перемены происходили в облике Земли, тебе придется сделать не один, а десятка два-три глобусов. При этом в каждом придется сверлить специальные дырки для «земной оси», потому что Северный и Южный полюсы

некогда находились совсем не там, где теперь. Они постоянно кочевали с места на место и потихоньку-понемножку совершили огромное путешествие, прежде чем временно обосноваться: один посередке Ледовитого океана, а другой — в центре Антарктиды.

Услышав все это, я приуныл: столько глобусов мне и за год не сделать, да и девать их некуда. Но потом решил так-пусть у меня не будет полной «истории с географией», один глобус, юрский, я все-таки сделаю. На нем будут все неведомые моря и горы, я сам придумаю для них названия. А на том берегу, где мы сейчас находимся, обязательно напишу: «Земля Чудобыльского». А что? Имею полное право! Море я бы назвал по справедливости «морем Сулимова», но он не хочет об этом и слышать. Зря!

А еще на глобусе я нарисую маленькие изображения ящеров, населявших Землю в это время.

...Пока я писал, вдали над холмом показалась какая-то черточка. Она быстро приближалась, росла... Сперва я не обратил внимания — обыкновенный самолет — и уже вернулся в мыслях к своему будущему глобусу, как вдруг сообразил: ведь самолетов тут нет и не может быть! Что же тогда? Орел?

Длиннокрылая бурая птица была и в самом деле похожа на орла. Она сделала плавный вираж и снова стала приближаться к нам.

Я толкнул Александра Ивановича и крикнул:

— Воздушная тревога!

Крикнул в шутку, но геолог и вправду встревожился: теперь уже было видно что «птичка» была не из маленьких — крылья метров пять в размахе. И какие крылья! Голые перепончатые, как у летучей мыши.

— Это не орел! — в изумлении крикнул я.— Смотрите!..

— Ложись! — рявкнул Александр Иванович и дернул меня за ноги.

Упал я вовремя. С истошным воплем, похожим на мяуканье голодной кошки, летучая тварь пронеслась над нашими спинами. Я успел заметить длинную шею, когтистые лапы и... не клюв, нет — огромную клыкастую пасть. Форменный дракон из сказки!

Дракон набрал высоту, развернулся и опять стал пикировать.

— Прижмись к земле и не шевелись! — велел Александр Иванович.

Но я и без него прямо-таки врос в песок. Страшно щелкнули над моим затылком зубы, прошелестели крылья, меня даже ветром обдало.

— Теперь беги к морю! — приказал геолог.— За мной!

Пока летучий гад, замахав крыльями, притормозил, мы уже сидели в воде, высунув на поверхность одни носы.

Пытаясь достать нас, этот воздушный разбойник сделал несколько кругов. Он пролетал совсем низко, почти касаясь воды, и мы каждый раз окунались с головой.

— Проклятая тварь! — отплевываясь, ругался геолог.— Но каков экземпляр! Из летающих ящеров, больше всего напо-минает диморфодона. Вот только размеры... Пожалуй, это еще неизвестная науке разновидность.

Между тем огромный диморфодон, по-видимому, отчаялся заполучить нас на обед и, пронзительно мяукая, носился уже над берегом.

Покружившись, он замахал кожаными крыльями, повис возле того места, где лежала наша одежда, вытянул шею и несколько раз ткнулся мордой в песок. Затем снова взлетел и снова стал спускаться.

— На посадку хочешь? Не выйдет! — злорадно произнес Александр Иванович.— Давай-давай, попробуй еще!

— А почему бы ему не сесть? — спросил я, наблюдая за ящером.

— Потому что тогда он больше уже не взлетит. Лапы короткие, а крылья длинные. Так и будет ползать по берегу, пока кто-нибудь его не найдет и не сожрет. Большинство летучих ящеров — обитатели скал и самой крыши лесов. Они могут взлетать, лишь падая сверху, как, например, стриж.

Между тем диморфодон, сообразив наконец, что поживы не будет, сделал круг, мерно взмахивая крыльями, набрал высоту и скрылся за деревьями.

Мы вылезли на берег, стали одеваться, как вдруг геолог, уронив куртку, вскрикнул:

— Яйцо!

Подбежав к тому месту, где мы оставили наш трофей, Александр Иванович горестно всплеснул руками. На песке в студенистой луже валялись куски толстой скорлупы.

— Ах гад, чтоб ему подавиться! — бранился геолог.— Вот зачем он здесь крутился! Не сесть он хотел, а съесть. Тяпнул зубищами по яйцу, а утащить не смог...

Я поднял уцелевшее донышко; в глубокой белой чаше оставалось еще много желтка. И тут, наверное, оттого, что мы с утра не ели, меня осенило:

— Что, если сделать яичницу? Прямо в скорлупе зажарить! Ведь такого блюда не едал еще ни один человек в мире. Мы будем первыми!

Но в ответ на мое предложение Александр Иванович скривился, сморщил нос:

— Есть эту гадость? Тьфу!

— Но ведь едят же люди черепашьи яйца. Да еще похваливают! — напомнил я.— А эти чем хуже?

Геолог брезгливо понюхал скорлупу.

— Жарь, если охота, я потерплю.

И пяти минут не прошло, как я натаскал сухих, выброшенных морем веток, укрепил донышко яйца меж камней, чтоб не падало, и зашипела на огне, запузырилась единственная на свете бронтозаврова яичница.

Но когда пришло время пробовать, я почему-то расхотел есть, хотя запах был вполне нормальный.

— Что ж ты? — насмешливо спросил геолог.— Ведь едят же люди черепашьи яйца.

— Просто еще горячо,— сказал я и, собравшись с духом, отковырнул палочкой дымящийся кусок. Попробовал — ничего, есть можно. Попробовал еще — вкусно. Только соли маловато.

Глядя на меня, Александр Иванович глотнул, сплюнул и принялся выстругивать ножом ложку.

— Знаешь, что мы уничтожаем? — морщась, спросил он.— Драгоценнейший экспонат! Сокровище науки! Будь эта яичница из чистого золота, она и тогда бы не стоила так дорого. Пожалуй, ни один миллиардер не мог бы позволить себе такую роскошь.

Наше пиршество продолжалось недолго. То ли дым, то ли запах привлекли непрошеных гостей. Со стороны зарослей налетела целая стая противных крылатых гадов. Эти были поменьше, примерно с лисицу ростом, а похожи издали на уток: шеи длинные, лапы позади... только вместо клювов — длинные зубастые пасти.

Налетела эта свора и с визгом принялась кружиться над нами. Некоторые пролетали совсем близко, норовя цапнуть или ударить крылом. Я видел когтистые короткие лапы и еще заметил, что на сгибах крыльев у них тоже торчали когти.

— А ну, брысь! — кричал Александр Иванович, размахивая руками.— Кышь, черти! Пошли прочь!

Но летучие твари не испугались. Один из ящеров даже успел на лету укусить геолога за палец. Тогда я схватил камень и запустил в стаю. Сгоряча промазал, но второй камень попал в цель. Один из гадов забил крыльями, упал на песок и, неуклюже трепыхаясь, потащился в заросли, к болоту.

Геолог избрал другое оружие — он стал обстреливать ящеров сучьями. Ох и концерт они задали! Такой поднялся визг, верещание — хоть уши затыкай.

Еще один разбойник свалился в море, а остальные поднялись и полетели к деревьям. Там они сели, вернее сказать, повисли на ветках вниз головами и еще долго продолжали визжать и шипеть,

словно ругая нас на своем языке.

— Птеродактили,— объяснил Александр Иванович.— Этих особенно бояться нечего. Но какие здоровые! Ученым чаще попадаются окаменевшие кости птеродактилей ростом с ворону, а то и с воробья.

— Наверное, от этих ящеров птицы произошли,— предположил я.

— Вовсе нет. В птиц постепенно превратились совсем другие ящеры — хорошо лазавшие по деревьям. Живя высоко над землей, они выучились прыгать с ветки на ветку. Постепенно прыжки эти удлинялись, передние лапы ящеров стали плоскими и широкими, удобными для планирования, хвост сделался рулем, а чешуйки на коже расщепились и превратились в перья... Но все это пока предположения: слишком мало мы знаем об этом времени. Одно точно — птицы к летающим ящерам прямого отношения не имеют.

Кстати, первоптицы, или археоптериксы, появились тоже в юрском периоде. Когда мы попадем сюда снова, может, они нам и встретятся. Прежде чем из Академии наук прибудут ученые, я думаю, мы успеем еще не раз отправиться в прошлое.

— А что же все-таки произошло от летающих ящеров?— поинтересовался я.

— Ничего. Вымерли — и всё. Очень много ящеров вымерло, не сумев приспособиться к новым условиям и не оставив после себя ничего на них похожего. Однако раз уж мы съели находку, надо бы нам захватить из этого времени что-нибудь еще. Пошли поищем.

Геолог поднялся, но в тот же миг со стороны болота донесся низкий, как бы двойной рев: «у-о-о-о...»

Я подумал, что это, наверно, какая-то неуклюжая зверюга попала в беду и зовет на помощь.

Вскоре в зарослях затрещало, послышался тяжкий топот, и снова раздалось тоскливое двухголосое: «у-о-о-о-о».

Александр Иванович, схватив меня за руку, стал всматриваться в колыхавшуюся зелень. Вдруг из-за верхушек деревьев вынырнула отвратительная голова с шишкой на носу. Дьявольская морда словно бы улыбалась. Чудовище разинуло клыкастую пасть, и тотчас над берегом вновь прокатился протяжный рев.

На миг голова исчезла, качнулись вершины, и вдруг из зарослей на песок вылетело двуногое чудовище ростом с телеграфный столб...

— Бежим! — крикнул я и потянул Александра Ивановича.

— От него не убежишь. Тираннозавр рекс — самый большой

и страшный хищник из всех существовавших на земле,— торопливо проговорил геолог.— Стань рядом со мной!

В тот же миг спасительный шар над его головой словно бы раздулся и засветился ярким светом.

Чудовищный ящер, прижав сложенные на груди маленькие лапы-ручки, странно поклонился нам и прыгнул...

12 августа. Запись четвертая. Точное время неизвестно, так как часы начальника экспедиции остановились. Здесь — вечереет

...Надо ли говорить, что мы не «повернули» к дому.

Мой геолог упрямо забирается все дальше в прошлое.

Только что сказал: «Раз уж на нас свалилась такая фантастическая удача, надо ее использовать до конца, узнать, увидеть своими глазами как можно больше. Так что — полный вперед! А если точнее — «Полный назад!»

Не нравится мне это. По-моему, хватит. Пока нам очень везет, но что-то будет дальше?.. Впрочем, «везет» нам уже не очень.

...Через минуты три после того, как мы унеслись из юрского периода (дольше трех минут мы просто не могли выдержать), Александр Иванович дал мысленный приказ «стоп!». В тот же миг мы очутились... в воде. От неожиданности я чуть не захлебнулся. Хорошо, Александр Иванович схватил меня за шиворот.

Вокруг, куда ни глянь, простиралось море.

— Вероятно, триасовый период,— отплевываясь, сказал геолог.— Тогда океаны и моря занимали особенно большую площадь. Тьфу! Посадочная площадка могла быть и получше.

Уже потом он говорил, что очень боялся: а ну как наш «марсианский шар» не возьмет нас с воды? Вдруг он не рассчитан?

Но, к счастью, шару оказалось безразлично, вода или суша.

12 августа. Запись пятая. Точное время по-прежнему неизвестно. Здесь, кажется, полдень, но солнца не видно. Туман.

Мы унеслись еще дальше от двадцатого века и теперь сидим на суставчатом стволе гигантского хвоща. Кругом залитый черной водой лес, тут и там громоздятся завалы бурелома. По ним бегают огромные сороконожки, скорпионы с воинственно задранными хвостами...

На соседнем дереве надоедливо трещит сверчок ростом с хорошего скворца. Подальше, поперек поляны, вернее, залива висят белые веревки. Думал — лианы, но, когда в них запуталась стрекоза с полуметровыми крыльями, я понял — паутина. И паука увидел, брр, ну и гадина! Со стрекозой он расправился в два счета, только крылья остались. Одно «крылышко» взял на память.

Хотя солнца не видно — все небо в тумане,— жара и духота, как в бане.

Александр Иванович молчит, утирает пот и пытается перочинным ножом починить часы. Наверное, во время нашего вынужденного купания в них попала морская вода.

Мы попробовали отправиться изучать местность, но тут же провалились по пояс в вонючую жижу. Еле выкарабкались.

Ходить тут вообще невозможно. Интересно, на чем же стоят деревья. Когда выбирались из трясины, Александр Иванович ухватился было за толстенный зеленый ствол и... повалил его. Корней в болоте много, но уцепиться толком им не за что — топь! А ведь где-то есть горы, скалы, настоящая суша... Даже не верится...

...Только что видел быстрого зверька с крысу ростом. Он пробежал по поваленному папоротнику. Александр Иванович сказал, что это не зверек, а... таракан. Вот уж и вправду «таракан ище»!

...Геолог повалил еще два дерева. По ним, как по мосту, мы добрались до маленького мшистого островка. Здесь можно стоять, хотя грязи по щиколотку.

...Нашел несколько огромных розовых грибов вроде шампиньонов. Интересно, ядовитые или нет? Александр Иванович торопливо собирает образцы мхов, лишайников, ломает верхушки зеленых ростков. Этот «букет» доставим домой, для науки. Пойду помогать.

...Продолжаю запись.

Долго работать тут нельзя — очень душно. Пот ручьями.

Александр Иванович сказал, что мы пересекли границу палеозойской эры и находимся в ее предпоследнем — каменноугольном периоде. А еще он рассказал, что огромные пространства суши, особенно у берегов, в это время должны быть плоскими и низкими. Собственно, настоящих берегов тут и нет вовсе. Болотистые заросли начинаются прямо на морских отмелях и тянутся в глубь материков. Геолог утверждает — на сотни и тысячи километров. Леса высокие, а еле-еле стоят. Пронесется ураган или просто сильный ветер, и миллионы исполинских хвощей, папоротников, кордаитов — щетинистых предков наших елок и сосен — повалятся, рухнут в трясину. Впрочем, они тут и без ветра падают.

Ни зимы, ни холодов здесь не бывает совсем. Климат, как в парнике, от этого все растет быстро, чуть ли не на глазах. А места мало, тесно, потому и идет здесь непрерывная война за солнечные лучи. Поднажмет молодой побег, сдвинет чуточку корень соседа, и старый ствол, потеряв равновесие, летит в грязь.

Растут, топят друг друга великаны, на упавших валятся новые, новые. Постепенно на дне болот накапливаются толстенные пласты деревьев. Их заносит илом, глиной, песком. Давно нарасти бы этому месту и стать сушей, но земная кора потихоньку опускается, дно становится ниже, и опять падают и падают деревья в болото...

Так отжившие свое леса, слой за слоем, оказываются погребенными глубоко в земле. Здесь, в вечной темноте, без воздуха, сдавленные страшной тяжестью, они превращаются в каменный уголь. А ведь каждое дерево — это не что иное, как сгусток солнечных лучей. Благодаря солнечной энергии в зеленых листьях соединяются материалы, добытые растением из воздуха и из земли. Эти соединения служат как бы кирпичиками, из которых дерево строит само себя. Подожги дерево, древесина станет разрушаться и возвратит солнечные свет и тепло в виде пламени.

Миллионы лет проспят в недрах склады древних солнечных лучей, пока не придет человек и не разбудит их.

Когда Александр Иванович рассказал все это, я хотел записать, что каменноугольному периоду мы обязаны всеми запасами угля. Оказалось, это не верно. Уголь образовывался еще и гораздо позже. Просто время, в котором мы сейчас находимся, оставило гораздо больше угля, чем всякое другое. Так же и меловой период. Он назван так не потому, что весь мел произошел именно тогда. И позже, и раньше в морях жили и умирали крошечные существа, одетые раковинками, но меловой период был хорошо изучен именно по колоссальным отложениям

мела.

...Отдохнув, мы снова принялись собирать исторические экспонаты. Мне посчастливилось поймать здоровенную мокрицу и придавить метровую многоножку, очень возможно, ядовитую. Коллекция у нас получилась довольно приличная.

Излазив остров, мы оставили находки на видном месте, повалили несколько стволов и по ним переправились дальше.

Александр Иванович вспугнул что-то вроде жабы, только с хвостом. Тварь оказалась довольно прыткой и успела улизнуть под корни.

Пока мой начальник «охотился», я решил разведать обстановку. Выбрав у края трясины подходящее, наполовину затонувшее дерево, я хотел было ступить на него, но сперва на всякий случай ткнул палкой — не трухлявое ли. Только ткнул — у самых моих ног мгновенно распахнулась желтая зубастая пасть. «Бревно» изогнулось, хлопнуло по жиже хвостом и поползло ко мне. Со страху я всадил палку прямо в глотку чудовищу, отскочил назад и упал.

Когда поднялся, «бревна» уже не было, только еще колыхалась зыбкая, затянутая зеленым пушком поверхность.

Я хотел пойти вдоль берега, когда в глубине островка раздался крик: «Сюда! Скорее!»

Увязнув по колено в грязи, геолог отбивался ремнем сразу от нескольких зубастых тварей. Коротколапые, зеленовато-бурые, они напоминали приплюснутых тупомордых крокодилов. Хорошо еще, что эти дряни ползали медленно, да и ростом были невелики — метра полтора-два. Правда, своими огромными челюстями они так лязгали — глазом моргнуть не успеешь! (Уже потом Александр Иванович сказал, что это еще даже не ящеры, а амфибии, то есть земноводные, вроде жаб и тритонов.)

Когда я подбежал, один двухметровый тритончик забрался в тыл геологу и хотел было ухватить его за ногу, но, получив от меня тяжелой корягой по спине, зашипел, изогнулся дугой и закрутился в тине. От удара коряга переломилась. Пока я искал новое оружие, Александр Иванович отбивался сам. Ремень у моего геолога солдатский, с тяжелой пряжкой, и, какими бы толстокожими ни были эти амфибии, досталось им здорово. Один так и остался лежать у берега. Впрочем, ненадолго — кто-то снизу схватил «крокодила» и утащил в глубину.

— Пожалуй, с нас хватит,— проворчал геолог, размазывая грязь на потном лице.— В этом болоте больше делать нечего. Заберем коллекцию и...

— Домой! — обрадовался я.

— Угу... Только чуть погодя. Видишь ли, нам следует

заглянуть хоть на минутку еще дальше. Необходимо, понимаешь? Для науки! Или ты испугался?

Это было обидно, кажется, я доказал, что не из трусливых.

Мы двинулись к островку, на котором оставили собранную коллекцию, но как раз на середине широкой трясины наш мост разъехался. Можно было бы попытаться перепрыгнуть топь, но бревна качались, стали скользкими от грязи. К тому же то тут, то там из коричневой жижи показывались бугорки глаз. Отовсюду слышалось похрюкиванье и шипение. Привлеченные шумом, обитатели болота со всех сторон спешили к месту нашей схватки.

— Делать нечего,— сказал Александр Иванович и взял меня за плечо.

На фоне низкого туманного неба и темных раскидистых вееров папоротников шар над его головой горел ярким синеватым светом.

— Потерпи еще,— сказал геолог и умолк. Наверное, думал, куда двигаться дальше — назад или вперед.

Кажется, стал накрапывать дождь, затем все вокруг стремительно сдвинулось и вспыхнуло.

12 августа. Запись шестая. Определить время не можем.

Вынужденная остановка. Шар отказывается работать. Ему никто не скомандовал, он сам затормозил. Пишу с трудом, нечем дышать: воздух какой-то едкий, в горле першит.

Место на редкость неудачное. Темнота, молнии, грохот, а дождя нет. Все мерцает. Постоянно светится лишь огненная вершина невидимой горы. Сверху течет сверкающая река — это лава. Страшно. Земля дрожит, сейчас так тряхнуло, что мы упали.

Александр Иванович сказал что-то о море. Честно говоря, я подумал — бредит, но, оказывается, мы сейчас находимся во времени зарождения жизни, и мой геолог надеется, что где-нибудь поблизости окажется берег. Ведь если набрать во фляжку прибрежной воды, возможно, в ней попадутся неведомые науке первые микроскопические живые комочки. Комочки, которые строят самих себя из веществ мертвой природы, растут, а главное — отделяют от себя частички, тоже способные расти и передавать свою жизнь дальше. А ведь как зародилась жизнь, никто толком не знает. Известно только, что она началась в воде. Но даже если берег рядом, нам все равно не дойти — задыхаюсь. Геолог стонет, говорит, что в здешнем воздухе почти нет кислорода. Оказывается, кислород появился в атмосфере благодаря растениям, в основном водорослям. Больше не могу, если сейчас не вернемся — конец...

13 августа. Запись шестая, и последняя. Двенадцать часов, двадцать три минуты, хотя это уже не имеет никакого значения.

...Вчера едва спаслись. Когда мы очутились в пещере, то еще долго лежали там на холодном камне и молчали — не было сил ни говорить, ни встать. Сегодня все тело горит, здорово обожглись. И еще кашель мучает: малость отравились всякими вредными газами.

Александр Иванович предложил ночевать в его палатке. Очень хотелось остаться, но я пошел домой. Как дошел, как свалился на кровать, не помню. А когда встал, отца уже не было. На столе стоял завтрак, накрытый полотенцем, а на полотенце лежала сердитая записка.

Все очень плохо. Если бы только записка! Тринадцатое число — чертова дюжина. На суеверия мне наплевать, но надо же случиться такому совпадению!

Примерно в полдень, еще до гудка на стройке, я уже был в палатке Александра Ивановича. Мы начали было составлять текст телеграммы в Москву, в Академию наук, но отвлеклись, заговорили о чуде в пещере, о том, кто и когда сделал загадочное устройство и почему оно само приостановило наше последнее путешествие во времени — то ли неведомая система «понимала», что дальше нам нельзя — пропадем, то ли была так устроена, что могла переносить лишь до какого-то предела...

Александр Иванович сказал, что значки, высеченные на желтом щите в пещере, возможно, удастся расшифровать, и тогда тайна обязательно приоткроется.

Несколько раз мы принимались за телеграмму, а потом решили вообще отложить это дело. В Академии наук нашей телеграмме могут не поверить, принять ее за глупую шутку. Вот подробное письмо с фотографиями — другое дело. Сказано — сделано. Александр Иванович зарядил аппарат самой чувствительной пленкой, еще мы взяли фонари, кирку на тот случай, если придется расчищать наполовину заваленный ход, обнаруженный мною в глубине пещеры. Кто знает, какие еще чудеса спрятаны в недрах горы. Разумеется, мы захватили с собой побольше еды и термос с горячим кофе. Только все это нам уже не понадобилось. Еще в полукилометре от нового карьера нас встретил человек с красным флажком и сказал, что идти дальше категорически воспрещается — опасно для жизни.

Александр Иванович побледнел:

— Вы... Вы и сегодня будете взрывать?

— Обязательно. Все уже готово. Ждем команды.

— Отставить! — закричал Александр Иванович.— Немедленно дайте сигнал подрывникам! Ведь в зоне взрыва находится...

Но он не успел сказать, что там находится, рядом завыла сирена. Александр Иванович выхватил у охранника флажок и, размахивая им, побежал к сопке. Охранник бросился за ним, схватил за рукав, достал ракетницу, чтобы предотвратить взрыв... И тут словно небо треснуло от могучего удара. Из-за сопки поползло вверх черно-желтое облако.

...После пятого взрыва взвилась зеленая ракета, и сирена прогудела «отбой».

Когда мы пришли в карьер, то даже не сразу узнали место. Сопка была срезана чуть не до половины. На том месте, где находилась наша пещера, громоздились горы битого камня.

Александр Иванович собирался идти к начальнику строительства, просить, чтобы экскаваторщики немедленно взялись за расчистку завалов — авось найдется хоть что-нибудь, имеющее отношение к нашему открытию. Еще он будет добиваться прекращения взрывных работ. Ведь, возможно, где-то в недрах горы прячутся другие пещеры. Честно говоря, я на это не надеюсь. Впрочем, будущим летом отец снова приедет на стройку. Посмотрим, может, дневничок придется еще дописывать. А пока — кончаю. Александр Иванович обещал, если понадобится, подтвердить, что все в моем дневнике — истинная правда.

* * *

...Я дочитал дневник и принялся лихорадочно листать общую тетрадь, надеясь найти адрес или хотя бы номер школы этого самого Чудобыльского. Я решил во что бы то ни стало разыскать автора уникального документа. Я хотел расспросить его о некоторых подробностях, а главное — получить разрешение как можно скорее напечатать драгоценный дневник. Однако никаких сведений об авторе в тетради не оказалось.

* * *

На следующий день я вернулся в бывший свой двор и взялся за розыски. Мне повезло: две одинаково беленькие, востроносенькие, быстроглазые девочки-подружки, которые первыми попались навстречу, ответили мне, что отлично знают Чудобыльского. Перебивая друг друга, они сообщили, что Владик воображала и вообще какой-то чокнутый: с собаками на улице разговаривает, собирает всякие грязные камешки, вечно возится с мелюзгой. А недавно на крышу ночью лазил! Говорит, что

научится летать без крыльев, как во сне! Дескать, нужно только суметь использовать притяжение звезд и других планет, а для этого достаточно сделать что-то вроде увеличительного стекла, только не для света, а для притяжения.

Девочки говорили много и быстро, но в какой квартире живет Владик, они не знали.

Следующим, кого я спросил о Чудобыльском, был толстый рыжий задумчивый мальчик, по виду — первоклашка.

— Владик? — повторил он.— Владик — это человек! — В подтверждение своих слов он вытащил указательный палец из носа и многозначительно потряс им у козырька своей огромной флотской фуражки.— Владика все малыши уважают, потому что он все на свете знает, и хоть учится в седьмом классе, а совсем не задается. А еще он по вечерам на чердаке рассказывает сказки. Не те, которые в книжках или по радио, а свои, да такие, что заслушаешься!

Мальчик сдвинул сползшую на глаза фуражку, отчего из-под козырька вылетел, как пружинка, огненный вихор, подумал и добавил:

— Живет Владик в доме номер 1а, а в какой квартире — это тайна, потому что Владик от волшебников прячется, а вы, дяденька, еще неизвестно кто такой.

Я объяснил, что сам когда-то жил в этом самом доме номер 1а, но это лишь насторожило мальчугана. Фуражка мгновенно спустилась на нос, и уже из-под козырька было сказано:

— Если вы и вправду жили в этом доме, значит, и Владика должны сами знать, и его родителей, или хоть его бабушку.

Владелец фуражки сделал вид, что обнаружил на горизонте что-то очень важное, отчалил и, быстро набирая скорость, исчез.

После двух-трех неудачных попыток я нашел наконец человека, знавшего точный адрес Владика. Это был высокий, подтянутый и очень серьезный мальчик.

— Чудобыльский? — сдвинув брови, переспросил он.— Видите ли, я учусь с ним в одном классе, а что, собственно, вас интересует? Ах, дневник! Как же, разумеется, знаю... Нет, не читал. Вы извините, но тратить время на подобную чепуху... Дело в том, что нам задали на лето сочинение: «Как ты провел каникулы». Ребята отнеслись к заданию со всей серьезностью, а Чудобыльский — представляете? — ему учитель вовсе отметки не поставил. Никакой! Владик, он вообще... безответственный. Вечно занят какими-то бреднями, а для стенгазеты из него строчки не вытянешь. Недавно мы поручили ему провести у октябрят сбор на тему: «Мы живем в эпоху научно-технической революции», так вместо доклада он целый час забивал ребятишкам головы своими

сказочными похождениями на каких-то фантастических заводах.

Мой собеседник пожелал всего наилучшего, сказав на прощанье со вздохом, что лично он как староста считает: с Чудобыльским надо что-то предпринимать.

А еще через минуту в воротах, насвистывая что-то веселое, появился взлохмаченный мальчишка без шапки, в распахнутом пальто. Я сразу догадался, что это тот, кто мне нужен. Владик был толстощеким, курносым, лицо его показалось бы простоватым, если б не глаза — зеленые, большие, то озорные, хитрые, то внимательные, задумчивые.

Владик ничуть не удивился моему приходу, сказал, что вообще привык к неожиданностям, а потеряв дневник, был уверен, что он к нему обязательно вернется. Но вот печатать его, до тех пор пока не будет убедительных доказательств, преждевременно.

— Доказательств? А это?! — Я осторожно вытащил оставленную Владиком в дневнике закладку, самую необыкновенную из всех, какие мне приходилось видеть. Закладкой служило... зеленоватое, огромное, длиной во всю страницу, стрекозиное крыло.

— Все равно мне не верят,— пожал плечами Владик.— Говорят, что это просто тропическая стрекоза откуда-нибудь из Бразилии. А откуда у меня бразильская стрекоза? Было одно бесспорное доказательство — кусок кожи ящера. Ученые сразу бы разобрались, чей он! Но, понимаете, бабушка унюхала, что из моего стола как-то странно пахнет, и выкинула кожу.

Я сказал, что все равно надо попробовать опубликовать дневник, а ответственность беру на себя.

— А может, все-таки выбрать что-нибудь другое? — стрельнув хитрым понимающим глазом, спросил Владик.— Со мной всякие истории случались. Даже еще удивительнее. Я вам, может, и расскажу.

— Другие потом, прежде всего дневник.

— Что ж... Я его дарю. Берите и делайте с ним все, что найдете нужным.

Когда мы прощались, Владик внимательно посмотрел на меня, подняв светлые серпики бровей, пожевал пухлую губу и спросил:

— Вы... ты еще придешь?

— Приду. Теперь обязательно приду. Скоро. Вскоре мы действительно встретились, и...

Но с этого начинается уже следующая история.

КОРОЛЕВА С ЗЕЛЕНЫМИ ИСКОРКАМИ, ИЛИ СЛУЧАЙ НА ПОДОКОННИКЕ

Дома я внимательно перечитал удивительный дневник. Некоторые его листы были написаны так поспешно, что строчки налезали одна на другую, не умещались, сползали вниз по краю страницы, многие сокращенные слова я вообще не смог расшифровать, а от них зачастую зависел смысл фраз. Необходимо было идти к Владику за разъяснениями.

Но поговорить с ним удалось не скоро: как назло, что ни день, откуда-то выскакивали непредвиденные и неотложные дела и ломали мои планы. Так я прособирался целую неделю.

Была ранняя весна. Ко дню нашей первой встречи с Владиком сугробы уже успели растаять, однако потом вернувшийся морозец вновь прихватил лужицы, остановил ручьи, раскисшая земля закаменела, и когда я отправился на свой старый двор во второй раз, о весне и помина не было. Ночной снег застелил асфальт, крыши, кусты чистеньким пухом. Вдоль стен пробежали собачьи следы, по белому двору расстелились тропки, словно серые полотенца с грязной бахромой. Вокруг детской песочницы с грибком-мухомором вилась полоска обнаженной земли: кто-то катил тут тяжелый ком для снеговика. Сам снеговик, стоявший в конце полоски, был не достроен или кем-то разрушен,— остался лишь огромный шар — пузо, а голова и грудь разбились на куски.

Где живет Владик, я так и не узнал, а во дворе не было ни души. Я постоял, подождал и хотел было идти в соседний двор, как вдруг из-за угла дома вылетел снежок и гулко шлепнул в серый забор. «Эге, так вот где идет игра!» — смекнул я. Однако за углом вместо шумной компании я обнаружил лишь одного-единственного мальчугана лет десяти в пальто нараспашку и съехавшей на затылок ушанке. Волоча развязавшийся зеленый шарф, паренек с каким-то ожесточением швырял снежки в нарисованного мелом человечка и никак не мог попасть.

Мальчик сопел, хмурился и кривил губы. Настроение у него, по-видимому, было отнюдь не радужным.

— Здорово, снайпер! — крикнул я, подойдя поближе.

— А чего? — паренек настороженно оглядел меня и на всякий случай попятился.

— Ничего... Просто так. Одному скучно, верно?

— А чего? — повторил хмурый мальчик, перекатывая снежок

в красных, замерзших ладонях.

Я тоже скатал снежок и с треском влепил его точно в цель. (И почему так бывает? Иной раз сколько ни кидай — все мимо, а то с первого раза шлеп — и попал.)

Мальчик оценил бросок: он ничего, не сказал, но холодок в его глазах растаял, теперь в них светилось любопытство.

Я снова бросил и снова попал.

— Во дает! — пробормотал мальчуган.— А еще раз попадете?

— Обязательно! У меня снежки особенные,— отозвался я.— Самонаводящиеся.

— Как ракеты?

— Ага!

Я воспользовался моментом и спросил:

— Послушай, старина, ты не знаешь, как бы мне разыскать Владика Чудобыльского?

— А чего? — опять насторожился мой собеседник.

— Важное дело. Да ты не думай — никаких неприятностей и подвохов. Клянусь моей последней школьной двойкой! Чтоб мне съесть собственные подметки! — поспешно заверил я хмурого паренька.

Тут он впервые улыбнулся.

— А зачем он вам?

— Вот так нужен! — я провел ладонью по шее.— Ты знаешь, где он?

— Угу,— кивнул мальчуган.

— Где же?

Паренек помялся, поднял свалившийся шарф и отвернулся.

— Та-ак... Ты знаешь, где Владик, но это секрет, верно? Паренек пожал плечами и не ответил.

— Хорошо, не хочешь говорить — не надо. Но позвать его ты можешь?

— Тоже не могу,— потупился мальчуган.

— Неужели мне тут целый день мерзнуть? Пойми, Владик ждет меня. (Тут я немного покривил душой. Владик сегодня не мог меня ждать. Он вообще не знал, когда я приду.)

— Если ждет, тогда другое дело.— Мой новый знакомый швырнул снежок и наконец-то попал в человечка.

— В штабе Владька, вот где.

— А ты почему не в штабе?

От этого вопроса мальчуган мой вновь сник.

— Поссорились?

— Не...

— Тогда, может, пойдем вместе?

— Не...— паренек замотал головой.— Нельзя мне.

— Кажется, я понимаю: ты что-то натворил и ход в штаб тебе временно заказан, так? Но какое же кошмарное преступление на твоей совести? Ты выдал врагу пароль? Бросил в беде командира?

— И вовсе никого не бросал,— буркнул паренек.— Подумаешь... Владька солнечную машину делает, а я от нее стеклышко открутил,— прожигательное. Я бы обратно вставил, только у меня его Пашка Мамон отнял.

— Вот оно что! А этому разбойнику Пашке нельзя было объяснить в подходящей форме, кто он такой?

— Как же, объяснишь ему! Вы Пашку не знаете, он вон какой! — Мальчуган поднял руку и даже встал на цыпочки.

— Да-а, плохо дело. А штаб у вас на Кузином дворе, в сарае?

— А... откуда вы знаете? — опешил паренек.

— Эх, милый, тебя еще на свете не было, а штаб уже был. Ладно, приятель, ты мне ничего не говорил, я ничего не слыхал. А подходящее стеклышко я Владику достану. Будь здоров.

И я отправился в соседний двор. Почему он назывался «Кузин», большинство обитателей окрестных домов объяснить бы уже не смогли. Но «дети» моего поколения еще помнили сердитого долговязого дворника Кузю, который гонял нас, мальчишек, с заборов и ржавых крыш, складов, амбаров и лепившихся друг к другу сараюшек. Как я и ожидал, теперь от сараев не осталось следа. Уцелел лишь один — самый старый, каменный. Когда-то богатый барин, кажется граф, построил позади своего особняка конюшню. В одной ее половине стояли кареты, санки, хранилась упряжь, в другой находились лошади. После революции, как рассказывал нам один старичок, стояла тут извозчичья пролетка и скучала в одиночестве большая белая лошадь. Извозчик помер, кобылу куда-то увели, а какой-то инженер-механик приспособил конюшню под гараж-мастерскую и своими руками собрал автомобиль — «авто», как тогда выражались. Авто, говорил тот старичок, очень здорово дымило, страшно стреляло, однако иногда и ездило. Вскоре машина развалилась, инженер уехал, а гараж постепенно превратился в обыкновенный сарай, набитый всевозможным хламом.

Теперь сарай доживал последние дни: половина его была уже снесена. Разбитая стена скалилась бело-розовыми щербатыми кирпичами, из темного нутра тянуло прелым деревом и пылью, над продавленной крышей корячились черные переломанные стропила.

Как забираться в штаб, я помнил. Оглянувшись, нет ли зрителей (неудобно все-таки — взрослый человек), я вскарабкался на каменный забор, прошел по нему до крыши сарая, осторожно пролез в слуховое окно и прислушался. Из

темноты доносились голоса. Высокий девчоночий что-то убедительно доказывал, другой, пониже, принадлежавший какому-то мальчику, опровергал... Речь, как я понял, шла о привидениях.

— Ты про Вия читал? — спрашивала девочка.— Жуть! Прямо мурашки выскакивают... А «Каменный гость» ты читал? Пушкин написал, вот кто! Посвящается Дон Жуану. Так там статуя оживала!

— Ну и что? Пушкин вон сколько сказок написал — и про царя Салтана, и про Спящую царевну... Да что говорить — не бывает на самом деле привидений. Кто их видел?

— Владь, ну что он спорит? — взмолился девчоночий голос. — Скажи ему! Ты ведь сам видел привидение.

— Видел,— согласился знакомый мне голос.— Только, может, это было не привидение, а туман. Когда я сидел на кладбище, здорово похолодало — у меня зуб на зуб не попадал. А над землей в темноте словно белые волны плыли.

— Жуть! Ни за что бы не пошла ночью на кладбище! — с восторгом сообщил тонкий голосок.— Я тоже раз на даче...— Девочка умолкла на полуслове...

Пытаясь устроиться поудобнее, я задел доску, за шиворот посыпалась труха.

— Ш-ш! Слыхали? Кто-то крадется! На чердаке воцарилась тишина.

— Никто не крадется,— наконец сказал Владик.— Просто кошка лазит.

— Все это ерунда, верно, Владик? — заговорил еще один невидимка.— Вот пришельцы с других миров, те — да! Те такое могут, что куда там привидения! Владь, ты про пришельцев расскажи.

— Про пришельцев... Нет, об этом как-нибудь в другой раз, а сегодня я лучше одну историю расскажу...

— Про привидения! — потребовала девочка.

Снова в темноте что-то зашуршало, но я был в этом не повинен. Ребята умолкли.

— Не надо про привидения,— решительно сказал какой-то басовитый малыш и, хлюпнув носом, добавил: — Пусть он сказку расскажет.

— Хорошо. Это будет сказочная история,— согласился Владик.— Про королеву... Королеву с зелеными искорками.

По привычке я нащупал в кармане авторучку, но тут же сообразил, что в темноте ничего не смогу записать и что придется положиться на свою память.

Только, как ни старался я запомнить рассказ во всех

подробностях, что-то, разумеется, выскочило из головы, что-то получилось потом иначе. Но это мелочи, детали, а все более или менее важное я в тот же вечер записал достаточно точно и полно.

Итак, вот пересказ того, что я услышал на чердаке старого сарая.

* * *

Было утро. Такое раннее, что ни ночь, ни день еще не решили, что им делать. Ночь гадала: пора е'й уходить или можно еще подождать. А день зевал, потягивался и никак не мог начаться. Огни на улицах уже погасли, а в домах — зажигались. На одном конце неба, по-видимому у раздевалки, еще толпились убегавшие звезды, а на другом — из-под серебряного облачного одеяла уже высунулся рыжий солнечный вихор.

В эту самую тихую минуту над городом закружились, затанцевали снежинки.

Они встречались, перекликались, знакомились, приглашали друг друга лететь вместе и... расставались. Расставались, чтобы встретиться с другими. Ужасно ветреный народ!

Натанцевавшись, снежинки садились на крыши, тротуары, деревья, и тут начинались бесконечные расспросы, рассказы, шутки, смех, порой слышались даже песенки... Впрочем, я не знаю всего, что было на крышах, на тротуарах и деревьях — мне известно лишь то, что произошло на одном подоконнике.

Одна за другой спускались сюда на своих кружевных юбочках-парашютах крохотные звездочки. Ах, как они были красивы, как искрились и сверкали, как тоненько позванивали, задевая друг друга!

Это очень обидно, что наши глаза и уши так слабы и несовершенны. Чтобы увидеть и услышать, как болтают снежинки, приходится выбирать самое тихое, сонное время и изо всех сил прислушиваться, вглядываться, пока не зазвенит в ушах, не зарябит в глазах, но даже после этого не всегда удается увидеть и услышать этих удивительных маленьких путешественниц.

Между тем шум, смех, крики на подоконнике становились все громче и все отчетливей.

— Сюда! Сюда! — кричали старожилы прибывающим.

— Ах, осторожней, вы испортите мое платьице!

— Здравствуй, подружка! Сколько лет, сколько зим!

— Позвольте, мы с вами где-то встречались. Кажется, в Гималаях... Или в Антарктике?

— Какой чудесный узор! Вы его сами придумали?

— Звездочка, вспомните, мы же с вами когда-то были дождиком в Африке. Ах, сколько с тех пор воды утекло!

Общество подбиралось самое пестрое. Рядом с важными, видавшими виды путешественницами приземлялись совсем юные особы, лишь недавно научившиеся летать, и поэтому шумные и восторженные. Задумчивые, хмурые снежинки северных морей с удивлением поглядывали на веселых, болтливых соседок, родившихся из морских брызг где-то возле коралловых островов в Индийском океане. Были тут и очень серьезные, ученые снежинки, занимавшиеся исследованием круговорота воды в природе. Были и снежинки-бродяги, давно забывшие, откуда они взялись.

Но главным образом, на подоконнике собрался народ трудовой — тысячи и тысячи мастериц самых разных профессий, известно, что дел у воды на свете столько, что и не перечесть.

Постепенно снег кончился, снежинки уселись поудобнее и принялись болтать. При этом поднялся такой шум, какой бывает в классе, когда дежурный объявляет, что очередного урока не будет. Снежинки старались перекричать друг друга, и все равно никто никого не слышал.

И тогда на разных концах подоконника раздались голоса: «Пора выбирать королеву».

Между прочим, снежинки всегда так поступают, где бы они ни собрались. Ведь иначе получится беспорядок, толчея, и дружеская встреча кончится спорами, ссорами, будут испорчены платья и настроение, а там сгоряча и растаять недолго.

— Королеву! Выбирать королеву! — зашумели снежинки. Понятно, что королевой подоконника могла стать только та снежинка, которая сделала в жизни что-то очень важное, и потому не многие решились выставить свои кандидатуры. Наконец десять претенденток перекатились в середину и уселись кружком.

— Чур, я первая! — пискнула снежинка с голубым отливом.

— Нет, я! Нет, я! — закричали остальные.

— Пусть говорит Голубая! Слово Голубой! — потребовали слушатели.

И Голубая снежинка начала:

— По-моему, я сделала великую работу. Я хоть и маленькая, но оказалась сильнее каменных гор. Кто там хихикает? Невежды! Слушайте! Не так давно отличная туча прямым ходом доставила меня и моих подруг с океана в горы. Если кто из молодых еще не знает, что это такое, могу объяснить: горы — главные враги воды. Это ужасно высокомерные особы, которые вознеслись выше туч и потому воображают из себя невесть что. Они считают себя самыми высокими, самыми мо-учими, самыми несокрушимыми, самыми важными на земле.

Иногда эти задаваки даже плюются огнем и лавой. Но мы-то с

вами знаем, кто на свете всех сильней и важней. Как только стало достаточно холодно, мы, капельки, обернулись снежинками и полетели вниз. Метель в горах была ого-го! — ни зги не видать. Ледяной северный ветер выл, грохотал, строил снежные мосты через пропасти. За одну ночь все вокруг стало белым-бело. Наш десант захватил горы со всеми их перевалами и долинами. Но к утру северный ветер выдохся и уступил место южному. Вдобавок выглянуло солнце. Что тут началось! С гор хлынули ручьи, снежные мосты рухнули, хребты стряхивали с себя лавины. Сорвется снежный козырек с обрыва — и вот уже все сугробы, весь склон гор пришел в движение, поехал вниз. Все скорее, скорее мчится лавина, встречные деревья разлетаются в щепки, скалы и те не выдерживают — летят кувырком... Да, снежная лавина — это зрелище. Но я отвлеклась. Днем камни так нагрелись, что на них никак невозможно было усидеть, снежинки таяли прямо на глазах. Наше белое царство рушилось, исчезало, отступало к вершинам. Началась настоящая паника. И только я сохранила присутствие духа. Я сказала: «Спокойно. Мы растаем, но не сдадимся! Горы победят, но это им дорого обойдется. Пусть все снежинки, как только растают, попробуют забраться в трещинки камней. А что будет дальше — увидите».

День кончился, пришла ночь, а с ней — мороз. Всем известно, что, замерзая, мы, капельки, расширяемся. И вот, почувствовав, что леденею, я напрягла все свои силы и стала давить на стены крохотной пещерки. Щелк! — и каменная чешуйка, под которую я забралась, отскочила прочь.

Щелк! Щелк! — тут и там принялись за дело мои приятельницы. Иные откалывали всего лишь пылинки, а некоторые, собравшись вместе, раскалывали целые глыбы.

Наутро опять потеплело, снова забурлили ручьи. Они были мутными, несли пыль, песок, камешки — все то, что разрушили мы, капельки. Но ведь и сами ручьи — это ведь тоже были мы, бывшие снежинки. Скатившись с камня, я нырнула в ручеек и велела подругам, тащившим вниз свои трофеи, не просто нести их, а бить, царапать песчинками все, что им попадется на пути.

Под моим командованием все так дружно принялись за дело — любо-дорого! Вскоре в наш ручеек влились другие, и он стал настоящим потоком. Неисчислимые армии слившихся капель с ревом мчались в долину. В потоке кувыркались, сшибались и раскалывались валуны, большие обломки дробили и перетирали мелкие. И вся эта масса царапала, пилила, точила стены и дно ущелья.

Только на третий день я и мои подружки вырвались на ровное место и сбросили свой груз на дно реки. Река уже

успокоилась, она бежала теперь по пустыне. Груз был такой тяжелый, так много всего мы снесли с гор вниз, что река оказалась запруженной. Она вышла из берегов и пробила себе новое русло.

Надо ли говорить, что моему примеру сейчас следуют все снежинки, попавшие в горы. И, клянусь вам, горы стали уже чуть-чуть ниже. Ну, а дальше? Дальше мы снова испарились (дело-то было уже в пустыне), меня подхватил теплый воздух, умчал наверх, там я долго скиталась, пока не стала частичкой большой снежной тучи... Ну, а туча доставила меня сюда,— закончила свой рассказ Голубая снежинка.— Мне кажется, я делом доказала, что мы, снежинки-капельки — самая великая сила на земле! — и она гордо посмотрела на слушателей.

— Королева! Королева! Ура новой королеве! — пронеслось над подоконником.

Но кричали лишь самые юные и неопытные снежинки.

— Цыц! — прикрикнула на них старая, большая снежинка с желтым отливом.

— По-моему, рассказ нашей Голубой соседки — одно хвастовство. Она ничего не изобрела и никем не командовала. Просто испокон веков все капли делают одно и то же — разрушают все, что находится высоко, и складывают остатки разрушенного внизу. Так было, есть и будет. Одни — старые горы — разрушаются, другие — молодые — растут, их сама матушка-Земля поднимает. Многие из собравшихся здесь были в горах, они могут подтвердить. Нет. Голубая не достойна быть королевой.

— Долой Голубую! — немедленно закричали юные снежинки. Они еще слишком мало знали и потому были очень решительны.

— Пусть говорит следующая! — потребовала молодежь. Следующей была снежинка с оранжевыми блестками, на платьице.

— Прежде чем попасть в тучу и прилететь сюда,— начала снежинка,— я прошла огонь и воду, стальные трубы и чертовы зубы.

На подоконнике захихикали.

— Ничего смешного,— обиделась Оранжевая,— я говорю совершенно серьезно. Я даже в тучу поднялась прямо из трубы. Из высокой-превысокой белой трубы. Но если уж начинать, то сначала. Не так давно я упала на реку. Вообще-то вся она была покрыта льдом, но мне повезло, я опустилась в широкую полынью. Не успела я толком растаять, как вдруг какая-то неведомая сила потянула меня вниз, и через минуту я с удивлением обнаружила, что мчусь по стальной трубе. Куда? Об этом ни я, ни мои соседки-капли не имели ни малейшего

представления. Вдруг все мы почувствовали, что стены труб становятся горячее. Наш тоннель то и дело сворачивал, и с каждым поворотом нам становилось все жарче.

— Не могу больше! — пискнула моя соседка и тут же обернулась пузырьком пара.

Вскоре все вокруг забурлило, закипело. Ах, как нам было тесно и горячо!

За стальными стенками труб что-то свистело и гудело. По-видимому, пламя.

— Мы в паровом котле! — крикнул кто-то.— Там за нашими трубами горит нефть, угольная пыль, газ или торф... Ну, попали мы в переделку!

С каждой минутой трубы раскалялись все больше. И тут я обнаружила, что, испаряясь, каждая капля старается занять гораздо больше места. Все мы, обернувшись паром, изо всех сил пытались расшириться — но куда там! Нам мешали трубы. Мы так давили на стенки, что еще немного — и металл разлетелся бы в клочья. Но вдруг впереди показалось маленькое отверстие. О, как рванулись мы на свободу! Миг, и, проскочив сквозь отверстие, я ударилась о какое-то огромное колесо. Оно состояло из множества лопаток, поставленных наискосок. Струи пара ударяли в эти лопатки и вертели колесо.

За первым колесом находилось второе, третье, четвертое... Они с бешеной скоростью крутились внутри огромного стального короба. А называлось все это сооружение — паровой турбиной. Как выяснилось позже, вал турбины выходил наружу и вращал еще одну машину — генератор, который вырабатывал электричество.

Пройдя все колеса, мы так устали, что хоть и стало нам чуть прохладнее и свободнее, но сил уже никаких не было.

Тогда-то и вырвалась я на свободу, поднялась по трубе и скорей-скорей полетела к ближайшей туче.

Мне пришлось выдержать ужасное испытание, друзья. Но я не жалуюсь. Мне доподлинно известно, что я и такие, как я, мы дали свет домам, уличным фонарям, погнали по рельсам электровозы, зажгли синие огоньки электросварки, завертели валы станков, превратили куски металла в части машин и сделали еще много других дел.

— Королева! Выбираем Оранжевую! — наперебой закричали молодые снежинки.

— Постойте! Это несправедливо! — раздался чей-то голос.— На ледяной бугорок в середине подоконника поднялась толстая белая снежинка.— Это несправедливо,— повторила она.— Подумаешь, я тоже добывала электричество. Я летом попала в

реку и текла вместе с миллионами таких же, как я. А потом, когда доплыла до плотины, вода вместе со мной вдруг ухнула вниз и... и ударила по лопаткам турбины. Только не паровой, а водяной. Так что я тоже добывала электричество. Это несправедливо — надо всех выслушать!

— Не надо! Все ясно! — закричали на подоконнике.

— Тихо! — приказала старая желтая снежинка.— Белая сказала правду. Надо всех выслушать. А потому — прошу! — И она пригласила на ледяной бугорок еще одну кандидатку в королевы.

Эта снежинка была темнее других, ее платье было слегка сероватое, будто припудренное пылью.

— Я не хочу приуменьшать заслуг моих предшественниц,— сказала она.— Но я тоже сделала кое-что. Оранжевая сказала, что, обернувшись паром, она добывала электричество. Но, чтобы вода стала паром, нужен огонь. Чтобы был огонь, нужно горючее, скажем, уголь. А уголь для электростанции был добыт не без моего участия.

— Не иначе эта грязнуля была шахтером! — сострил кто-то. Вокруг захихикали.

— Да, именно шахтером,— подтвердила серая снежинка.— Под землю я цопала из озера. Насосы качали воду и гнали ее вниз. А внизу, в забое, стояла пушка. Да не простая, а...

— ...Золотая! — снова сострил кто-то.— Братцы, нас берут на пушку!

Дружный смех прокатился по подоконнику. Но Серая снежинка не смутилась.

— Пушка стояла не простая,— повторила она,— и не золотая, а водяная.

Смех сразу утих.

— Вода из нее бьет с такой силой, что ударь палкой по струе, отскочит палка, если сильнее ударить, палка сломается, а струю ни за что не перебьет. Но палка мелочь — камень и тот не может выдержать. Под землей гидромонитор стреляет по угольному пласту. Вода откалывает, дробит, ломает уголь. А управляет пушкой всего один человек. Если бы вы видели глыбу, которая отвалилась и раскололась в тот миг, когда я и миллионы моих сестриц ударились о черную стену забоя!

Но это еще не все. Раскрошенный чудо-пушкой уголь доставляется наверх не вагонетками, не транспортерами. Его уносит опять-таки вода, то есть мы! Вместе с водой угольную крошку выкачивают из шахты насосы.

Вот и все, что я хотела сказать. А верить мне или нет — это уж ваше дело.

На подоконнике поднялся шум, разгорелись споры: одни считали, что королевой должна стать Серая, другие утверждали, что Оранжевая.

Но тут на ледяной бугорок, сверкая фиолетовыми искорками, поднялась еще одна снежинка:

— Серая добывала уголь! — крикнула она.— Ну и что? Ведь сегодня нефть гораздо важнее, а я добывала нефть.

Все насторожились.

— Нефть — это бензин, керосин, мазут. Это смазочные масла, это резина, пластмассы, искусственные ткани — словом, химия...

— Простите,— перебила старая желтая снежинка,— а ты?.. Ты сама-то что сделала?

— Меня, как и Серую снежинку, тоже пустили под землю,— сказала Фиолетовая.— Насосами накачали. В нефтеносном пласте нефти осталось мало, и сама наверх она уже не шла. Да и выкачивать ее стало трудно. Тогда-то люди и решили пробурить еще одну скважину и пустить по ней воду. Заработали насосы, погнали вниз воду, и стала вода выжимать нефть из всех пор и щелок нефтеносного пласта. А нефть ведь легче воды, вот вода и подняла ее на себе кверху, к нефтяной скважине. Целый год эта скважина стояла без дела. Кое-кто думал, что она вообще свое отработала. Но вот вновь ожили, загудели моторы и погнали по трубам нефтяной ручей. Вот и вся моя история.

— Только-то?! — зашумели снежинки.— Ну, нет! Работа твоя, конечно, важная, но очень уж простая.

— Что ж, если вы хотите узнать о более сложном деле, тогда позвольте мне.— На бугорок вышла снежинка в тончайшем кружевном наряде с вырезами.— Видите ли, я работала на заводе — помогала строить машины,— сказала она.

— Это как же понимать? — крикнули с дальнего конда подоконника.— Подружки, она, наверно, просто пол мыла!

— Да что вы! — отозвались с противоположной стороны.— Эта Кружевная работала не иначе как на токарном станке.

По подоконнику прокатился смех.

— Ой, я сейчас растаю! — запищала какая-то малышка, давясь от хохота.

— Напрасно смеетесь,— сказала снежинка в кружевном наряде.— На станках работали такие же, как я, снежинки. Впрочем, мы тогда были не снежинками, а водяными капельками. Как работали мои подружки? А вот как. Взять хотя бы тот же токарный станок. Вертится на станке стальная заготовка, а с нее резец снимает стружку. Вьется синей пружинкой стружка, и становится заготовка под резцом гладкой, появляются на ней в нужных местах канавки, утолщения.

От такой работы резец ужасно раскаляется, ему бы и минуты не выдержать, если бы не мы, капельки. На то место, где соприкасается резец с заготовкой, непрерывной прохладной струйкой льется специальная эмульсия. Она не только охлаждает резец. Смоченный этой эмульсией, металл заготовки оказывается гораздо податливее сухого.

А основная часть эмульсии, как вы, наверно, догадались,— вода.

Еще я слышала о сверлильных станках, где вместо стального сверла работают тонкие, но необыкновенно сильные водяные струйки. Хоть такие удивительные станки мне не попадались, зато я и тысячи моих подружек изрядно потрудились в кузнечном цехе.

— Нет, вы слышали? — вновь раздался голос все той же насмешницы с дальнего конца подоконника.— Она ковала! Еще бы, такая кроха как размахнется кувалдой — любая сталь в лепешку.

Но на этот раз никто не засмеялся.

— Кувалда? Да разве найдешь ее на современном заводе,— пожала плечами Кружевная.— Но, тем не менее, вода и вправду может справиться с любым, даже самым твердым металлом. Я думаю, всем известно, что вода не сжимается.

Воздух сжимается сколько угодно. Хочешь, мяч накачивай, хочешь, автомобильную шину. Вода — совсем другое дело. Одна моя знакомая капля участвовала в занятном опыте. Ученые взяли железный ящик, налили его до самого верха водой и запаяли отверстие. Потом в этот ящик выстрелили из винтовки. Как вы думаете, что получилось?

— А что тут думать! Пуля пробила железо, а вода вытекла через дырку,— сказала Желтая снежинка.— Разве не так?

— Совсем нет. Как только пуля попала в цель, ящик взорвался, как бомба. Почему? Да потому, что вода не сжимается. Пуля, влетев в ящик, мгновенно заставила воду потесниться, но тесниться ей было некуда — мешали стенки. Вот вода и разнесла их в клочья. Эту особенность воды п использовали инженеры.

В «кузнице» современного завода — длиннющем светлом зале, где я побывала, главную работу выполняли могучие штампы и прессы. Надо, скажем, сделать дверцу или крышу автомобиля, берет механическая рука стальной лист и закладывает его в пресс. У пресса две формы — верхняя и нижняя. Одна форма — штамп, выпуклая, другая — вогнутая. Между ними и помещается лист. Возьмется рабочий за рычаг, тотчас обе формы сдвинутся и сожмут металл с силой в десятки тонн. При таком давлении твердейшая сталь послушно облегает все изгибы, и лист

становится готовой деталью...

— Постой-постой,— перебила Фиолетовая снежинка, она была очень раздосадована своей неудачей.— Прессы, штампы — все это хорошо, но причем тут ты?

— Не торопитесь, сестрица, сейчас узнаете.

Всем хороши прессы, только изготавливать для них сложные штампующие формы — очень уж кропотливое и дорогое дело. И вот инженеры решили: зачем нам две формы, когда можно обойтись всего одной, нижней! А сверху пусть будет давить... вода. Она сумеет сделать стальной лист покорным и податливым, словно тесто,— где надо, растянет сталь, где надо, изогнет, словом, заставит металл повторить все выступы и впадины нижней формы — матрицы.

Сказано — сделано. Отгородили в цеху специальное помещение, построили в нем бетонный бассейн и на дне его укрепили эту самую матрицу.

— Как же вы заставите воду сталь прессовать? — удивились рабочие.— Нельзя ли нам поглядеть?

— Ни в коем случае! — категорически отказали инженеры и повесили на дверь табличку: «Не входить! Опасная зона!» Положили инженеры на нижнюю половинку прессформы стальной лист, подвесили над ним небольшой сверток, от которого тянулись два проводка, наполнили бассейн водой и ушли. Надо ли говорить, что вместе с миллиардами капелек в бассейн попала и я.

Мы ничего не подозревали и весело плыли по кругу вдоль бетонных стенок, как вдруг грянул взрыв. Взорвался подвешенный в середине серенький пакет. Мгновенно нас сдавила невероятная, чудовищная сила. А когда мы опомнились, ровный стальной лист был уже не ровным, внизу лежала дверца автомобильной кабины. Что же произошло?

Оказалось, это взрывная волна так надавила на стальной лист. От могучего удара лист изогнулся, растянулся, плотно облег все выпуклости, вошел во все впадинки матрицы и стал готовой деталью. Я ведь не зря говорила: вода не сжимается. Вот она и передала всю силу взрыва, только распределила ее равномерно по всему листу.

Так я и работала в кузнечно-прессовом цехе.

— Да-а...— протянула Желтая снежинка.— Что и говорить, дело тебе досталось самое мудреное. Но, может быть, кто-то еще считает себя достойной стать королевой нашего подоконника на это утро?

— Я! — пискнула еще одна снежинка.— Я тоже была под землей. Мы строили там пещеры, растворяли известняк, а потом

из него делали каменные сосульки-сталактиты.

— Не годится! — сказала Желтая снежинка.— Старо! Так испокон веков работают все капли, попавшие под землю. Я сама прошла этот путь и знаю; чтобы построить даже самую плохонькую пещерку, нужны тысячи лет.

— Я! — раздался еще один голос.— Я прошла по трубам, прошла сквозь фильтры и стала питьевой водой.

— Нет, я! — перебила другая снежинка.— Я была частичкой самой красивой радуги.

— А я бабочку сшибла! Мною выстрелила удивительная тропическая рыбка-брызгун. Она снайпер и всегда так добывает пищу.

— Подумаешь! — не согласилась ее соседка.— Я растворяла краску, которой художник рисовал картину!

— Я! Я! Нет, я! — перебивая друг друга, кричали обитательницы подоконника. Повсюду вспыхивали споры, снежинки не слушали друг друга, ссорились.

— Пусть королевой будет Оранжевая! — требовали одни.

— Нет, Серая,— не соглашались другие.

— Хотим Фиолетовую! — упорствовали третьи.

— Голубую! Голубую! — кричали четвертые.

А самые молодые снежинки, собравшись в кружок, дружно скандировали:

— Кру-же-вну-ю!

И снова на ледяной холмик поднялась Желтая снежинка.

— Дорогие подруги! — сказала она.— Раз вы спорите, стало быть, никто из тех, кто рассказал о своих делах, не годится в королевы. И все-таки среди нас есть достойная, вот она.

Все обернулись и увидели скромную, маленькую снежинку в платьице, сверкавшем зелеными искорками.

— Эта малышка не хочет говорить о себе,— продолжала старая снежинка.— Она считает свое дело самым простым и самым обычным.

— А что она сделала? — вновь зашумел подоконник.

— Она укрывала поля от мороза, она поила пшеницу, она растворяла удобрения и кормила ростки. Летом она малой каплей падала с самолета и несла с собой смерть сорнякам, вредителям. Она текла по новым каналам, она воевала с засухой. Благодаря ей наливались золотые колосья. И, наконец, она помогла сделать муку тестом, тесто — хлебом. А хлеб, говорят, всему голова.

На подоконнике стало тихо-тихо.

Старая снежинка подошла к Зеленой и помогла ей подняться на ледяной бугорок.

— Но ведь все это сделала не я одна,— смущенно возразила Зеленая.— Нас было великое-превеликое множество. А мое дело — оно такое крохотное!

— Верно,— подтвердила старая снежинка.— И потому повсюду, на всех подоконниках, сегодня такие, как ты, будут королевами. А теперь скажите, люба ли вам такая королева?

И вся тысяча снежинок, собравшаяся на подоконнике, в один голос крикнула:

— Ура новой королеве!

Это получилось так дружно, что воробьи, сидевшие рядом, бросились врассыпную.

Ветер от их крыльев разметал снежинки. Чтобы удержаться на подоконнике, они тесно прильнули друг к другу и больше уже не шевелились.

А в городе наступило утро — зарычали моторы, зашипели троллейбусы, заскрежетали автомобили-снегоуборщики, и если бы какая-нибудь снежинка вновь заговорила, ее бы все равно никто не услышал.

* * *

Владик замолчал.

Поскольку сказка кончилась, пора было выбираться из укрытия. Сделать это бесшумно я уже не мог: затекшие ноги стали как деревяшки. Однако неожиданное появление неведомого дяди в таком месте могло напугать ребятишек, и я решил, что лучше будет сперва сказать что-нибудь, пошутить, что ли.

Откашлявшись, я шагнул вперед и сказал:

— Эх, ублажили сказкой старика. Разрешите представиться: домовой этой развалины.

Перепачканный пылью и паутиной, я, должно быть, и вправду смахивал на домового. Шутка моя произвела эффект сильный и неожиданный.

— Ма-а-ма-а! — отчаянно заверещала девочка, так хотевшая послушать о привидениях.

— Полундра! — крикнул Владик.

В ту же секунду по крыше над моей головой прогрохотали бегущие ноги, и все стихло.

Я вышел на середину чердака и вылез через пролом на крышу. С этой позиции были прекрасно видны окрестности. Они были пустынны. Только торопливые следы на снегу указывали направление, в котором удрала компания. Пока я слезал, приводил в порядок пальто и шляпу, прошло столько времени, что ребят не отыскала бы уже и лучшая ищейка.

Пришлось мне наведаться к Владику еще раз.

ПОЧТИ ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ… О МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЯХ

Во дворе кипел первый весенний футбол. Пальто, сумки, шапки были кучей свалены на лавке у стены, от игроков валил пар.

Владик стоял на ящике и пытался судить встречу. Лицо его горело, к потному лбу прилипли спутанные волосы. Легко было догадаться, что он только что выбыл из игры: правый ботинок после «смертельного» удара по воротам разинул рот и «запросил каши».

Мальчишки суматошно метались по двору, очередной гол, как говорят спортивные комментаторы, «назревал». Но вот в острой схватке ноги защитников и форвардов так перепутались, что у ворот мгновенно выросла куча мала. Судейский свисток поперхнулся и иссяк.

— Пенальти!! — отчаянно завопил судья. Но его никто не слушал. Выкатившийся из-под кучи мяч классическим ударом в падении был довольно точно направлен в окна первого этажа, но, к счастью, попал в простенок и отскочил. Тотчас вновь залился судейский свисток.

— Вне игры!! — тщетно взывал Владик.— Вбрасывание!!!

Но на него не обращали внимания. Мяч перелетел через двор и, задев контейнер для мусора, вкатился в ворота.

— Четырнадцать — двенадцать,— ни к кому не обращаясь, произнес судья. Он слез со своего возвышенного, но — увы! — бесполезного поста, надел пальто и, хромая, побрел прочь.

— Владик! — окликнул я.

— Вот народ! — словно продолжая прерванный разговор, обернулся ко мне Владик.— Зачем тогда вообще в футбол играть! Вы же видели — чистая подножка!

— Было,— согласился я.— А за ботинки-то влетит…

— Еще как! — с лихостью осужденного отозвался Владик.— Отец — ничего, он сам такой был, а мама… Она ботинки совсем недавно купила.

— Да-а… Когда-то я тоже немало обуви тут профутболил. Дело наше такое — куда денешься?

— А кем играли?

— Кем попало, но больше — в воротах.

— Значит, в штаб это вы приходили?.. — помолчав, сказал

Владик.— Я потом догадался.

— Уж так вышло. Сперва я хотел окликнуть тебя, но, понимаешь, очень уж интересно было послушать.

— Интересно? Вам? — Владик покосился на меня, не шучу ли.— Вы же про все водяные дела лучше меня знаете.

— Гм... Видишь ли, взрослые довольно скверно устроены — может, они и вправду знают все на свете, только совсем по-другому. Порой для нас даже очень сложное — просто, но вот самое главное — удивительность — пропадает.

— Удивительность? — Владик остановился, наморщил лоб, пошевелил толстыми губами и тяжело вздохнул: — Вчера стоял за хлебом, и вдруг в самое ухо: «Ау, проснись, мальчик!» А я и не спал, я задумался: «Что если космонавт в космосе заблудится? Лечу — и ни Земли, ни Солнца...»

В классе тоже: сижу слушаю и вдруг нечаянно оказываюсь где-то в горах или иду по незнакомому городу. Вызовут — «Чудобыльский!» Я встаю и хлопаю глазами. Ну, все, конечно, смеются.

Меня вообще считают каким-то непутевым. А мне скучно жить обыкновенно. Ну не хочу я делать электрогитару, копить на проигрыватель, говорить просто так и думать о разных пустяках... Иногда мне кажется, что я вот-вот откуда-то вынырну. Насовсем вынырну. И все станет просто и спокойно. Может, это и к лучшему.

— Знаешь, лучше будь таким, как есть, не торопись выныривать.

— А вы разве знаете, из чего?

— Кажется, догадываюсь. Это когда видишь на старой, облупленной стене то корабль, застигнутый бурей, то битву конников... А потом снова глянешь — стена и стена. Так?

Владик повернулся ко мне, рот его был приоткрыт, а глаза... Я впервые увидел его глаза — то есть я видел их и раньше, но только теперь заметил, как они могут изменять все его лицо. Глаза словно бы распахнулись, потемнели, и не стало пухлых щек, широкого носа картофелинкой, теперь, наконец, передо мной был тот непонятный, удивительный маленький человечек, который был «на ты» с чудесами и умел сочинять сказки.

— Я... я все такое еще и на обоях вижу. То море, то сражение, то лес,— растерянно и радостно сказал Владик.— Я сначала зажмуриваюсь и рассказываю себе, что вчера видел, потом смотрю — и все оживает. Даже такое замечаю, чего раньше не углядел. А на стене, что перед моим окном, я ведь тоже видел корабль. Он почти скрылся в волнах, мачты сломаны, парусов уже нет — ураганом сорвало...

— Мачты сломаны. Но парусов, по-моему, там вообще не могло быть.— припомнил я.— Корабль-то с трубой, а из трубы — дым.

— Точно! — воскликнул Владик.— Вы что, мою стенку видели?

— Не знаю, какая твоя, я свою вспоминаю. Комнатка была маленькая, темноватая, окно выходило прямо на стенку.

Владик задумался о чем-то, потом спросил:

— А штаб? Как вы про штаб узнали?

— Что ж тут узнавать, если я в этом сарае тоже когда-то был не последним человеком.

И тут Владик сказал такое, что у меня от неожиданности все слова застряли в горле.

— Вы были командиром разведки, да?

— Ком... Раз... Кха! Верно! Командиром разведки. Но этого ты никак не можешь знать.

— А ведь знаю! — восторженно хлопнул себя по коленке мой приятель.— Оказывается, я вас давно знаю. Вот оно что получается. А начальником штаба у вас был Гриша Чернов.

— Д...да. Ныне доктор физико-математических наук Григорий Чернов. Только теперь я уже ничегошеньки не понимаю.

— Э-э! — Владик хитро прищурился.— Разве можно забывать военную тайну? Сами прятали, а теперь... Ну, железная коробка в печной трубе, неужели не вспомнили?! Там на бумажке все ваши имена и еще какая-то карта.

Словно вспыхнуло что-то в памяти: как я мог забыть коробку из-под зубного порошка?! В этом «сейфе» хранились штабные документы: наши имена, должности, пароли. А на карте был изображен неведомый географам остров-крепость, откуда уходили наши придуманные быстроходные крейсера мстить фашистам. За Ленинград, за Севастополь, за ночные бомбежки Москвы, а еще за испанских сирот — детей отважных бойцов-антифашистов. (В десятом классе учились две девочки-испанки, беззащитный пароход, на котором они плыли к нам с другими беженцами, расстрелял фашистский крейсер.)

Мы сели на сложенные доски. Я рассказал Владику о нашей карте, а Владик о том, как он с приятелями ломал голову над тем, где находится этот остров с зарытым кладом (иначе зачем же было прятать карту?).

— А у меня тоже есть карта,— помолчав, сказал Владик.— И на ней придуманная страна... Кто туда попадет, с тем обязательно случаются всякие чудеса.

— Любопытная страна. И что же с тобой там приключалось?

— Разное... Много чего.

— А все-таки?

— Длинная история.

— Расскажи, спешить некуда.

Владик посмотрел в небо, прищурил глаз, пошевелил губами.

— Что ж рассказывать... Как я в эту страну раньше попадал, уже позабылось, а в последний раз...

— Вот про последний раз и расскажи.

— Ну да! А если в этой истории я окажусь каким-то... чудаком — лопухом?

— Думаю, что ты преувеличиваешь. А может, так для рассказа и надо?

— Гм... Я тогда сам на себя злился, потому так и получилось. Нет, моей малышне я все равно буду рассказывать не про себя. Придумаю какого-нибудь чудака, и пускай все случится с ним, а не со мной.

— Но я хочу записать эту историю, как мне быть? Про кого она? Про тебя или...

— А, пишите, как хотите. Тот, кто прочтет, все равно меня не знает.— Владик сдвинул на затылок шапку, подпер кулаком подбородок и, уставившись на что-то, мне невидимое, сообщил:

— Вышло все из-за того, что я схлопотал двойку. После этого краткого предисловия Владик поведал мне историю, которую я потом записал...

* * *

Пустяк — он и есть пустяк. Об этом и говорить бы не стоило, если б порой удивительнейшие истории, необыкновеннейшие события не начинались как раз с самых пустяковых пустяков.

...Во дворе было пусто, только в дальнем углу кто-то бухал палкой по пыльному ковру. В других углах и посередине дремала скука.

Оглядев двор еще раз, Владик заметил шестилетнего Бовина из второго подъезда. Вовик сидел в песочнице под грибком и сосредоточенно болтал в мыльнице бумажной трубочкой. Потом он сунул трубочку в рот, надул щеки — и на конце трубочки появился радужный шарик. Покачавшись, шарик оторвался и поплыл по воздуху, а на его месте вздулся новый.

Владик только что схватил двойку, вдобавок был выдворен из класса за некие химические опыты на уроке математики. Все это привело его в такое расположение духа, когда синее весеннее небо на глазах тускнеет, веселое солнце становится просто третьесортной звездой, да еще, по выражению астрономов, «желтым карликом», и начинаешь задумываться о том, что мир устроен несовершенно или даже вовсе скверно.

Один маленький Вовик ничего этого почему-то не замечал. Он сопел и счастливо ойкал, когда очередной шарик уплывал к небу.

Изобиженная душа Владика не выдержала. Он подошел к песочнице и крикнул:

— Ну ты, «пузырь», не стыдно ерундой заниматься!

— Это не ерунда,— не оборачиваясь, отозвался Вовик.— Это мыльные пузырики.

— Вот-вот! «Пузырики»! — сердито подхватил Владик.— Пузыри пускать, баклуши бить, собак гонять, да? Потом двойки пойдут, из класса выгонят... А кто из тебя вырастет, знаешь?

С этими словами он выхватил у Вовика мыльницу.

— Пожалуйста, прошу вас, не мешайте этому мальчику! — раздалось над ухом Владика.

Мальчик обернулся и увидел сухонького старичка с бородкой. Владик мог поклясться, что секунду назад во всём дворе было всего два человека — он и Вовик.

Осмотрев старичка и установив, что он не из их дома, Владик выплеснул содержимое мыльницы и бросил ее под ноги заревевшему Вовке.

— Что вы наделали? — сокрушенно всплеснул ручками старичок.— Я же вас просил...

— Подумаешь,— хмыкнул Владик.— Пусть делом занимается, а не пустяками!

— Пустяками? — удивился старичок.— По-вашему, пузыри — это пустяки? А вы знаете, что такое пустяк?..

— Еще бы! — Владик поднял с земли камешек и бросил его к ногам старичка.

— Вот, пожалуйста.

— Это пустяк? — воскликнул старичок.— Да ведь на том, что вы сейчас сделали, держится все на свете! Это же, если хотите знать, закон всемирного тяготения! Не будь его, ваш камешек не упал бы на землю, а...— Старичок не договорил, а Владик разинул от изумления рот: камешек тихо поднялся с земли и... поплыл. Он поднимался все выше, выше и, наконец, растаял в небе.

— Поскольку наша планета вертится, с нее, как брызги с велосипедного колеса, сорвались бы и улетели дома, люди, машины, облака вместе с дождем. Ведь если исчезает притяжение — исчезает вес...

Старичок ловко, как муху, поймал упавший с неба камешек и положил его в карман.

— Так что учтите, юноша, в природе нет пустяков.

— Конечно, фокусы у вас здорово получаются, только пузыри

все равно пустяк,— упрямо сказал Владик.

— Лучше не спорьте,— покачал головой старичок.— Повторяю, в природе не бывает пустяков. А пузыри — предмет особенно серьезный.

— Ладно, дедуся, шутите на здоровье,— усмехнулся Владик.— Доказать-то вам все равно нечем.

— О, я могу доказать! — затряс бороденкой старичок.

— Раз можете, что же не доказываете?

— Гм... Но у меня... очень веские доказательства.

— Как пузыри, да? — съехидничал Владик.

— А представьте себе, что вы оказались в стране, где вдруг исчезли бы все пузыри...

— Фантасмагория! — пожал плечами Владик.— Ну и очутился бы. И очень хорошо.

— Вот как? Что же, тогда пеняйте на себя,— насупив брови, сказал старичок.— Учтите, вы сами этого захотели.

В тот же миг все заволоклось густым туманом. В нем исчезли дома, растворился старичок, грибок вместе с Вовиком.

Одновременно послышался нарастающий свист и рев. Земля под ногами мелко задрожала.

Когда Владик пришел в себя и протер глаза, то увидел, что стоит он... на аэродроме, возле огромного серебристого самолета. Самолет еще свистел турбинами и вздрагивал после стремительного полета. На здании сверкающего стеклом аэровокзала огромными буквами было написано «Фантасмагория». А пониже — «Добро пожаловать».

Не успел Владик толком осмотреться, как рядом завизжали тормоза и шофер, распахнув дверцу автомобиля, крикнул:

— Вы Владислав Чудобыльский из седьмого «Б»? Прошу!

— Куда вы меня хотите везти? — спросил потрясенный всем происшедшим Владик.

— Первым делом на завод! — отозвался шофер.— Только вы, как крупнейший специалист по пузырям, можете спасти производство. Иначе наша Фантасмагория останется без света.

Тотчас какие-то люди, почтительно подхватив Владика под руки, усадили его в автомобиль и повезли на какой-то завод, где, как выяснилось, он, Владик, должен был дать инженерам крайне необходимую консультацию.

Завод оказался электроламповым.

— Понимаете,— объяснял директор,— всей Фантасмагории угрожает темнота: наши автоматические машины разучились делать лампочки. Как вам известно, баллоны для ламп выдуваются из расплавленного стекла наподобие мыльных пузырей. Стекло мы сварили отлично, машины все проверены, а

выдуть даже крошечного пузырька они не могут. Невероятно!

Но если бы только лампы! На соседнем заводе бутылочные автоматы тоже стали. Не то что бутылки, даже аптекарские пузырьки выдувать разучились. Только фукают попусту. Одна надежда на вас, растолкуйте нам, что происходит? В чем дело?

Перепуганный Владик стал объяснять, что произошла какая-то ужасная ошибка; его не за того приняли, за кого-то другого, а он, Владик, к лампам и бутылкам не имеет никакого отношения. Но беднягу и слушать не хотели.

— Мы наслышаны как о вашей поразительной скромности, так и о поистине неисчерпаемых .знаниях,— шаркнув ножкой, сказал директор.— Мы верим, что вы не оставите нас в беде.

Владик тоже шаркнул и пообещал, что разберется и все исправит, но не раньше, чем завтра, а сам тем временем лихорадочно соображал, как бы незаметно сбежать. Но не тут-то было. С почтительными поклонами его снова усадили в машину и отправили на другой завод — металлургический. Там дела обстояли совсем плохо. В домнах ревело пламя, руда давным-давно расплавилась, но... металла не получалось.

— Ничего не можем понять,— разводили руками инженеры.— Печи мы загрузили, как положено. И кокса насыпали сколько надо и известняка, чтобы они во время плавки забрали из руды лишнее и это лишнее всплыло бы пузыристой шлаковой пеной, а тяжелый жидкий металл стек бы на дно печи. Но шлаковой пены нет. Ни единого пузырька, хоть тресни!! И теперь в домнах ерунда какая-то варится — расплавленный винегрет.

Владик вздохнул, обещал помочь, только напомнил, что, если его срочно не отпустят домой, могут возникнуть крупные неприятности с родителями.

Владику ответили, что все предусмотрено, и отправили еще на один завод — горнообогатительный, который готовил для плавки медную, цинковую и другие руды. На заводе добытый камень, в котором содержалась руда, первым делом размалывали в муку. Потом эту каменную муку ссыпали в огромные баки, заливали водой и добавляли состав, который дает пену. Специальные мешалки перемешивали содержимое баков, на поверхность устремлялись пузырьки, а к ним прилипали пылинки чистой руды. Пылинки всплывали на пузырьках, как на воздушных шариках.

Рудную пену обычно тут же сгребали механические руки, а все ненужное оставалось на дне. Однако в этот день мешалки вертелись вхолостую, машины размахивали механическими руками, но ничего не могли сгрести: в баках не было не то что пены — с их дна не поднялось ни единого пузырька.

— Объясните же, наконец, в чем дело! — потребовали от Владика инженеры.

Владик сказал, что сейчас все объяснит, только ему надо руки помыть. «Уж тут-то я как-нибудь да сбегу»,— решил он.

Но провожать знаменитого специалиста отправилась целая толпа инженеров и ученых. По дороге они ахали, качали головами и восторженно говорили друг другу: «Подумать только — он будет мыть руки!», «Вы слышали — феноменально!!!»

«И чего это они так удивляются? — подумал Владик.— А руки теперь и вправду придется мыть».

Однако мыло оказалось каким-то... странным, от него руки становились не то что чище, а даже еще грязнее.

— А мы-то надеялись, что вы справитесь с мылом,— разочарованно вздыхали инженеры.

— Я лично был уверен,— сетовал толстенький ученый в черной шапочке,— что с вашей помощью мыло будет как и прежде мылиться и извлекать своими крошечными пузырьками частички грязи, забившиеся в складки и поры кожи...

Пришлось Владику сказать, что мыться он пробовал исключительно с экспериментальной целью, для проверки некоторых своих научных предположений.

Потом Владика повезли в порт, поднимать затонувший корабль.

На дно бухты были опущены и привязаны к кораблю огромные стальные пузыри — понтоны. Оставалось только накачать в них воздух. Понтонам, как и всяким другим пузырям, полагалось всплыть и поднять вместе с собою корабль. Но — увы! — накачать в стальные пузыри воздух почему-то оказалось невозможно.

Из порта Владика повезли еще куда-то. И тут по дороге ему повезло: вдруг раздалось пронзительное шипение, и машина, подпрыгнув, остановилась.

— Все четыре колеса! — охнул шофер, осмотрев машину.— Что творится у нас в Фантасмагории!

— В конце концов, шины — те же пузыри,— философски заметил водитель.— И теперь их наверняка не накачать. Придется идти пешком.

Вот тогда, воспользовавшись тем, что улицы были буквально забиты остановившимся транспортом, Владик нырнул под какой-то самосвал и действительно сбежал.

День был жарким, бежать пришлось долго, и потому, переведя дух, Владик первым делом направился к киоску «Соки — воды». Но киоск оказался закрытым «на переучет газированных пузырьков», как гласила пришпиленная к прилавку записка.

Вспомнив, что с утра ничего не ел, Владик решил зайти в ближайшую булочную.

— Пончики? Пирожки? Да вы откуда свалились, молодой человек? — замахал руками продавец.— Неужели не знаете, что во всей Фантасмагории хлебозаводы остановились? Пекари в дёжи муку сыплют, сахар и дрожжи добавляют, воды, сколько надо, льют, а дальше хоть меси, хоть не меси — вместо теста какая-то замазка получается. Не подходит тесто — ни единого пузырька.

Владик вздохнул, подтянул потуже ремень и отправился дальше.

Его остановила огромная афиша: «Матч века! Встречаются сборные Фантасмагории и Северной Абракадабрии».

Стадион оказался рядом. Контролеры почему-то пропускали зрителей без билетов, и тем не менее на трибунах было почти пусто.

Игроки на поле лениво перекатывали какой-то странный мяч. Он не прыгал, ни отскакивал, а, взлетев, шлепался на землю, как тряпичный куль. Как выяснилось, мяч был и в самом деле набит тряпками, поскольку надуть его не было никакой возможности. В Фантасмагории упорно не надувался ни один пузырь — ни резиновый, ни стеклянный, ни мыльный.

Здесь, на стадионе, Владика разыскал его личный шофер, и уже не на машине, а в старинной карете, запряженной тройкой резвых цирковых лошадок, повез мальчика в гостиницу.

— Завтра вам предстоит выступить по радио и телевидению, — предупредил по дороге шофер.— Вы должны объяснить населению, что за чудеса творятся у нас в стране и кто в этом повинен.— Помолчав, шофер добавил: — Фантасмагория объявлена на осадном положении. Ходят слухи, что во всех наших бедах виноваты вы. Если это правда, я вам не завидую.

В гостиничном номере было так холодно, что у Владика зуб на зуб не попадал. По радио передавали какой-то странный прогноз погоды. «Возможны осадки,— говорил диктор,— и дальнейшее похолодание, хотя не исключена и жара. Ветер ожидается слабый, если не будет урагана. Служба погоды просит извинения, но более точных сведений получить пока не удалось, поскольку воздушные шары-зонды, поднимающие метеорологические приборы для исследования атмосферы, сегодня взлететь не могли. Надуть их пока не удалось».

— Это еще что! — раздался за стеной отчетливый голос.— Если этот Владик Чудобыльский будет упрямиться, тут у нас еще и не такое случится, верно, сосед? Вы меня слышите?

— Слышу,— отозвался Владик — Даже слишком хорошо

слышу.

— Это потому, что в стенах были заложены плиты пенопласта,— объяснил голос из соседней комнаты.— Пенопласт, к вашему сведению, это застывшая пластмассовая пена. Но теперь между нами просто пласт — без пены: все воздушные пузырьки пропали. От этого и звук через стену проходит так легко, и холод тоже. Знаете, сосед, нам с вами еще повезло, вот в соседнем доме были перегородки из пеностекла. Отличный материал — легкий, прочный, в огне не горит, в воде не тонет, а уж как сохраняет тепло! Так сегодня все эти перегородки вообще рассыпались. И все из-за того, что пропали пузырьки.

Владик хотел объяснить соседу, что он и есть тот самый Владик, но что он не виноват, а всему причиной вредный старичок волшебник, который оказался у него во дворе, но в этот момент с улицы донесся грохот. В окно было видно, как в клубах пыли медленно оседало недостроенное здание.

— Видали! — крикнул сосед за стеной.— Все ясно: на этой новостройке применяли плиты из пенобетона. Он тоже считался отличным материалом. Прочную пенобетонную стену или потолок целой комнаты могли без особых усилий нести двое рабочих. Но пузырьки в пенобетоне исчезли, и...

Голос в соседней комнате умолк — где-то завыла сирена. Через минуту в коридорах гостиницы зазвенели звонки, и сразу же запахло дымом.

— Спасайтесь! — крикнул кто-то, распахнув дверь номера.— Горим! Взорвался баллон с газом!

Владик выскочил из комнаты, побежал к лестнице, и тут путь ему преградило пламя. Владик сорвал со стены красный огнетушитель, но пробегавший мимо пожарник крикнул:

— Бесполезно! В огнетушителях не получается пена!

— Пена, опять пена. Но при чем тут она? — думал Владик, изо всех сил колотя огнетушителем по мраморному полу. И вдруг он вспомнил: ведь огонь гаснет потому, что пена огнетушителей покрывает горящий предмет и не пропускает к огню воздух. А без воздуха огонь задыхается и гаснет.

Бросив бесполезный красный баллон, Владик побежал за пожарником, но тот уже скрылся. Где-то был запасной выход, но в дыму ничего нельзя было разобрать. Пламя трещало совсем рядом.

— Спасите! — не своим голосом завопил Владик.— Я домой хочу! Хватит с меня этой... Фантасмагории!

И в тот же миг... он очутился у себя во дворе. Вовик, как ни в чем не бывало, пускал мыльные пузыри, рядом стоял старичок и обмахивал лицо шляпой.

Владик ошеломленно вертел головой, еще не веря, что все его приключения кончились. На земле ослепительно сверкал кусочек стекла, ветер играл обрывком газеты, из лужи бежал тоненький ручеек...

— Все пустяки,— вдруг сказал старичок.— И лужа пустяки, и ветерок, и солнечный огонек на стекле... Не так ли?

— Ну нет! — попятился Владик.— Я теперь ученый. Я теперь эти пустяки за версту стану обходить. Я и смотреть на них не буду.

— Ну и зря. Вот когда ты к ним присмотришься, увидишь, сколько всего спрятано за тем, что мы слишком часто считаем пустяками, вот тогда ты, может быть, и вправду станешь ученым. А еще запомни.— Старичок поднял палец:

Работу твоему уму
Задаст любой пустяк,
Коль в нем заметишь «почему»,
«Где», «отчего» и «как»!

Сказав это, старичок исчез, остался лишь его многозначительно поднятый указательный палец, потом и он растаял.

...На этом можно было бы и кончить сказку, но Владик просил напомнить вам, что на самом деле все это произошло не с ним, а совсем с другим мальчиком, которого зовут... Впрочем, как его зовут, это теперь уже не имеет значения.

О ПРОСТУДЕ, НЕОБЫКНОВЕННОМ ГОСТЕ ИЗ КУВШИНА И О ВСЕМОГУЩЕМ ДУХЕ ПО ИМЕНИ ВОЗ

Я перечитывал запись рассказа об удивительных событиях в неведомой стране Фантасмагории и вспоминал, не пропустил ли какой-нибудь важной подробности, когда мои занятия перебил телефонный звонок.

— Слушаю.

— Добрый день. Вас беспокоит мама Владика. Еле разыскала ваш номер — спасибо, «справочная» помогла.

— Что с ним? — забеспокоился я.— Владик что-то натворил, откуда-нибудь свалился или...

— Обыкновенная простуда. Лежит, температурит и хандрит. Очень просит, чтобы вы его навестили. Мне, право, неловко, но сын сказал, если я позвоню, вы обязательно придете.

— И правильно сказал. Сегодня же явлюсь, если разрешите.

— Гм... Понимаете, сегодня я — в вечернюю смену, приду поздно. Моя старшая дочь учится, муж в командировке... Вас даже чаем некому будет напоить.

— Значит, Владик будет один? Вот я и подежурю. А чай... Вы не беспокойтесь: двое мужчин — вполне достаточная сила, чтобы справиться и с чайником, и с заваркой.

— ...И с вареньем, и с печеньем,— добавила мама Владика.— Тогда уж я попрошу: напомните сыну про лекарство.

Я пообещал. Мы попрощались, и уже через час я сидел... Это было почти невероятно, но случилось именно так,— я сидел в своей собственной комнате, в той самой, где прошло все мое детство. Разумеется, мебель, лампа под потолком, обои, запахи — все было другое. В углу, где была отцовская чертежная дока, висели полки с техническими книгами, справочниками, теперь дремал на растопыренных ножках налитый тяжестью своего электронного всемогущества телевизор; на месте моей кушетки сверкал темным полированным деревом украшенный медью шкаф. Его угол чем-то напоминал нос корабля, по которому бежали отражения воды. Мысль о море, о дальних плаваниях вызывали и удивительные вещи, стоявшие в шкафу за зеркальными стеклами-иллюминаторами. Оттуда выглядывали костяной японский божок, кружевная ветка белоснежных кораллов, страшная пучеглазая и клыкастая маска из Индонезии,

огромная, похожая на губы великана пурпурная тропическая раковина. А на шкафу в медном треножнике стояла облепленная ракушками, покрытая известковой коркой древняя амфора — высокий кувшин с двумя изящными ручками у горловины. Комната была неузнаваема, и все-таки это была моя комната.

Когда я вошел, Владик лепил из пластилина какое-то странное существо.

— Что это?

— Так... Один джинн знакомый.

— Кто-кто?

— Про Али-Бабу и сорок разбойников читали? Или про Хоттабыча?

— Ах, джинн!

— Ага! Я так и знал, что вы сегодня придете. Располагайтесь. Рому хотите?

— Чего-о?

— Рому! У меня настоящий — пиратский, с Ямайки.— Владик указал на кувшин с компотом.— Йо-хо-хо — и бутылка рому!

— Йо-хо-хо...— кивнул я, не без грусти рассматривая комнату.— Йо-хо-хо, таблетки и градусник!

— Температура тридцать семь и пять, а таблетки уже проглочены,— заверил меня Владик.— Да вы садитесь. Вот варенье, мед. В холодильнике пирожки с капустой, чашки на столе. Чайник еще горячий. И вообще — будьте как дома. Что это вы все молчите?

— В том-то и дело, брат, что я именно... как дома. Я ведь жил тут, когда был твоим ровесником.

Владик привстал, уставился на меня, хотел что-то сказать, но закашлялся.

— Вот это да! — наконец просипел он.

— Там стоял Мой столик, тут тумбочка с книжками, игрушками... Я тыкал пальцем в темные углы, словно нажимая невидимые кнопки, отчего в голове сразу же вспыхивали картины далекого прошлого.

— Вам жалко, что вы теперь тут не живете? — помолчав, спросил Владик.

— Грустновато немножко. Я даже не знал, как соскучился по своему детству. Хоть бы одним глазом глянуть, как это я тут строил из книжек и кубиков дворцы, «плавал» по паркетному океану к неведомым островам, делал из ниток подвесные дороги, а взрослые то и дело путались в них и устраивали ужасные аварии.

— А я тоже подвесные дороги строил,— подхватил Владик.—

Натянешь нитку под уклон и пускаешь по ней тележку с колесиком или просто гайку. Я и корабли водил в дальние плавания по полу. Антарктида у меня вон там, в углу, а тропические дебри — под столом.

...Я слушал Владика и вдруг ощутил, что занывшая от воспоминаний заноза в сердце вдруг исчезла, стало даже радостно. «Нет,— сказал я себе,— я все равно живу в этой комнате. Детство никуда не пропадает, оно затевает с нами игру в прятки. Детство все дальше прячется, взрослые всегда «водят», но иногда успевают отыскать и даже тронуть рукой этого юркого мальчишку... Вот только кричать «палочка-выручалочка, выручи меня!» бесполезно».

— Что ж с тобой приключилось? — спросил я.— Как тебя угораздило простыть?

— А! — махнул рукой Владик.— Нелепая история. Все из-за этого вот окаянного кувшина.— Он указал на глиняный сосуд на шкафу.— Знаете, откуда он? Из Красного моря! Отец у меня там был, когда потопленные корабли поднимали. В Суэцком канале работал и на Красном море тоже. Там водолазы этот кувшин нашли и подарили отцу на память. Амфора называется. А сколько она на дне пролежала — никто не знает. Может, тысячу лет, может, две тысячи, а то и все три.

— Все это очень интересно, но я тебя о простуде спрашивал.

— А я о ней и говорю. Понимаете, кувшин был закупорен. Я попробовал открыть — куда там: заросло горло, сплошной камень, а разбивать жалко.

И вот позавчера проснулся я рано-рано. Слышу, шипит что-то. Я сперва подумал, мама на кухне оладьи печет, но шипение не прерывается, а главное, шипит где-то совсем близко. Потом шип в свист перешел. Знаете, как турбины реактивного самолета перед взлетом свистят,— все тоньше, тоньше.» И вдруг — чпок! Кто-то простонал, и все стихло. Я решил, что мне все это со сна почудилось. Повернулся на другой бок, зажмурил глаза, хочу заснуть — не получается. Стал я смотреть на солнечный квадратик. Свет от окна широкой такой полосой падал на папино кресло. Свет вроде голубоватый, в нем пылинки кружатся, а пятно на кресле желтое. И вдруг в этом пятне что-то зашевелилось. Пригляделся — старичок сидит, полупрозрачненький. Протер я глаза...

— Минуточку! — перебил я Владика.— Где мой блокнот? Это надо записать. Раз уж началась новая история... И, достав ручку, я вывел заглавие: «Необыкновенная история одной простуды».

...— Протер я, значит, глаза,— повторил Владик,— старичок еще яснее проявился. Чалма зеленая, на ней красный камень,

вроде брошки. Халат желтый с зеленым поясом, а на ногах розовые сапожки с загнутыми носками. Потом на старичка будто облачко нашло, и он сразу переоделся: появился серый костюм в клеточку, точь-в-точь, как у папы, на коленях — папин портфель, на носу — бабушкины очки, на голове — моя ушанка.

Тут я не выдержал и говорю:

— Дяденька, чего это вы в шапке? У нас не холодно и форточка закрыта.

Старичок согласно закивал, и шапка исчезла.

Сидит он, совсем уже не прозрачный, ручки на животике сложил и крутит большими пальцами то в одну сторону, то в другую. Потом вдруг и спрашивает (чисто так по-русски говорит, только акцент восточный).

— Почему ты не боишься, юноша? Другой на твоем месте на коленях молил бы меня о пощаде. Ты знаешь, кто я и откуда?

— Догадываюсь,— говорю.— Ведь это вы все утро шипели на шкафу. Но как вам удалось вышибить пробку? Она же вся окаменела!

— Благодаря тебе, мой благодетель. Своим ножом ты так изуродовал магические знаки на пробке, что заклятие моих врагов потеряло силу. А остальное, как ты выражаешься, «ерунда на постном масле».

— А откуда вы знаете, как я выражаюсь?

— Видишь ли, отрок, за те два года, что моя проклятая глиняная темница возвышается на вашем шкафу, я сквозь ее стенки многое слышал и многому научился. Из всех джиннов я вообще самый способный. Это у меня с детства.

— А вы Хоттабычу не родственник?

— Кому?

— Ну, Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, он тоже джинн.

— Ах, ему... Нет — это младшее поколение. Вообще говоря, юноша, некогда джиннов было великое множество. Народ в основном темный и злобный. Но были и добрые духи. Твой вечный должник и слуга, например, всю жизнь искал заклинания, которые могли бы помочь людям в их тяжелом труде. За это я и был наказан вреднейшим из вреднейших — повелителем шайки джиннов тьмы.

Старичок сокрушенно покачал головой и опять принялся вертеть пальцами.

У меня уже давно язык чесался спросить о самом главном, и, воспользовавшись моментом, я сказал:

— Дедушка, раз я помог вам выбраться на волю, вы теперь будете выполнять все мои желания?

— Увы, мой спаситель,— да будут дороги твоих мечтаний

усыпаны розами их исполнения,— прости, но я бессилен отблагодарить тебя.

Тут мой старичок подпрыгнул на кресле и, воздев кулачки, закричал:

— О горе мне! Я последний и самый несчастный из джиннов. Я всю жизнь изобретал средства, чтобы сделать людей хоть чуточку счастливее. Я был в своей области, так сказать, волшебником-рационализатором, я превзошел самого Сулеймана ибн Дауда! Но гнусный маг, коварный повелитель джиннов тьмы, Шар-бармук аль Баркадар — чтоб верблюд несчастий плюнул ему на бороду! — сумел не только загнать меня в проклятую глиняную бутылку, он лишил меня памяти. Я совсем не помню, что делал, чем занимался, не помню почти ни одного заклинания и даже — увы мне! — забыл свое имя. У меня ничего не осталось. Ничтожный, безымянный дух, я слаб, как бабочка после дождя.— Старичок всхлипнул и стал вытирать глаза.

— Не огорчайтесь,— пробормотал я и, не зная, что сказать старику в утешение, брякнул: «Вам, наверно, пенсию дадут».

— Пенсию? — глаза старика сердито сверкнули из-под нахмуренных бровей.— И это ты говоришь мне, джинну, поклявшемуся всю жизнь работать для людей! Нет, мой повелитель, поверь, я еще кое-что могу. Мне бы только найти какое-нибудь дело по душе и по силам.

В этот самый миг во двор въехал самосвал и с шипением остановился.

— Что это? — вздрогнул старик.— Ты слышал?

— Ничего особенного,— говорю.— Самосвал приехал. Тут у нас сараи ломают, вот он за мусором и прикатил.

— Я не о том,— замотал головой старичок.— Я явственно слышал, как на свободу вырвался еще один джинн!

— Джинн? Да это же просто воздух шипел в тормозах.

— Воздух...— забормотал старичок. — ...Воз-дух... Воздух!.. Ага, значит все-таки дух! Неважно, как его зовут, главное — он работает. Я тоже хочу! О мой спаситель — да откроют ключи твоей доброты сокровищницу радостей,— помоги мне! Там, где работает один дух, могут работать и два.

— А что ты умеешь?

— Ничего! Но я научусь. Юноша, поведи меня в мир, что шумит за стенами этого благословенного дома, я должен своими глазами увидеть его, а ты объяснишь, что к чему.

— Что ж... Погулять, конечно, можно. Только мне в школу надо.

— А если сегодня не ходить?

— Сачкануть? Не, потом неприятностей не оберешься.

— Даю тебе слово джинна, я сделаю так, что твоего отсутствия не заметит ни учитель, ни ученики — никто.

Старичок посмотрел на меня пристально, пошевелил губами, и тотчас передо мной очутился наш завуч, Сергей Трофимович. Он потрепал меня по голове, сказал: «Иди, Чудобыльский, я тебя отпускаю». И исчез.

Я подумал, что все это причудилось, протер глаза и... даже голова кругом пошла — ни комнаты, ни старичка. Стою я, уже одетый, посреди двора, а когда одевался, как тут очутился, хоть убей — не помню. Только в себя стал приходить, слышу голос: «Успокойся, о драгоценнейший, как видишь, на кое-какие мелочи я еще способен».

Оглянулся — никого. А голос снова шепчет в ухо: «По натуре мы, джинны, невидимки. Видимый облик приходится принимать только в крайних случаях. Пойдем, отрок, я буду рядом.

— Немедленно станьте видимым! — потребовал я. — Ишь что придумал. Разве можно невидимкой по улице ходить? Как раз под машину попадете!

— Слушаю и повинуюсь,— вздохнул голос, и старичок тотчас проявился. Пошарил он рукой по воздуху, достал из пустоты шапку и спросил:

— А где этот самосвал, в котором работал... дух?

— Уехал,— говорю.

— Жаль. Я так хотел с ним познакомиться.

— С кем?

— С духом!

— Да не было никакого духа. Я ж вам говорил — в тормозах шипел сжатый воздух.

— Я не совсем понимаю, что это такое...

— Как бы вам объяснить...— Я задумался и вдруг увидел мяч. Тюля-Витюля из соседнего подъезда старательно запихивал камеру в новенькую желтую покрышку.

— Вон, глядите! — сказал я моему старичку.— Это мяч. Он пока не надут. А если его как следует надуть, накачать, то воздух внутри будет не такой, как вокруг, а сжатый.

— Кажется, понял,— кивнул старичок и тотчас же растворился. Гляжу: мяч из рук пораженного Витюли сам собой выскочил, повис в воздухе и стал раздуваться. Секунда, другая — и на покрышке уже швы затрещали. Я хотел крикнуть, остановить старичка, но поздно — тррах! — и мяча не стало. С подоконников в панике сорвались голуби, а вслед им в небо вонзился горестный вопль Витюли.

— Ну как? — гордо спросил появившийся старичок.— Есть еще силы у дряхлого джинна?

— Что вы наделали! Мальчишке настоящий футбольный мяч подарили, а вы...

— Все понял. Виноват, сейчас исправлю.— Старичок мой потоптался, покрутился на месте, затем разбежался трусцой и стукнул ногой... Стукнул по воздуху, это я точно видел, но Витюля в тот же миг «взял» на грудь целехонький мяч. Между прочим, удар был отличный, Витюля даже сел.

На всякий случай я схватил бедового старичка за руку и потащил прочь, а то от вопросов потрясенного Тюли-Витюли нам бы не отделаться.

В соседнем дворе слесарь Чекушкин, как всегда, копался в своем допотопном, неизвестно из чего собранном драндулете. Чекушкина соседи дразнили: «День в машине, три — под ней». Но, по-моему, он и одного дня целиком на ней еще не ездил. Даст по двору круг — и готово, опять надо чинить. Теперь Чекушкин, победоносно насвистывая что-то, накачивал сплющенные, испустившие дух шины. Умытая машина сверкала на солнце всеми своими заплатами и пятнами.

Услышав шипение насоса, старичок мой опять насторожился.

— Скажи, повелитель, что делает этот грязноватый человек?

— Шины накачивает.

— А... чем?

— Воздухом, разумеется. Вон у него насос.

— Насос?.. Гм... Насос — эта та железная палка с ручкой?

— И вовсе не палка, а труба. Цилиндр. Внутри у нее поршень ходит. Поршень — это... Как вам объяснить... Ну, такая движущаяся пробка. Толкает ее вперед железный прут — и пробка-поршень весь воздух из трубы выжимает в шину.

— Понял! — заулыбался джинн.— Там, в шинах, тоже сжатый воздух. Вероятно, чтобы эта самоходная колесница не так сильно тряслась на ухабах. О, повелитель, разреши мне помочь этому вспотевшему труженику.

— Ладно, — согласился я.— Только не очень усердствуйте,— лопнут шины — потом поди достань, это вам не мячик.

— Будь спокоен,— поклонился старичок.— Теперь я уже разбираюсь в этом... в надувательстве.

Он исчез. Насос, оставленный слесарем, вдруг сам собой приподнялся, ручка его заходила вверх-вниз через несколько секунд и замелькала так, что уследить невозможно.

Покосившаяся колымага Чекушкина на глазах выпрямилась и словно привстала на цыпочки. Тем временем слесарь, уходивший прикурить, вернулся, взялся за насос и замер, согнувшись, как вопросительный знак. Ткнул он ботинком одну шину, другую, ойкнул и выронил сигарету. Потом вытащил из кузова бутылку с

какой-то жидкостью и стал задумчиво рассматривать ее на свет.

— Все ли я правильно сделал, о мой повелитель? — раздался над ухом знакомый голос.

— Нормально,— говорю.— Еще чуть-чуть — и пришлось бы удирать.

— Знаешь ли, отрок,— сказал старичок,— мне очень нравится повелевать духом Воз.

— Чем-чем? — не понял я.

— Духом Воз. Ты сам его так называл: «Сжатый дух Воз».

— Ах, воздухом!

— Вот-вот... Я очень долго тренировался, когда был заперт в сосуде, тщетно пытаясь вышибить проклятую пробку. Какое это наслаждение — свободно гонять пробку-поршень туда и обратно.

...Мы вышли на улицу. Старичок заохал, глядя на поток машин, и долго не решался перейти на другую сторону. Когда мы все-таки перешли, мой трясущийся бледный джинн так и рухнул на скамейку скверика. А неподалеку от нас был тир, из-за его деревянных стен то и дело доносились щелчки выстрелов. Джинн слушал-слушал и наконец спросил слабым голосом: «Что это?»

— Тир! — говорю.— Между прочим, очень интересное место. Зайдем?

Я заплатил за пять выстрелов. Старичок с любопытством наблюдал, как я, «сломав» винтовку пополам, зарядил ее и стал прицеливаться в медведя. Хлопнул выстрел, и медведь перевернулся.

Тут джинн мой заволновался:

— О, повелитель, пролей благовонное масло познаний в огонь моего любопытства! Ты поражаешь цель невидимой стрелой, а я не вижу и тетивы... Объясни, что это за штука у тебя в руках?

— «Духовка»,— говорю.— Пневматическое ружье. Внутри пружина и поршень. Вот я сгибаю ствол и одновременно рычажком сжимаю пружину. Затем вкладываю пульку и возвращаю ствол на место. Теперь достаточно нажать на спуск, освобожденная пружина рванется вперед и толкнет поршень. Этот поршень сразу стиснет воздух, и он выбросит пульку из ствола.

— О, позволь мне попробовать — да не иссякнут плоды щедрости на смоковнице твоих добродетелей! — взмолился джинн.

Я дал ему винтовку и объяснил, как целиться.

Старик прищурился и свалил льва. Надо же! С первого раза.

От радости мой джинн тоненько захихикал и, потирая ладошки, сказал:

— Теперь ты, а я на минуточку исчезну.

Я прицелился, нажал на спуск и... Приклад так ударил меня в плечо, что я отлетел от барьера. С потолка посыпалась штукатурка.

— Что такое? Что случилось? — засуетился перепуганный кассир-инструктор, он же заведующий.

— Наверно, ружье взорвалось,— сказал я, потирая плечо... и боком, боком выскочил из тира. Обежав домик кругом, я обнаружил, что пуля прошибла стенку насквозь да еще разбила стекло в соседнем газетном киоске.

— Доволен ли ты своим выстрелом? — спросил старичок, выплывая из куста.— Ведь это я постарался втиснуть побольше воздуха в твое ружье.

— Да я уж догадался, что без вас тут не обошлось. По вашей милости теперь мне сюда путь закрыт, да и на плече наверняка синяк.

Мы быстро свернули в переулок, и тут старичок мой остановился как вкопанный. Я его тяну, а он уставился куда-то — и ни с места. Оглянулся я: экскаватор траншею прокладывает, впереди рабочие долбят асфальт отбойными молотками, а рядом с ними работает компрессор на колесах. В него-то и вцепился глазами старичок.

— Тсс...— приложил он палец ко рту.— Шипит!.. Ты слышишь, мой повелитель?

— Еще бы,— говорю,— глухой и тот услышит.

— Но я чувствую, тут опять прячется этот самый сжатый Воздух.

— Все правильно. Компрессор — это тот же насос. Только его приводит в движение мотор. Здоровущие поршни по очереди сжимают воздух в цилиндрах и гонят его по трубам к пневматическим молоткам.

— Молоткам? Но я не вижу в руках этих людей ничего похожего.

— Да вон же они стрекочут! — показал я.— Правда, эти воздушные машины не очень-то похожи на обычные молотки с деревянными ручками, но бьют — будь здоров! Я вам рассказывал про духовое ружье, помните? Так вот пневматические молотки напоминают эти ружья. Внутри у них труба-ствол, только гораздо шире. В стволе вместо пули — тяжелая стальная болванка. И выхода из ствола нет. В дуло вставлен ломик. Толкнет сжатый воздух эту болванку, скользнет она по стволу и ударит с разгона по концу ломика, а ломик в свою очередь по асфальту стукнет. Тотчас автоматический переключатель направит струю сжатого воздуха по другой, обходной дороге, навстречу болванке, и мгновенно отбросит ее обратно. Так и мечется этот пуля-молот в

трубе — вверх-вниз, вверх-вниз. Да с такой скоростью, что за ударами ломика и не уследишь. От асфальта вон только куски разлетаются.

— Ай, какая замечательная машина! — старичок зажмурил глаза и дернул себя за бороду.— Клянусь волшебным перстнем Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими, я научусь работать и с этим ком...пес...

— С компрессором.

— Именно так. А также с этими молотками.

— Кстати,— говорю,— если концы ломиков сделать не острыми, а плоскими, эти пневматические машины станут действительно молотками.. С их помощью склепывают толстенные стальные листы, а заклепки там во какие — толще пальца! А еще есть машины — перфораторы. Они очень похожи, только побольше отбойных молотков. Перфораторами каменные породы бурят. На рудниках, на стройках плотин или, когда сквозь горы прокладывают тоннели, это очень нужно. Просверлит, продолбит перфоратор глубокую дыру, подрывники в нее взрывчатку заложат и — трах-бабах! — камень вдребезги, забирай щебень и увози.

— Поистине блажен мудрый! — воскликнул старичок.— Ибо сокровища, накопленные им, не прячутся под замком, но, подобно колодцу в пустыне, доступны любому жаждущему.

— Ну, это вы уж слишком,— смутился я.— Конечно, с техникой встречаться приходилось, я с отцом сколько раз и на стройках бывал, и на заводах, но до мудрости мне как до звезд.

Тут пришло мне в голову отвлечь старичка, в зоопарк пригласить. Столько впечатлений никакая голова не выдержит, а в зоопарке и интересно, и понятно, и отдохнуть можно.

Только подошли мы к остановке, как раз автобус подъехал и с шипением остановился.

— Опять! — засуетился старичок.— Опять сжатый Воз-дух. Где он? Где?

— Один — в тормозах, другой дверцы открывает.

— Дух-привратник?! Поистине это чудо достойно волшебного дворца всесильного повелителя джиннов. Скорее расскажи о нем, о владыка моего сердца.

— А вы лезьте в автобус, не бойтесь. Я вас прокачу и все расскажу по дороге.

Сели мы, я стал было говорить про то, что за окнами, но мой неугомонный старичок потянул меня за пуговицу и напомнил:

— Ты мне не про дома, ты про Воз-дух объясни. Тот, что служит привратником в этой колеснице и останавливает ее, как опытный воин горячего коня на скаку.

— Ну, тут,— говорю,— совсем просто. Все те же трубы-цилиндры и поршни. Автомобильный мотор не только крутит колеса, от него еще и насос работает — воздух накачивает. Откроет шофер дорогу сжатому воздуху, и он сразу нажмет на поршень в цилиндре. А к поршню этому присоединена железная рука. Двинется поршень вперед, вот «рука» и откроет двери. Пойдет воздух в цилиндр с другой стороны, погонит поршень назад, за ним и «рука» потянется, тут и закроются двери.

А тормоза воздушные, как две ладони. Они тоже с поршеньками соединены. Нажмет водитель педаль, пустит воздух в тормозные цилиндры, поршеньки двинутся и прижмут тормозные колодки-ладони к каждому колесу. Схватят они колеса, да так крепко, что вон какая махина автобус и то почти сразу останавливается. Впрочем, в тормозах чаще не воздух работает, а жидкость.

Объяснял я джинну, конечно, совсем не так быстро, как рассказываю теперь. Когда он уяснил наконец, как устроены тормоза, кондуктор объявил:

— Конечная остановка. Автобус дальше не пойдет.

Вылезли мы у товарной станции. Увидев грохочущие составы, старичок мой совсем голову потерял. Ахал он, ахал, потом и спрашивает:

— А эти многоколесные железные караваны движет не дух? То есть не сжатый Воз-дух?

— Нет,— отвечаю.— Зато сжатый воздух тормозит, останавливает составы. Впрочем, есть уже и такие поезда, которые действительно ездят благодаря воздушному напору. Но мы с вами лучше поедем в зоопарк. Отдохнем, на верблюдов поглядите. Как-никак старые знакомые. На них даже покататься можно.

Но старичок схватил меня за руку и так жалостливо стал засматривать мне в глаза, что пришлось рассказывать дальше.

— Представьте себе огромную железную трубу...

...— А в ней, конечно, чудесный поршень,— перебил джинн.

— Вот и не угадали. В ней поезд — несколько круглых вагонеток с колесиками. Впрочем, этот поезд действительно вроде поршня. Пустят сжатый воздух с одного конца трубы, и погонит, покатит он поезд до конечной станции. А там тоже воздуходувная установка наготове, чтобы поезд обратно гнать. Правда, пассажиры по таким трубам еще не ездят, но грузы воздушные поезда уже перевозят. И довольно далеко.

...За разговором прошлись мы вдоль железной дороги и вышли к реке. На берегу — горы развороченной земли, плиты бетонные штабелями, балки, доски, разные стальные конструкции

— мост новый строится. Хотел я обратно повернуть, но чуткий старичок услыхал знакомое шипение и потащил меня напрямик по раскисшей земле. Обойдя гору песка, мы увидели у деревянного вагончика знакомую компрессорную установку. Резиновые шланги от нее тянулись к странному круглому железному сооружению.

— Вы куда? — вдруг раздался сердитый голос.— Что надо?

Из-за вагончика появился молодой бородатый дяденька в перепачканной телогрейке и высоких резиновых сапогах.

— Да вот стройку хотели посмотреть,— стал объяснять я.

— Посторонним не разрешается! — отрезал дяденька.

— Посади пса гнева на цепь терпения, о почтеннейший страж стройки,— вмешался джинн...

— А вы, собственно, кто такой? — поперхнувшись, воскликнул дяденька.— Эх, пожилой человек, а так выражаетесь!

— Разве я выразился непочтительно? — удивился старик.

— Еще спрашивает! Сам меня псом обозвал. Да если бы не ваш возраст...

— Вы просто не поняли,— перебил я.— Псом он назвал несправедливый гнев. У дедушки такая манера говорить. Он из этого... из Средней Азии приехал. Из самого дальнего горного кишлака. Недавно впервые поезд увидел!

— А-а... Тогда другое дело,— смягчился дяденька.— Любопытствуете, значит? Так уж и быть, походите, поглядите. Из какой дали добирались, ай-ай! Что ж, познакомимся — Петр Захарович. Я прораб. Раз такое дело, сам гостя провожу и все покажу.

— Не надо далеко ходить, досточтимый. Меня интересует сжатый Воз-дух. Куда идут эти трубы?

— Эти? В кессон. Вон, видите здоровенный стальной колпак? Это и есть кессон. Для чего он нужен? А вот для чего: огромный мост будет стоять на могучих ногах-опорах. Чтобы ноги эти не поскользнулись, не тонули бы в мягком грунте под великой тяжестью, им необходимы как бы башмаки с широкими подошвами. Разумеется, бетонные. Вот нам и надо на берегу и в воде у берега выкопать глубокие котлованы, чтобы забетонировать основания опор моста. Но как тут копать, если в ямы, как их ни огораживай, обязательно просочится вода? Вот тут-то и выручает кессон. Кессон — это огромный стальной стакан, только перевернутый. Через люк в дне стакана-кессона внутрь по лесенкам спускаются рабочие, задраивают за собой тугую крышку и начинают выбирать грунт. Чем больше выберут, тем ниже опускается, оседает под собственной тяжестью стакан-кессон.

— А вода? Вы говорили, что в ямы просочится вода?

— Вот тут-то, дедушка, и приходит на помощь сжатый воздух. Компрессор накачивает его по трубам в стальной стакан, да с такой силой, что воздух выжимает, вытесняет воду, загоняет ее обратно в грунт.

— А как же вынуть вырытую землю? — спросил я.— Ведь если открыть люк, сжатый воздух вырвется наружу, и вода все равно зальет яму.

— Совершенно справедливо. Давление внутри кессона должно быть достаточно большим непрерывно. Поэтому кессон как бы двухэтажный. В нижней, наглухо закрытой камере идут земляные работы. Но вот пора поднимать выкопанный грунт. Для этого в верхней камере создается такое же давление, как и в нижней. Затем открывается люк между камерами, и грунт поднимается со дна на второй этаж. Закрывается нижний люк, открывается наружный. Тут лишний воздух со свистом вырывается на волю, и можно выбранную землю отправлять в отвал.

Дойдут рабочие до нужной глубины и начнут класть бетон. Его сверху тем же двухэтажным, двуступенчатым путем подают. Между прочим, рабочая смена тоже на поверхность поднимается не сразу. Сначала со дна — на второй этаж. Тут давление воздуха постепенно снижается. Сидят рабочие, отдыхают, а организмы их тем временем привыкают, осваиваются понемногу с обычными условиями. А если сразу из кессона наружу выскочить — беда! — можно тяжело заболеть.

Кессоны — штука очень нужная. Плотину ли строить, тоннель ли в горах прокладывать или метро под городом — всюду для нас, кессонщиков, находится работа.

Честно говоря, у меня тут язык зачесался рассказать моему приемному дедушке про подводную лодку. Ведь там сжатый воздух точно так же воду вытесняет из балластных цистерн. Эти огромные, похожие на сигары цистерны по бокам лодки тянутся. Надо погрузиться — и в цистерны врывается забортная вода. Надо всплыть — и в цистерны впускают сжатый воздух. Выгонит он воду — и облегченная лодка поднимается. Но говорить об этом я не стал: ведь сначала бы пришлось объяснять джинну, что это вообще такое — подводная лодка, как она устроена, почему движется.

Поблагодарили мы прораба, и я принялся уговаривать моего джинна идти в зоопарк.

Старик тяжело вздохнул и согласился. Спросил только, не встретим ли мы в зоопарке сжатый Воз-дух.

— Да что вы,— говорю,— зоопарк — это вам не завод.

— Завод? Значит, Воз-дух трудится на заводе?

— Не на одном, а почти что на всех.

— А завод — это что?

— Да вон, за рекой, видите, цеха стеклами поблескивают, а подальше — трубы? Машиностроительный завод. Я раз там с отцом был — так чуть голова не отвинтилась: и то интересно, и это.

Тут старичок мой сложил ладошки на груди и завел:

— О повелитель! Ты спас меня из вечного заточения, ты осыпал несчастнейшего, безымянного, безработного и бесприютного джинна благодатным дождем своих милостей — да не потускнеет жемчужина любознательности в золотой оправе твоей доброты! Соблаговоли повести меня на этот... за-вод.

— Что делать? — Развел я руками.— Сам хочу туда еще хоть разок попасть,— говорю.— Только поздно уже: ехать долго и скоро мама будет звонить, проверять, обедал я или нет.

— Значит, ты тоже хочешь на завод? — обрадовался старик.— Что ж, да пройдет конь твоих желаний по жердочке моих возможностей. А расстояние пусть тебя не беспокоит. Смотри мне в глаза и ничего не бойся.

Старичок крепко взял меня за руку, прищурился и вперил в меня из-под густых бровей острые, как шильца, зрачки. Глядит и что-то шепчет. И стало мне вдруг удивительно легко, будто я ничегошеньки не вешу. Оторвал я взгляд от старичка — мама! — висим мы с ним высоко над землей, под ногами крыши, машины, как жучки, по улице ползут... Старичок быстро проговорил что-то непонятное, и мы понеслись. Встречный ветер так хлестал в лицо, что из глаз все слезы вышибло, прохватило меня на лету прямо до костей. Вот тут-то я, наверно, и начал простужаться.

Хорошо еще, что летели мы всего минуту, я и сообразить толком, что к чему, не успел, как очутились мы у заводской проходной.

Потер дедушка-джинн замерзшие щечки, поежился, подмигнул мне и спрашивает:

— Куда нам идти, драгоценнейший?

— А идти некуда,— говорю.— Разве что в булочную погреться. Вон, усатый вахтер, видите? Он без пропуска ни за что не пропустит.

— Только и всего? Ну усатый привратник нам еще поклонится.— Тронул меня старичок пальцем в лоб, прошептал что-то и, схватив за руку, потащил к проходной.

Я упираюсь, дергаю руку, а... руки-то нет. Только охнул — и вторая пропала. И ноги, и тело...— ничего от меня не осталось. Чувствую, что все на месте, а ничего не вижу. Старик тоже исчез,

но за руку тянет, ведет меня, как собачонку на поводке. Вахтер поглядел на нас, зевнул, потянулся и вдруг, вытаращив глаза, согнулся в поклоне...

Когда мы вошли в цех, старичок опять коснулся моего лба, и сразу же я увидел и его и себя.

— Говорил я, что привратник нам поклонится! — торжествующе воскликнул джинн.— Это потому, что я оставил видимыми твои подошвы, о поршень моего сердца. От вида шагающих подошв усатый и сейчас еще чешет в затылке. Мне кажется, что он стал заикаться, но на обратном пути я его вылечу. Пойдем же скорей. И рассказывай громче, ибо в этом грохоте я тебя не услышу.

Попали мы в кузнечный цех. Место, сами понимаете, не из самых тихих. Во всю длину цеха шеренгой выстроились огромные станки — молоты и прессы. Отовсюду несутся шипение и гром ударов. Одни молоты бьют часто, другие пореже.

Подошли мы к ближайшему, старик даже попятился. Нажмет рабочий педаль — свалится сверху стальная болванка — бах! — от раскаленной заготовки искры так снопом и брызжут. Повернет рабочий заготовку, и еще — бах, бах! Металл на глазах меняет форму, словно это и не сталь, а глина.

А другие машины-молоты еще быстрее бахают. У них на плитах-наковальнях стальные формы закреплены. В каждой форме вырезаны углубления и выступы. И сами бойки молотов тоже не гладкие, а фигурные. Шарахнет раз такой молот-штамп по заготовке — и отпечатает на ней все, что вырезано на нижней плите и на бойке. А лишний металл как ножницами обрежет. Трах!..— и еще одна деталь идет на чистовую обработку.

Некоторые штампы-молоты и вовсе автоматически работают. Движется по наковальне стальной лист, останавливается на миг, тотчас ударяет молот, и сразу несколько деталей готовы. В каждой, где надо, выступы, впадины и даже дырки пробиты. Снова передвинется лист — и опять удар. И так все это быстро происходит — едва успеваешь уследить.

Любуюсь я машинами, а у самого на душе кошки скребут, хоть и заняты рабочие, а вдруг кто подойдет и спросит: кто вы, да зачем тут?

На счастье, в цехе оказалась группа ребят-старшеклассников. Экскурсия. Мы к ней и пристроились.

— ...Есть молоты механические, работающие от электромоторов,— объяснял ребятам мастер в синем комбинезоне.— А на многих, в том числе самых мощных — гидравлических, многотонную падающую часть поднимает жидкость. Ее специальные мощные насосы закачивают в

цилиндры. Жидкость давит на...

— ...на поршни, не так ли, почтенный? — вмешался мой старик.

— Совершенно верно,— не оборачиваясь, подтвердил мастер.— Стальные штанги, идущие от поршней, соединены с бьющей частью. Заработает насос, жидкость погонит поршни вверх, а с ними поднимается и бьющая махина. Тут рабочий нажмет рычаг, и рухнет плита, ударит бойком по заготовке.

— Это понятно, о искуснейший из кузнецов! — крикнул джинн.— Ты лучше про те молоты расскажи, где сжатый Воз-Дух.

«Ну, думаю, сейчас будет скандал. Ишь разошелся старик, и откуда только прыть взялась, ведь всего два часа назад в кувшине сидел».

И верно: оглянулся мастер и спросил:

— А это кто? Что-то я этого дедушку не видел... Вы в каком классе учитесь, молодой человек?

Тут выступил я вперед и говорю:

— Он не учится, он сам учитель. Из Средней Азии приехал. Для обмена опытом и повышения этой... квалификации.

— Ах, для повышения... Что ж, рад гостю. Вы, отец, спрашиваете о пневматических ковочных машинах? Они перед вами. У каждого из этих молотов и штампов есть свой электромотор и насос-компрессор, который гонит воздух в цилиндры. Сжатый воздух и поднимает молот и бросает его вниз для удара. Как видите, на этих машинах удары наносятся сверху. Но вот другие — они работают как бы лежа. Тут воздух не поднимает, а толкает поршни, а значит, и молоты — с боков. Бьют они по заготовке сразу с двух сторон. Смотрите, как быстро наносятся удары! Ни один, даже самый сильный и опытный кузнец не смог бы работать молотом так ловко и быстро (о силе я уж не говорю).

...Экскурсия двинулась дальше. Я еле оторвал любопытного джинна от пневматических молотов, и побежали мы вдогонку. Ребят отыскали довольно далеко, у отчаянно грохотавшей закрытой установки. Понять, что происходило внутри, было невозможно. Но вот грохот смолк, мастер открыл стальную дверь, и мы увидели внутри камеры тяжеленную, сверкающую металлом деталь. Она была укреплена над огромной воронкой, а в воронке и вокруг на полу было полным-полно стальных шариков, точь-в-точь подшипниковых.

— Тут тоже своего рода кузница,— объяснил мастер.— Ведь ковка нужна не только чтобы изменять форму детали — удары молотов как бы уплотняют стальную поверхность, делают ее тверже, крепче. Но здесь вроде бы ничего похожего на молоты

нет, верно? А на самом деле их тут тысячи, миллионы — вот они! — Мастер зачерпнул пригоршню шариков.— Это и есть молоточки, а вот их «рукоять».— Он показал на трубу, похожую на ствол маленькой пушки.— Самое скорострельное орудие на свете! — гордо сказал мастер.— И самое мирное. Из специального бункера в наш «шарикомет» непрерывно течет поток «зарядов»-шариков, ураган сжатого воздуха подхватывает их и с огромной силой выбрасывает через жерло. Хлещет по металлу стальная струя и за считанные минуты делает то, что обычный кузнец не сделал бы и за несколько часов.

Вскоре экскурсия закончилась, ребята потянулись к выходу, а мой любознательный старикан и не думал о возвращении.

— Пора! — показал я на часы.

— Еще немножечко! — замотал головой джинн.— Только взглянем вон на те удивительнейшие машины.

— Все равно сейчас прогонят, экскурсия-то ушла. И не вздумайте становиться невидимкой — я один убегу.

— О, если б я мог остановить время! — вздохнул старик и понуро поплелся за мной.

У проходной джинн вдруг остановился и стал всматриваться куда-то в даль. Я поглядел в ту сторону и сразу все понял: старик заметил высокие трубы и белые облачка над ними.

— Скажи, мой повелитель, там, где высится что-то вроде огромных бочек со впалыми боками и рождаются белые облака, там тоже... завод?

— Не угадали,— говорю,— там электростанция. Помните, сколько моторов на заводе? Так вот, электричество им дает эта самая станция. Ток от нее приходит сюда по этим проводам.— Я показал на ближайшую мачту линии электропередач.

— Жаль,— старичок сморщился и пожевал губами.— Я думал, там тоже трудится сжатый Воз-дух.

— А он и трудится, да еще как! — выпалил я и прикусил язык. Но было уже поздно.

— Ах, и там тоже! — воскликнул мой старикан.— Значит, именно оттуда сжатый дух шлет свою силу всем станкам?

Он схватил меня за руку и... Я и ахнуть не успел, как мы очутились высоко над заводом. Тут я простудился во второй раз. До электростанции лететь было куда дальше, чем до завода, поэтому мы мчались так, что в ушах свистело. На этот раз старик был хитрее: приземлились мы уже на внутреннем дворе. Что мне было делать? От станции домой надо ехать уже на электричке. Эх, пропадать так пропадать!

— Идем,— сказал я джинну.— Я тут уже бывал и сам покажу, где работает твой сжатый воздух. Так будет быстрее.

Мы пошли. Я помнил только тот путь, по которому ходил раньше с отцом, и потому мы попали сначала в большой пустынный зал. Только один звук царил в его гулкой тишине — тонкое и монотонное гудение турбин. Рев и свист раскаленного пара, мчащегося на лопатки многочисленных колес, глушили громадные стальные панцири, внутри которых с бешеной скоростью вертелись турбины. Вырабатывающие электричество генераторы, валы которых вращали турбины, были и вовсе не слышны.

Старичок мой походил по залу, приложил ухо к стальному кожуху турбины и доложил:

— Свистит! — Послушал еще и спросил: — Неужто и тут сжатый Воз-дух?

— Пар! — ответил я.— Сжатый, раскаленный пар. А идет он сюда по трубам от водяных котлов. В котлах бушует пламя, а раздувает его действительно воздух.

Открыв дверцу, я повел старичка по гулким железным переходам и лестницам вниз. Я помнил, где находится одно из окошек. Открыв заслонку, я подозвал джинна. За толстенной стеной виднелись бесчисленные трубы, сквозь них мчался огненный ураган. Внутри кирпич был оплавлен, кое-где бахромой свисали блестящие розовые сосульки.

Мы спустились еще на этаж и открыли другую заслонку. Отсюда было видно, как снизу бьют ослепительные струи огня.

— Это горит мазут или угольная пыль,— сказал я.— На тепловых электростанциях, находящихся в городах, обычно сжигается газ, чтобы не загрязнять воздух. Но эта станция загородная. И потом — у нее на трубах фильтры стоят, чтобы задерживать всякую вредную дрянь. Что такое угольная пыль— понятно: перемолол каменный уголь в муку — и готово горючее. А мазут мы с вами во дворе видели. Он из цистерны капал, помните?

— Такие черные тягучие капли? Я думал — это «нафта», то есть нефть, по-вашему.

— А мазут, он как раз и делается из нефти. Добудут из нее бензин, керосин, масла, а из того, что останется, можно еще и мазут получать.

Только ни мазут, ни угольная пыль в топки сами собой не попадут — их туда накачивать нужно. Делает это сжатый воздух. Его струи подхватывают горючее, мчат его в котельные установки, вот и бьют там огненные фонтаны. Ревет пламя, лижет трубы. В нижних течет вода, а в тех, что выше, мчится уже раскаленный пар... Сжатый воздух одновременно и горючее несет и огонь раздувает. Между прочим, так же работает сжатый воздух и в

мартеновских печах, в которых из чугуна сталь варят. Да и чугун без сжатого воздуха из руды не выплавить.

— Чугун? Это я знаю,— кивнул джинн.— А не скажешь ли, где его плавят?

— Знаю, да не скажу,— категорически заявил я.— Далеко это. Домны металлургического комбината от нас... километров за триста. Там в воздуходувках такие вентиляторы работают — с хорошую карусель! По трубам лошадь провести можно. Ведь доменная печь высотой с многоэтажный дом, представляете, сколько ей надо воздуха? Да еще не с улицы, холодного, а горячего. Иначе в домне жара не хватит, чтобы расплавленная руда вскипела и стала металлом.

— Триста километров...— почесал переносицу джинн.— Что ж, для нас с тобой это не расстояние.

— Дудки! — твердо ответил я.— Немедленно домой. Могу я, наконец, загадать вам хоть одно желание? «Спаситель», «повелитель»!.. Другой от вас, может, мопед бы потребовал, а я даже билет на хоккей не прошу. Мне только одно нужно — попасть скорее домой. Ведь попадет же! Неужели вам в детстве не доставалось за такие прогулки?

О, как это было давно! — Старичок зажмурил глаза и покачал головой.— Как сладко и больно вспоминать ужасные неприятности детства. Что ж, твое слово — закон.

Джинн поклонился, взял меня за руку и... тут я простудился в третий раз. От электростанции до дома мы промчались за несколько минут, но к вечеру здорово похолодало, и, очутившись дома, я так трясся, что зубы стучали.

Джинн мой долго ходил по комнате из угла в угол, поглаживая бороду и морща лоб. Наконец, он взглянул на меня и произнес:

— Мой юный друг и спаситель, ты сам не знаешь, сколько ты сделал для меня. Я был безработным, бесприютным, безымянным... Теперь, благодаря тебе, я, кажется, нашел то, чего был лишен. Не буду тебе больше докучать. Не знаю, сумею ли отплатить тебе сполна, но клянусь, что буду вечным твоим слугой. Однако прости — не только твоим, ибо еще в юности я дал клятву служить всем людям. И все-таки мы с тобой не раз встретимся.

Старичок махнул рукой, тяжело вздохнул, опустился на кресло и исчез.

...А когда пришла мама, температура у меня была уже тридцать восемь и три.

Впрочем, через три дня джинн снова появился. Ночью я проснулся от того, что стукнула форточка. Открыл глаза, а рядом

в кресле, где вы сейчас сидите,— старичок мой, зеленоватый от лунного света. Смотрит на меня и улыбается.

— Я почувствовал, говорит, что ты болен, мой юный друг, и потому не мог не посетить тебя вновь.— Он положил руку мне на голову и добавил: — Завтра же ты начнешь выздоравливать.

А вы-то как? — спрашиваю.— Привыкли немножко к нашей современной жизни?

Разве по мне не видно? Присмотрелся я — ба! — от бородищи джинна осталась куцая шкиперская бородка, вместо усов — подбритые грузинские усики, модный плащ нараспашку, в вырезе пиджака белая рубашка, галстук в полоску...

— Во даю, а? — хихикнул джинн.

— Откуда вы теперь? — спрашиваю.— Где устроились?

— О, этого не рассказать... Всюду и везде. Я помогал поднимать затонувшие корабли и заставлял двигаться суда на воздушных подушках, я надувал крыши зданий... Да-да, не удивляйся, бывают крыши, которые держатся благодаря постоянно нагнетаемому в них воздуху. Еще я пробовал взрывать скалы. Знаешь, если воздух так заморозить, что он станет жидким, можно творить настоящие чудеса. Опусти в жидкий воздух цветок, и он уже не осыплется, станет неувядающим, правда, если уронить, разобьется на кусочки, как стекло. Если смочить жидким воздухом кусок хлеба и бросить его, он взорвется. А простая сажа, пропитанная жидким кислородом, становится настоящей взрывчаткой, с ее помощью подрывники и дробили камень.

Ну, а последним моим делом, от которого я оторвался, чтобы прилететь к тебе, была погрузка огромного корабля. Корабль принимал в трюмы зерно. Так вот, друг мой, зерно из хранилищ порта перекачивает по трубам сжатый воздух.

Ах, как хорошо жить! Никогда мне так не работалось. Я даже стал поэтом, по дороге к тебе я на лету вот что сочинил:

Увезет пшеницы сжатой воз
дух, Коли он зовется «Сжатый Воз-дух».

Будь здоров, старик, не забывай, а мне пора. Дел теперь столько, что рвусь на части.

— До свидания,— говорю.— Может, еще встретимся?

Но вместо ответа лишь звякнула форточка: на кресле никого не было.

— Так-то вот,— закончил рассказ Владик и, хитро подмигнув, сказал: — А теперь будем чай пить, ладно?

БИТЫЙ РЫЦАРЬ

Вскоре я позвонил Владику, чтобы узнать, как он себя чувствует, а еще и сообщить, что срочно уезжаю в командировку и до субботы его навестить не сумею. Однако дозвониться мне так и не удалось: телефон был без конца занят.

Когда, вернувшись, я позвонил вновь, выяснилось, что Владик ушел к врачу.

Изрядно устав после нелегкой поездки, я решил дать себе передышку, прогуляться по весенним улицам, а заодно и Владика проведать.

Приятеля моего я увидел сразу как вошел во двор. Владик стоял возле свежевырытой траншеи, вдоль которой были уложены новенькие трубы, и разговаривал со сварщиком — широкоплечим мрачноватым парнем в тяжелой брезентовой робе. Владик явно о чем-то просил, а сварщик, не обращая на него внимания, старательно прикручивал шланги к высоким газовым баллонам. Владик не отставал. Сварщик открыл краны, закурил и, смерив взглядом Владика, поднес сигарету к отверстию блестящей горелки. Тотчас из наконечника с шипением вырвалась струя синего пламени.

Владик безнадежно махнул рукой, повернулся и пошел было прочь, но тут сварщик окликнул его и указал на что-то лежавшее возле баллонов. Это «что-то» оказалось рукавицами и большой маской-щитком с темным стеклянным окошком. Натянув рукавицы, приладив щиток, Владик взял в одну руку горелку, в другую — стальной прут и присел возле труб.

Я подошел поближе. Трубы были уложены так, что их концы плотно прилегали друг к другу. Владик отрегулировал краниками язычок пламени и принялся за работу. Из-за рези в глазах мне пришлось зажмуриться и отвернуться. Через несколько минут негромкий щелчок возвестил, что работа закончена. На месте сварки металл красновато светился. Придирчиво осмотрев шов, сварщик хлопнул себя по промасленным штанам и выплюнул сигарету.

Надо же! Коряво, но сойдет. Слышишь, шел бы ты к нам — народ во как нужен! — Он провел рукой по горлу.— Курсы кончишь, я помогу...

— Учусь я,— улыбнулся Владик.

— Учиться будешь в вечерней школе. Я сам кончаю десятый.

Но тут Владик заметил меня и, крикнув сварщику: «Счастливо поработать!» — кинулся навстречу.

— Ну, ты хорош! — встретил я Владика.

— А что? Я ведь выздоровел,— не понял он.— Я к врачу ходил за справкой для школы.

— Не о том речь. Оказывается, ты без пяти минут сварщик, а я ничего об этом не знаю.

— «Сварщик»... скажете тоже! Просто рабочие мне разрешали попробовать на ненужных железяках, вот я кое-что и ухватил. И резать, и варить пытался. И на станках тоже немножко могу. На токарном, например. Я ведь вам рассказывал, что отец меня всюду с собой берет. Где только мы не побывали: видел я и доменные печи, и прокатные станы, видел, как тракторы строят и автоматические станки... На кораблестроительном был, на цементном, на химическом комбинате, на стройках... Да всего и не сосчитать. Отец считает, что человек в наше время должен разбираться в любом деле, и чем больше ему удастся попробовать своими руками, тем лучше.

— Что ж, все правильно. Теперь для меня прояснилось кое-что в твоих историях. Значит, с тобой бывали и всамделишные занятные случаи, без всяких волшебников и чудес?

— Еще сколько! — хмыкнул Владик.— Мне вообще с детства везет. Если во дворе одна-единственная лужа, так все ребята в песочек играют, а я обязательно мокрый. Заберутся ребята на грузовик, посидят там и слезут, а меня шофер нечаянно на другой конец города увозит; если есть на даче одна бодучая корова, так она непременно меня выбирает. Всю жизнь так. Вот недавно в такую историю влипли — кошмар!

— Влипли? Значит, ты был не один?

— Не один. Но я-то был абсолютно ни при чем, вот что обидно.

— И серьезно влипли?

— Да уж крепче некуда. Понимаете, все вышло из-за химии...

— Постой, брат,— сказал я.— Присядем-ка на солнышке и разберемся не торопясь.

Я достал новенький блокнот (уже третий или четвертый) и кивнул Владику: продолжай. Он начал рассказ, я стал было записывать, но спохватился и вывел над первой строчкой:

«ВЛИПЛИ»

...В том, что химия — великая сила, я убедился на собственном опыте. Получилось это из-за Левки Кошелева и рыцаря. Находится этот зловредный крестоносец в Доме пионеров, в старинном особняке, стоит себе как ни в чем не бывало на витой чугунной лестнице, как раз над поворотом перил. А поворачивает лестница на втором этаже, там, где библиотека, наш химический кабинет и дирекция.

Рыцарь здоровенный, бронзовый, в шлеме и латах, как

положено. В одной руке держит щит, а в другой — инвентарный номерок и гроздь лампочек в виде факела.

А о Левке разговор особый. Помяните мое слово — этот вредный тип когда-нибудь станет большим человеком. Учится еще в четвертом классе, а упрям, как носорог. Представляете, является к нам в кружок на занятия и требует:

— Запишите!

Мы ему по-хорошему:

— Катись-ка ты, молекула, в «умелые руки», к юннатам или там лепить что-нибудь из пластилина. А до химии — нос не дорос!

Кое-как выпроводили. А на другой день Левка снова тут как тут. Староста Юра Фитиль ему опять по-хорошему:

— Ты,— говорит,— пшено! Вот начнете в школе химию проходить, тогда — пожалуйста, а пока все равно ничего не поймешь. Так что давай отсюда, пока из тебя суспензию не сделали.

Левка заартачился:

— Я,— говорит,— в химии, может, побольше вашего разбираюсь. У меня сосед ученый. Настоящий доктор химии. Он уже мне все-все объяснил. И про кислоты, и про щелочи...

Еле-еле мы выставили его. Только Левка все равно забрался на дерево и подглядывал в окно за тем, как мы опыты ставили.

Приходил он еще раза два, но после того, как дежурный сделал ему психологическое внушение с применением колена, исчез.

И хоть Левку мы больше не видели, но его присутствие все время чувствовалось: то на столе новое пятно появится, то исчезнет пробирка с реактивом, то приготовленный опыт окажется на полу...

Долго мы караулили Левку, но он такой хитрый — ужас! — пробирался в кабинет только тогда, когда там никого не было.

Однажды пришли мы пораньше, кое-что приготовить к занятиям. Открываем кабинет, а там! — кошмар, вонь, дым и ни зги не видно. Тут в дыму Левка на нас и вылетел.

— Ага! — говорим.— Ты что наделал?

— Ничего,— отвечает.— Опыт химический. Получилась реакция с выделением тепловой энергии.

От такого нахальства мы чуть совсем не задохнулись. Выскочили на площадку, а Левку кто-то успел за куртку схватить.

— Вот теперь-то,— говорим,— мы уж тебе выделим энергию!

Поднес Юра Фитиль к Левкиному носу кулак и спрашивает:

— А известно ли тебе, химик; что такое плюмбум?

Левка завертелся ужом, рванулся, кто-то кинулся наперерез,

и в эту самую критическую минуту «пес-рыцарь» зашатался и с пушечным грохотом закувыркался по мраморной лестнице.

Будь на его месте другая статуя, она бы никогда не разбилась на столько кусков. Но что хорошего ждать от мрачного средневековья?

Мы смотрели на бренные останки и думали о том, что хорошо было Александру Невскому: бей себе рыцарей на Чудском озере сколько влезет — и ни тебе директора, ни завхоза.

Левка хотел было удрать, но, видя, что нам теперь не до него, остался.

— Надо срочно клеить,— наконец произнес староста.— Может, казеином попробовать? За ночь высохнет, а, когда развалится, мы будем уже ни при чем.

— Казеин не возьмет,— сказал кто-то.— Лучше «Универсальный».

— «Универсальный» слаб. Тут надо клей «БФ».

— А какой? «Бээфы» бывают разные.

Заспорили мы, зашумели, а Левка и говорит:

— Натворили дел, голубчики! Художественное произведение кокнули, историческую редкость — вдребезги, а знаете, сколько статуя стоит?! Ладно, теперь слушайте. Если запишете меня в кружок, завтра к вечеру рыцарь будет как новенький. У меня сосед химик, как раз по клеям специалист. Он все что хочешь сделает — не то что рыцаря, автомобиль склеит.

— Ну, это ты того...— говорим,— загнул насчет автомобиля, но если сосед и правда склеит рыцаря, обещаем все в полном составе просить за тебя Борника («Борник» — это Борис Николаевич, руководитель кружка).

— Тогда собирайте куски и пошли. А насчет автомобиля я не вру. Сосед все что хочешь склеит.

Быстро убрав следы преступления, мы отнесли металлолом к Левке домой и разошлись. Настроение у всех было самое скверное. Мне этот рыцарь даже ночью снился. Сидел он за столом директора, щелкал костяшками на счетах и записывал что-то на своем щите. При этом голова его была сама по себе — стояла вместо письменного прибора. Глянул я на щит, а там единица и целый выводок нулей. За нулями, как собачонка за цыплятами, увязалось слово «рублей». Встал рыцарь, взмахнул мечом, а голова его со стола как заорет: «Ну, Чудобыльский, теперь ты за все ответишь! В кандалы его! В темницу! И пусть сидит, пока родители не принесут выкуп».

Не помню, как я досидел до последнего урока. Вечера я, разумеется, не дождался и прямо из школы побежал к Левке выяснять нашу дальнейшую судьбу. Позвонил к нему в дверь —

тихо. Позвонил еще, и тут из соседней квартиры вопль: «Давай сюда! Дверь открыта. Только в комнату входить воспрещается!» Что за штучки? Вхожу в прихожую, открываю дверь, за которой Левка вопил,— ну и картина! — посреди комнаты зеленоватая лужа, в ней склянки, куски рыцаря и... сам Левка.

— Ты что,— говорю,— сидишь, как маленький? Немедленно вставай и отвечай: почему не сдержал обещание?

— Потому не сдержал,— отвечает,— что встать не могу.

— Ах так? Шутки шутить вздумал? Ну так я тебя сам подниму.

— Не... не поднимешь. Меня, брат, теперь и подъемным краном не возьмешь. Да и тебя тоже.

Не выдержал я, хотел шагнуть к этому типу, но... не тут-то было, мои ноги словно вросли в землю.

— Ну теперь и ты влип! — злорадно заявляет Левка.— Тебе остается одно — выпрыгнуть из ботинок на сухое место. Это ведь новейший клей. Из семейства эпоксидных смол. Им скоро дома будут склеивать. Возьмут стену, помажут — и к железным балкам шлеп! Быстро и дешево. А в этой луже, между прочим, не один клей, а целая дюжина собралась, и все разные. Совершенно неизвестная науке смесь. Между прочим, мое изобретение! Правда, я хотел взять с полки всего один пузырек, но они все вдруг как посыпались!.. Это, в общем, хорошо, что ты пришел, а то скучно! Я уже давно так сижу.

Левка говорил, а я тем временем лихорадочно пытался отодрать ботинки от пола. Гиблое дело! Оставалось одно — по Левкиному совету попробовать выпрыгнуть из ботинок. Не знаю, что вышло бы у вас, но я с первой же попытки сел. И сел накрепко.

— А ведь я предупреждал,— рассудительно заметил Левка.— Говорили тебе: входить воспрещается!

— Что же... теперь? — робко спросил я.

— Попытайся выскочить из брюк,— посоветовал Левка. Я представил себе, сколько мне бежать до дома, подумал о

том, что, возможно, к брюкам уже приклеились трусики, и решил, что пытаться не стоит. Положение было отчаянным.

— Могучая штука! — вдруг заявил Левка.— Как держит, а? Может быть, я и правда совершил открытие? Как ты думаешь, смогут химики разобрать, какую смесь я сотворил, когда свалилась полка?

Нет, Левка определенно будет большим человеком: в такую минуту он думал о химии!

— Ты чего молчишь? Давай разговаривать, а то скучно.

— Погоди! А что, если опрокинуть со стола графин? Может,

он разведет эту смолу?

— Куда там! — махнул рукой Левка.— Эпоксидной смолой покрывают винты кораблей, чтобы их не разъедала морская вода. Смола эта ничего не боится. Она металлы склеивает так, что ни водой, ни бензином не возьмешь. Представляешь, ломается в поле трактор, нужно тащить его на ремонт за десятки километров. Но вместо этого тракторист берет бутылочку смолы, добавляет в нее из другой бутылочки специальный отвердитель, склеивает деталь, ставит на место и — полный вперед! Сила! Думаешь, вру? Честное слово!

А еще я точно знаю: теперь на заводах многие части машин не склепывают, не сваривают, а склеивают. Карбинольным клеем, например. Он так металлические детали схватывает — никакими силами не оторвешь. Им даже треснувшие шестерни в машинах склеивают. Или взять металл и стекло. Раньше надежно соединять их не умели, а теперь карбинольным клеем — пожалуйста. На века склеивает.

От Левкиных слов мое настроение не улучшилось.

Неожиданно для себя я тихонько проскулил:

— Помогите!

— Безнадежно,— задумчиво произнес Левка.— Только что хлопнула дверь — это ушла соседка, так что мы одни.

А со двора доносились чьи-то голоса, смех, где-то стучал мяч. По потолку ползла муха, она была совершенно свободна и могла лететь куда захочет. Но муха не улетала. Ей, по-видимому, нравилось смотреть на нас. Она, наверно, вспоминала свою липкую мушиную бумагу и злорадно потирала лапки. Время остановилось, казалось, оно тоже приклеилось. С трудом дотянувшись до тумбочки, я достал какую-то химическую книгу и стал ее листать, в надежде отыскать в ней рецепт, чтобы отклеиться.

Глядя на меня, Левка тоже взял книгу (ему было проще, он влип у самого стола). Рецептов по отклеиванию в книгах не оказалось, зато я узнал, что здания и вправду можно склеивать из готовых бетонных деталей, что сейчас, например, крыши часто клеют. И фасады облицовывают тоже с помощью клея. Намешают в клей, скажем, каменноугольную крошку и обрызгают этой смесью стену. Крошка блестит, переливается, и никакая погода ей не страшна — полвека простоит без ремонта. Оказалось, что мраморные плиты на стенах и колоннах московского метро держатся тоже на клее — на карбинольном.

Перелистал я еще несколько страниц, вижу на картинке знакомый московский мост. По мосту машины едут, люди идут. А под картинкой написано, что мост этот целиком склеен. Склеен

синтетическими смолами из отдельных бетонных частей. То есть частей этих уже нет — все стало одним целым. Теперь таких мостов уже много. Окликнул я Левку и говорю: — Знаешь, теперь огромные мосты запросто склеивают, как бумажный змей или елочные игрушки. — Это что! — отозвался Левка.— Я вот прочел, что хирурги внутри организма разрезанные органы научились склеивать. Правда, клей быстро рассасывается, но за это время разрез уже сам успевает зарасти.

— Эх, наш бы клей рассосался,— вздохнул я.— А ты слыхал про бетон без цемента?

— Без цемента не бывает,— не согласился Левка.— Цемент обязательно смешивают со щебнем или песком, и разводят водой — вот и получается бетон.

— И вовсе не обязательно. Можно и без цемента,— торжествующе объявил я и показал книгу.— Тут написано, что есть такие синтетические смолы, намешаешь в них песка или щебня, и получится пластобетон. Он еще надежнее и служит дольше. Пластобетоном плотины покрывают, дороги. Тогда им ни сырость, ни морозы — ничего не страшно: вечные!

— А знаешь, как корабль можно построить? — спрашивает Левка.— Не большой, а, скажем, яхту? Очень просто! Сделал из фанеры модель — форму, взял эпоксидную смолу, стеклянную ткань — и клей ее на форму, как обои на стену. Обклеил фанеру тканью, на нее еще слой, еще. Пять слоев, когда засохнут, такую прочность дают, хоть вдесятером пляши — не сломаешь. Между прочим, так кое-где делают кузовы легковых автомобилей. И не ржавеют, и красить не надо.

— Неплохо,— говорю.— Но ты подумай, какая прочность у клея! Резец на токарном станке режет твердейшую сталь. Режет с помощью маленькой керамической пластинки (она тут получше металла работает). А пластинка эта приклеена. Надо же! — сталь режет, а все равно не отлетает. Или вот алмазные круги. Эти вообще все что хочешь мигом в пыль сотрут. А алмазный порошок к этим кругам тоже приклеен.

— А шубу на клею хочешь? — спрашивает Левка.

— Нет,— говорю.— У меня уже и так штаны на нем.

— Ну и зря. Между прочим, меховой воротник на твоей куртке — клееный. Чтобы сделать искусственный мех, обязательно клей нужен. Ведь каждый волосок, он не сам по себе на материи держится, а потому что приклеен.

Не знаю, сколько бы мы так сидели, но в соседней квартире зазвенел будильник. И тут меня осенило: телефон! Ведь Левка наверняка знает, где работает его сосед.

Потянув за шнур, мы свалили аппарат, потом через

«справочную» узнали нужный номер и...

Я не буду рассказывать о том, как мы объясняли сотрудникам химического института свое бедственное положение. Сначала нас не понимали, потом в трубке что-то долго пищало, выло и ухало. Только минут через пять, когда на другом конце провода все отхохотались, позвали Левкиного соседа. Сосед примчался на такси с бутылью какого-то растворителя и стал поливать им Левку, меня и пол. А пока мы отклеивались, рассказывал всякие истории про современные клеи и про их огромное будущее.

Но будущее клея мне в голову уже не лезло: я думал про свое собственное.

Через несколько минут мы поднялись и принялись растирать онемевшие ноги. Штаны были безнадежно испорчены. Одно хорошо — рыцаря сосед склеил. Сказал, что если мы будем бить еще раз, то разобьется он уже в других местах, а склейки останутся. Но проверяет это пусть кто-нибудь другой. С меня хватит.

Нет, что ни говорите, а химия — это великая сила.

КАК ИГРУШКИ ПОШЛИ УЧИТЬСЯ

В небе шла генеральная весенняя уборка. Майское солнце, засучив рукава, слило за горизонт облачную пену, подсинило небо, до краев наполнило дворы теплой тишиной и принялось размешивать золотую краску для луж и окон. От этого во все стороны полетели такие ослепительные брызги, что Владик зажмурился и чихнул. Ворона, присевшая было на телевизионную антенну погреться, крякнула от неожиданности и свалилась.

— Спасибо,— пробормотал ей вслед Владик.

— Кому спасибо?

— Вороне. Она же мне сказала «будь здоров».

Мы лежали на надувных матрацах в «личном кабинете» Владика и, раздевшись по пояс, загорали. «Личный кабинет» находился довольно высоко — на крыше, точнее, даже над крышей, на огороженной кирпичной площадке. Когда-то, во время войны, тут стоял счетверенный зенитный пулемет, полосовавший в часы налетов черное небо струями разноцветного огня. Как мы, ребятишки, мечтали подняться на эту площадку, но вход тогда был категорически воспрещен.

Я дотянулся до пиджака и достал темные очки.

— Послушай, я давно хотел спросить... С чего у тебя это началось, когда?

— Что началось? — не понял Владик.

— Ну, все это... Твои необыкновенные истории с чудесами. Ведь не тогда же, когда ты лепил куличики из песка и таскал грузовик на веревочке.

— Может, кое-что было и тогда,— Владик наморщил лоб и почесал переносицу.— Не помню... Какие-то обрывки мелькают: здоровался с козами, коровами, собаками, а они мне всегда отвечали; со своими пальцами разговаривал, когда спать ложился, у каждого пальца было свое имя: этот вот — Каля-Маля, а этот, четвертый, Леночка... Нет, это все не то.

— Хорошо, а потом, позже?

— Позже? Гм... Дайте подумать. Когда я собирался в школу, после лета, кажется, в третий класс, то стал прощаться с игрушками. Да, наверно, с этого все и началось. Я тогда решил поиграть с ними в последний раз: почему-то мне казалось, что завтра я сразу стану совсем большим — как-никак третьеклассник. А третьеклассникам играть во всякую ерунду не годится. И вдруг я почувствовал, что эта последняя игра стала не

«как будто»...

— Нет, не могу я так рассказывать — ничего не получается.— Владик стиснул ладони под подбородком и виновато улыбнулся. — Можно, я начну с «жили-были»?

— С «жили-были»? Погоди, я достану блокнот и ручку. Значит, «жили-были»... Кто?

— Подождите писать, понимаете, я ж тогда был маленький, с тех пор одно забылось, другое присочинилось. Когда я теперь что-нибудь вспоминаю, у меня всегда почему-то немножко присочиняется. Я не нарочно — просто я так все ясно вижу, как будто на самом деле... Потом, когда еще раз вспомнишь, опять выходит по-новому. А стоит рассказать вслух, тогда и вовсе... Как бы вам объяснить... вот я вырос, и все во мне выросло, ну и эта история, конечно, тоже. Она уже совсем не такая.

— Значит, ты ее уже рассказывал?

— А как же! И во дворе, и в школе. Мелкоте. Они слушать умеют. Вообще-то у меня все приятели — помладше. Но все равно говорить им все «я» да «я» — неохота. Вот я и начинал с «жили-были» или там «в некотором царстве, в некотором государстве». Вроде как сказка.

— Прекрасно! Я уже записал: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был обыкновенный мальчик по имени Владик, по прозванию...»

— Никакого царства, никакого прозвания! И вообще, это еще не сказка. Просто жил-был Владик, и пришло ему' время собираться в школу. Все так и было на самом деле. А чудеса впереди.

...Владик рассказывал, а я писал. Впрочем, это было не так уж просто и гладко. Мы то и дело спорили. Я говорил: «Это уж слишком! Это надо изменить», а Владик настаивал на своем и соглашался, лишь когда дело касалось технических подробностей.

Наконец я заметил, что блокнот на моих коленях трясется, вместо букв получаются каракули, а Владик почему-то стал ежиться и заикаться. Оказалось, на солнце наехало здоровенное облако и сразу же прилетел противный зябкий ветерок. «Кабинет» Владика стал неуютным, да и времени на часах набежало многовато. Впрочем, главное было уже сделано. Не хватало только названия.

— А что если так,— предложил Владик, когда мы уже стояли на лестнице.

— Почему бы и нет? По-моему, вполне подходит,— сказал я и записал: «Как игрушки пошли учиться».

Жил-поживал Владик, и пришло ему время опять собираться

в школу, в третий класс. К вечеру достал он из твердого пахучего портфеля гладкие тетрадки, новенькие учебники, ручку, ластик, карандаши, осмотрел свое хозяйство, проверил, не забыл ли чего, и засунул все обратно. Больше делать было нечего. Владик подошел к окну, послушал, как свистит и бегает по крышам темный осенний ветер, потом посмотрел на игрушечные часы-ходики, на которых кошка с каждым движением маятника косила хитрыми глазами то на дверь, то на окно, и, поскольку времени между ужином и подушкой было еще достаточно, полез под кровать, выволок ящик с игрушками и опрокинул его. На полу очутился толстый, синеглазый пластмассовый Ванька-встанька — неваляшка со звоном внутри, деревянный бычок, который умел самостоятельно ходить по дощечке, если ее наклонить,— тот самый бычок, о котором детская песенка сложена: «Идет бычок качается, вздыхает на ходу, вот-вот доска кончается, сейчас я упаду»; оловянный солдатик (не тот — стойкий, из сказки Андерсена, но тоже очень стойкий). Еще в пестрой куче оказался водяной пистолет, брызгаться из которого разрешалось только летом и на улице; деревянные кузнецы, звонко тюкавшие молоточками по деревянной же наковальне, если их дергать за ниточки туда-сюда; юла (она же волчок), пузатое прожигательное (оно же увеличительное) стеклышко и еще много всякой всячины: мячик, бумажная звездочка-вертушка, которая, если побежать, вертелась на палочке как сумасшедшая, заводной грузовичок без колес и пружины; я забыл сказать еще о воздушном шарике. Впрочем, он находился вовсе не в ящике, а висел себе под потолком, поскольку только утром был куплен бабушкой.

Разложив свое богатство, Владик собрался поиграть как следует. В последний раз. В последний — потому, что решил с завтрашнего дня считать себя совершенно взрослым и очень серьезным человеком.

Вы думаете, это уже сказка? Ничуть не бывало — сказка впереди.

Сначала Владик решил играть в путешествие на Марс. Главным космонавтом он назначил Ваньку-встаньку-неваляшку. Однако из путешествия ничего не вышло, поскольку «космонавт» только раскачивался, звенел и ни за что не хотел считаться с невесомостью.

А между тем кошка с игрушечных ходиков, словно предчувствуя что-то, настороженно косила глазами в разные стороны, посматривала то туда, то сюда — тик-так, тик-так...

Потом Владик решил строить в тайге электростанцию. Но пистолет, стеклышко и воздушный шарик оказались сущими бездельниками, солдатик стоял в стороне, всем своим видом

показывая, что предназначен лишь для караульной службы; юла вертелась по всей стройке и только мешала, а бычок, тот вообще слез с плотины, свалился в водохранилище и чуть не утонул.

Одни кузнецы старательно тюкали по своей наковальне, но какой прок от их деревянных молоточков!

А кошка на игрушечных ходиках (я уже говорил вам о ней) беспокойно стреляла глазами по сторонам, будто силясь разглядеть что-то еще невидимое. Тик-так, тик-так — все громче, быстрее и беспокойнее выговаривала она.

Но и это еще не сказка — сказка будет впереди. И она уже совсем рядом, потому что, заметьте, от игры до сказки — близко-близехонько, совсем чуть-чуть.

Наконец, когда с электростанцией, а затем с идеей просверлить Землю насквозь ничего не вышло, и даже великолепный план — поднимать с помощью воздушного шарика затонувшие пиратские корабли — и тот провалился, Владик не выдержал.

— До чего ж все вы глупые, скучные и необразованные! — сердито воскликнул он.— С вами разве что в детском саду возиться, а я... Я уже вырос из вашего возраста. Прежде чем со мною играть, вам надо в школе поучиться, понятно?

«Гм... в школе...— повторил про себя Владик.— А что, если взаправду устроить школу?»

В этот самый миг раздался какой-то странный звон и хриплое мяуканье.

Владик, разумеется, услышал, как пробили часы за стеной, как кто-то мяукнул в той стороне, где висели ходики, но не обратил на это ни малейшего внимания. И напрасно! Потому что как раз в этот самый момент и наступило сказочное время. Но... Владик был занят школой.

На этот раз все получалось отлично. «Др-р-р-р-рринь!» — Владик изобразил школьный звонок, и комната тотчас превратилась в класс, за партами сидели игрушки, а сам Владик, разумеется, оказался учителем.

— Тихо! — постучал по столу учитель.— Я кому говорю?! Шариков! Немедленно спустись с потолка и сядь на место. Ваня Неваляшкин, не качайся туда-сюда, сиди спокойно! Братья Кузнецовы! Стыдно, бороды отрастили, а стучите, как маленькие. Юля Волчкова, ты что, звонка не слышала? Сейчас же перестань вертеться! Посмотри на Солдатикова... Солдатиков, можешь садиться. Итак, дети... Тьфу!.. Итак, игрушки, продолжаем урок.

Если бы Владик на минуту задумался: почему, находясь в своей комнате, он тем не менее прекрасно видит парты, школьную доску, карту на стене; если б он задал себе вопрос:

отчего это вдруг игрушки зашумели, заговорили, как настоящие школьники,— возможно, все дальнейшее пошло бы совсем по другому пути, но Владик не задумывался и не задавал себе вопросов. Он — играл.

Интересная штука: когда люди играют, они никогда не задумываются, почему у них все так здорово получается, а когда задумываются — уже не играют...

Пробежав глазами воображаемый классный журнал, Владик поднял голову.

— Бычков, к доске! Сколько будет трижды пять?

— Му-у...— замялся Бычков.

— Что-что?

— Не пойму-у-у...— потупился рогатый ученик.

— Садись, двойка! Как не стыдно!.. Солдатиков!

— Здесь!

— Что тяжелее: пуд свинца или пуд ваты?

— Разрешите доложить! Так что, пуд ваты легче!

— Эх, голова!

— Ррады стараться!

— Голова оловянная! Пуд — он всегда пуд, а чего именно — это все равно. Садись.

— Есть, садиться!

— Шариков! Отчего бывает ветер?

— С-с-с... От того, что деревья качаются...

— Ну и ну! Двойка! Нет, кол! Ой-ей-ей! Ну что мне с вами делать? До чего же вы все неграмотные!.. Нет, всё — больше я с вами не играю. Завтра же выкину на помойку. Надоели. Скучное, бесполезное старье. Все — вон! Пошли прочь!!!

В тот же миг раздался стеклянный звон, и в классе полыхнуло синее пламя. Владик зажмурился. «Замыкание! — пронеслось в голове.— И что-то разбилось!»

Когда он открыл глаза, школа уже исчезла, в комнате все было как будто по-прежнему: так же валялись на полу игрушки, так же светила люстра, так же тикали часы над кроватью. И все-таки что-то изменилось. Владик не мог понять, что именно, но явственно чувствовал — изменилось.

— Пр-р-рочь! — раздался чей-то пронзительный голос. Владик оглянулся. Фарфоровый вороненок, стоявший на столе и служивший отцу пепельницей, разинув рот и растопырив не существовавшие прежде крылышки, с ужасом смотрел на него.

— Ма-ма! — повелительно пискнул кто-то в углу.

— Слушаюсь! — встрепенулся вороненок.

Он сипло каркнул, быстро-быстро замахал короткими крылышками, вспорхнул, покружился вокруг люстры, подлетел к

ходикам и клювом остановил маятник. Кошка сказала «тик» и умолкла. Вороненок уселся на шкафу, склонил голову набок и крикнул Владику:

— Кар-р! Что ты наделал, несчастный! Замр-ри и тр-репе-щи! Нет, лучше просто замр-ри... Нет, тр-ррепещи! Вот так. Потому что сейчас к тебе явится Великая фея и королева игрушек! Пр-рошу вас, ваше величество.

В тот же миг перепуганный Владик увидел...— это было совершенно невероятно! — кукла, старая важная кукла Маня, принадлежавшая некогда старшей сестре Владика,— кукла, с которой он сам никогда и не играл, вылезла из-за тахты, оправила кудряшки и стала расти. Вот она достала головой до телевизора, вот уже сделалась ростом с Владика, выше, выше... Вырастая, кукла на глазах старела.

Когда Маня вытянулась почти до потолка, она была уже совсем седая, по круглым щекам побежали морщинки, нос заострился...

— Ма-ма,— по привычке сказала великанша и отправилась к зеркалу. Достав из ридикюля маленькую бриллиантовую корону, она приладила ее к прическе, посмотрелась, одернула смешное, коротенькое платьице, которое тут же превратилось в пурпурную королевскую мантию, и снова посмотрелась.

— Ма-ма... Тьфу, проклятая привычка!.. Эй, Владик, как я выгляжу?

— Н-ничего...— выдавил из себя потрясенный Владик.— Только когда вы были просто куклой, по-моему, вы выглядели гораздо лучше.

— Ах, вот как? Ну ты мне заплатишь и за эту дерзость.

— И за эту? А за что еще?

— То есть как?! Ты жестоко оскорбил моих подданных. Ты назвал их «скучным, бесполезным старьем»! Ты, кажется, хотел даже выкинуть их на помойку.

— Ну и что? Мне эти игрушки ни к чему. Хлам. Я из них вырос. Папа говорит, что мне теперь нужен электрический вездеход с моторчиком от батарейки. И еще такой набор, из которого самолетики можно строить.

— Значит, старые игрушки — хлам? Значит, на помойку их! — Фея Маня топнула каблучком.— Неблагодарный! Вот как ты платишь друзьям за то добро, которое они тебе принесли?!

— Тоже мне добро,— пожал плечами Владик.— Подумаешь!

— Они тебя многому научили,— тряхнула головой фея, и от ее короны брызнули ослепительные искорки.— Они еще большему могли бы научить, если б...

— Скажете тоже! Чтобы я учился у игрушек? Да уж лучше я...

— Довольно! — повелительным жестом остановила его фея. — Меня просто трясет от гнева. Ну вот что: ты видел, как я остановила время?

— Вороненок остановил ходики,— уточнил Владик.

— О нет, это я остановила время. Заметь, твое время. Я решила отдать его игрушкам. Пусть растут, набираются разума, а ты... Ты так и останешься маленьким. Но этого мало. Ты сказал игрушкам: «Все — вон! Пошли прочь!» — не так ли? Очень мило. Так вот, прочь пойдут не они, а ты сам!

— А... куда?

Владик никак не мог понять, что, собственно, происходит. Если все ему только кажется, как в игре, то почему так долго? Если же это сон, то почему он такой ясный? «Ох, скорее бы все кончилось!» — подумал он.

— В самом деле, куда? — почесав тонким пальцем переносицу, повторила фея.— Об этом я не подумала. А что, если... Ну, хотя бы на необитаемый остров? Мне кажется, необитаемый остров вполне подойдет.

— Ну да,— встрепенулся Владик.— Как же, теперь необитаемых островов нет, все обитаемые.

— Ничего.— Фея задумчиво посмотрела на потолок.— Для тебя я что-нибудь подыщу.

— Но имейте в виду,— заволновался Владик,— мне завтра в школу!

— Завтра? Хи-хи... Для тебя не будет «завтра». А в школу... Гм... В школу пойдут твои игрушки. Да-да! Кстати, это ты ведь сам придумал. Превосходная идея.

— Тетенька, вы что? Вы не очень! — завопил всерьез перепуганный Владик.— Я в вас все равно не верю. Вы мне только кажетесь. И перестаньте меня пугать, а то я маму позову!

— И верно, Владик, хватит пугать, пора и за дело. Потерпи минутку... Какое же нужно в этом случае заклинание? Вот склероз — все перезабыла. Давно не практиковалась. Ах, да! — Фея наморщила лоб, подняла указательный палец с изумрудным перстеньком и многозначительно, нараспев произнесла:

Фони-Фони квинтер рес.
Тот, кто вышел, тот исчез!

В тот же миг оглушительно грянул гром, со звоном вылетели оконные стекла. Ворвавшийся с бандитским свистом ветер подхватил с папиного стола какие-то листочки и закружил их вокруг люстры.

Эни-бени явь и сон.
Ну-ка, Владик, выйди вон!

пронзительно закричала фея.

В тот же миг Владик почувствовал, что стремительно, кубарем летит куда-то в темноту.

— Мамочка! — в отчаянье завопил он и тотчас охнул, крепко ударившись о землю.

Когда Владик открыл зажмуренные от страха глаза, его взору открылась... безбрежная гладь океана. По нему катились зеленые с белопенными гребнями волны. Владик находился на вершине одинокого, похожего на горбушку каменистого холма, рядом росло несколько чахлых пальм, по счастью кокосовых, чуть пониже из-под скалы выбивался родничок. Еще на острове было... Нет, больше, по сути дела, ничего там не было.

«Конечно, эти чудеса сейчас кончатся,— успокоил себя Владик.— Вот-вот что-нибудь произойдет: зазвонит телефон, хлопнет дверь, звякнет мама кастрюлькой на кухне или просто внутри у него что-то дрогнет,— все в мире сразу перевернется и станет на свое место. Однако исчезнувший телефон упорно молчал, не хлопали пропавшие двери, и внутри почему-то ничто не вздрагивало, только противно щемило.

...С этой минуты у Владика началась новая, томительно-унылая, однообразная жизнь. Он купался, ел кокосовые орехи, спал, снова купался, снова ел... А когда не ел, не купался и не спал, ему было ужасно скучно. Владик вспоминал о доме, вздыхал, вспоминал о своих игрушках и снова вздыхал. Теперь игрушки казались ему очень даже нужными и интересными.

Владик понимал, что попал в сказку, так сказать «влип». Влип в чудеса. «Но почему эти чудеса такие... вредные? — размышлял он.— Отчего сказка так долго не кончается?»

Как-то Владику пришло в голову писать «спасательные записки». Он не раз слыхал, что моряки, попавшие в беду пираты и все, кому приходилось «робинзонить» на необитаемых островах, писали письма, засовывали их в бутылки, затыкали и отправляли эту «почту» прямехонько в набежавшую волну. Бутылки обязательно кто-нибудь вылавливал и немедленно снаряжал спасательную экспедицию.

Как ни странно, на пляже, окружавшем остров, не было ни одной бутылки. Но Владик нашел выход: вместо бутылок он решил использовать сухие кокосовые орехи. Бумаги на острове тоже не нашлось ни клочка, однако Владик и тут не растерялся: он выцарапывал слова о своей беде на кусках пальмовых листьев.

Каждый день летели в море пальмовые письма в кокосовых конвертах и, покачиваясь на волнах, исчезали в океанской синеве.

Вскоре Владик так натренировался, что начал писать в рифму:

Как на острове Буяне,
Среди моря в океане,
Заблужденья вследствие
Потерпел я бедствие.
Помогите мне в беде!!!
Остров мой не знаю где.
С виду — как горбушка,
Пальмы на макушке...
Никаких других примет
Нет.
Люди, сжальтесь надо мной!
Умоляю, поспешите!
Приплывите, разыщите,
Мне так хочется домой — ой!
Если можно, телеграммой
Сообщите папе с мамой,
Что их Владик жив, что он
Робинзонский шлет поклон.

Разумеется, внизу Владик выцарапывал еще и свой старый домашний почтовый адрес.

Кувыркаясь в волнах, очередной почтовый орех уплывал, и снова тянулись унылые часы. На острове ничегошеньки не происходило, ничего не случалось: один день был похож на другой, как две капли воды. Собственно, никакого «другого» дня и не было — просто повторялся один и тот же, ведь время для Владика остановилось.

Зато для его игрушек время летело птицей. Удивительно быстро игрушки выросли, закончили школу, стали взрослыми и, как полагается взрослым, взялись за работу. Они построили себе чудесный город с дворцами и фонтанами. Построили, разумеется, из... кубиков, но не забудьте, что кубики тоже выросли, набрались технической премудрости и стали вполне взрослыми бетонными балками, панелями, блоками и даже целыми комнатами. Возьмет подъемный кран такой кубик — комнату с полом, окнами, дверью, даже с балконом, поднимет и поставит рядом с другими. Выстроятся несколько кубиков-комнат в ряд, и готов этаж. Этаж на этаж — глядь, и к новому дому уже машины с мебелью подъезжают.

Дома в городе росли совсем как в сказке, не по дням, а но часам, однако ничего сказочного тут не было, просто строители отлично освоили современную технику.

В игрушечном городе все было точь-в-точь как в настоящем, так же, как в любом другом городе, по улицам сновали машины, правда, узнать в них бывшие игрушечные заводные автомобильчики было теперь совершенно невозможно. Став взрослыми, машины освоили десятки профессий. Только одной машины не было видно на улицах — обычного бензовоза. Дело в том, что все автомобили были электрическими, их моторам бензин был не нужен. От этого воздух в городе был удивительно чистым и пахнул цветами и земляникой, которая во множестве росла прямо на газонах.

Надо сказать, что в этом городе все бывшие игрушки Владика нашли свое призвание и стали отличными специалистами. Даже простое увеличительное стеклышко. Да-да, теперь крупный ученый Стеклышкин возглавлял завод, выпускающий телескопы, микроскопы и фильмоскопы для детей.

Правда, если вы помните, стеклышко Владика было по совместительству еще и «прожигательным» и поэтому мечтало в детстве еще об одной профессии, но об этом позже.

Самым главным, самым старшим в городе был Ванька-встанька... Простите, теперь его звали уже по имени-отчеству — Иван Иванович Неваляшкин. Иван Иваныч тоже весьма изменился: он стал солиднее, отрастил брюшко, носил большие очки, изготовленные специально для него ученым Стеклышкиным, и старательно зачесывал розовую лысинку. В каких только жизненных передрягах не побывал Иван Иваныч за это время! Но удары судьбы ни разу не смогли положить его на лопатки: что бы ни случалось, он неизменно подымался — такой уж у него был характер.

...Однажды вечером, когда Иван Иваныч сидел в своем кабинете на сто тридцатом этаже и решал очень важную задачу о том, кого бы назначить на должность главного городского сочинителя сказок для детей, в его приемной раздался телефонный звонок.

— Вас какой-то рыбак спрашивает,— доложила секретарша.— Говорит, дело особой важности.

Иван Иваныч поморщился и снял трубку:

— Неваляшкин слушает... Откуда? Из бухты?.. Какой еще, туда-сюда, орех?... Я понимаю, что кокосовый... Ах, письмо! Ну-ка, ну-ка... «Как на острове Буяне, среди моря в океане...» Чепуха какая-то... Как вы говорите «Заблужденья вследствие потерпел я бедствие...»? Постойте, туда-сюда, записываю, диктуйте... Так...

Ага... А подпись?.. Владик? Как — Владик? Ах, и домашний адрес? Так и есть, тот самый! Невероятно!.. Спасибо. Постараюсь принять меры.

Неваляшкин положил трубку и, обхватив голову ладонями, закачался на стуле.

— Ах, беда-то! — шептал он.— Значит, фея и вправду нашего бывшего хозяина... туда-сюда... Бедняга, столько времени один... Ну дела! Надо немедленно собрать совет мастеров.

Через полчаса, поднятые по тревоге, в кабинет Неваляшкина вошли дорожный мастер Бычков, прославленные мастера-металлисты братья Кузнецовы, профессор гидротехники Пистолетов, специалист по точным приборам Юля Волчкова, старший сержант запаса — ныне руководитель ансамбля песни и пляски Солдатиков (прихвативший на всякий случай свой именной карабин) и еще много народу: энергетик Вертушкина, начальник службы погоды Шариков, крупный ученый Стеклышкин и другие. Когда все расселись, Неваляшкин постучал карандашом по графину, вытер платком лысинку, тяжело вздохнул и начал, наверно, самую трудную в жизни речь:

— Друзья! Если вы помните, много лет, туда-сюда, назад случилось событие, которое, так сказать, в корне изменило, туда-сюда, нашу судьбу. По велению Великой феи игрушек мы очутились в школе.

— Как же, помним! — раздались голоса.— Еще бы!

— В тот день наш бывший хозяин жестоко оскорбил нас,— добавил кто-то.

— Он сказал, что мы «бесполезная дрянь» или еще что-то в этом роде! — крикнули из дальнего угла.

— Он говорил еще и похуже,— кивнул Неваляшкин.— Но не в этом суть. Согласны ли вы позабыть обиду?

— А в чем дело? Что случилось? — забеспокоились собравшиеся.— Объясните наконец!

— А дело в том...— Неваляшкин снял очки и потер переносицу.— Дело в том. что Великая фея и вправду выполнила свою угрозу. Наш хозяин не просто оставил нас, как все мы думали, он и на самом деле, туда-сюда, очутился на необитаемом острове. И все это время сидит там один...— Тут голос Иван Иваныча дрогнул. Он достал платок и вытер не то глаза под стеклами очков, не то сами стеклышки изнутри.

— Один-одинешенек! — повторил Неваляшкин.— Он и сейчас там. Как хотите, а мне его жалко. Я хоть и игрушечный родом, но у меня есть сердце. Бедняга рассылает по морю письма в кокосовых конвертах... Вот: «Как на острове Буяне, среди моря в океане, заблужденья вследствие потерпел я бедствие...» Умоляет о

помощи... Читайте сами, я не могу.

Неваляшкин положил на стол листок с телефонограммой и отвернулся.

Мастера повскакали с мест, сгрудились у стола.

— «Люди, сжальтесь надо мной! — вслух читал кто-то.— Умоляю, поспешите! Приплывите, разыщите, мне так хочется домой — ой!»

— Надо спасать! — крикнул кто-то, когда листок был прочитан до конца.

— Немедленно на помощь! Тут и говорить нечего — ни сил, ни жизни не пожалеем! — зашумели мастера.

— Тихо! — поднял руку Неваляшкин.— А хорошо ли вы подумали, друзья? Ведь если мы возвратимся, туда-сюда, к Владику, волшебство исчезнет. К нему вернется его время, а наше... наше кончится. Мы с вами снова станем простыми игрушками.

Совет мастеров вновь зашумел. И тут среди гула голосов раздался звонкий голос Солдатикова:

— Разрешите мне!

Неваляшкин для порядка постучал по графину.

— Говори, Солдатиков.

Старший сержант запаса встал во весь свой богатырский рост и одернул гимнастерку.

— Я попросту, по-солдатски... Как у нас? «Сам погибай, а товарища выручай!» А Владик нам больше чем товарищ. К тому же, что ни говори, мы — игрушки, хоть и взрослые, а Владик — человек. Хоть и маленький. К тому же он, сидя на острове, все уже осознал. Я лично готов вернуться. Ведь когда меня подарили Владику, я, как положено, принял присягу на верность. Ну и потом...— Солдатиков потупился.— И потом,— добавил он тихо, — я же люблю его. Как-никак все детство вместе, душа в душу...

— А мы что? Мы тоже! Мы все готовы! — наперебой заговорили мастера.— Для нас самое главное — детям служить! Всю жизнь помогать им, учить, к настоящим делам готовить... Правильно, Солдатиков! Спасем Владика!

— Я так и думал,— растроганно высморкавшись, сказал Неваляшкин.— Только как его спасти? Мы-то на суше, а он, туда-сюда,— в море-океане...

— Ну-у, это-му-му, ммможно поммочь,— протянул басом дорожный мастер Бычков.

— У вас есть предложение? — повернулся к нему Встанькин.

— Ммогу-у... По-моему-у, нужно построить корабль.

— Молодец, Бычков,— хлопнул ладонью по столу Иван Иваныч.— Идея, туда-сюда! И как это мы раньше не подумали?

Все у нас, туда-сюда, есть, а вот кораблей... Братья Кузнецовы, сможете построить корабль?

— Что ж не построить, это можно,— отозвался Кузнецов-старший.

— Это можно,— поддержал Кузнецов-младший.— Чего ж не построить!

— Только металл нужен, стали много,— погладив бороду, заметил Кузнецов-старший.

— Стали много потребуется. Стал быть, металл нужен! — пояснил Кузнецов-младший.

— Руда-то здесь есть,— степенно сообщил Кузнецов-старший. — И уголь тоже. Только как их из-под земли добудешь?

— Как их добудешь-то? — шлепнув себя по коленкам, развел руками Кузнецов-второй.— Руду, стал быть, и уголь?

Мастера задумались. И тут слово попросил профессор Пистолетов, маленький, востроглазый человечек с лихим чубчиком, в элегантном черном костюме с галстуком бабочкой.

— В раннем детстве, дорогие коллеги,— быстро заговорил профессор,— я, э-э... стрелял. И стрелял, к вашему сведению, не какими-нибудь там пульками, стрелами или камушками из рогатки, а водой. Струя летела, чтоб не соврать, метра на четыре. А? Каково? Но, став постарше, я узнал, что водяная струя — это такая сила, против которой вообще ничего не может устоять. Да-да! Даже броня! Я мог бы вам рассказать, например, о водяных сверхтоненьких струйках, которые бьют с такой силой, что пробивают металл. Но есть струи и толстые, как бревно. Они крошат скалы. С их помощью люди прокладывают каналы, дороги. Они же помогают людям добывать в шахтах уголь и руду. Так что добычу угля и руды я беру на себя. Разумеется, если мне будет выделена необходимая техника и рабочие.

Предложение профессора было принято единогласно. Неваляшкин отдал необходимые распоряжения, и вскоре в игрушечном городе закипела работа. Добытая руда и уголь помогли выплавить нужное количество чугуна, из него сварили отличную сталь, а из стали братья Кузнецовы с помощниками принялись мастерить части будущего корабля.

Между прочим, им помогал ученый Стеклышкин. Вспомнив, как он когда-то в детстве прожигал бумагу, рисовал дымящиеся угольно-черные узоры на дощечках, ученый соорудил огромные вогнутые зеркала (они для этого дела куда лучше). Вогнутые зеркала, точь-в-точь как увеличительные стеклышки, собирали все падавшие на них солнечные лучи в одну точку. А поскольку зеркала были огромные, то и жар в этой точке был таким, что самая твердая сталь не выдерживала и плавилась. Отлично

работали зеркала и на сварке корабельных частей.

Готовых деталей становилось все больше, а главный вопрос еще не был решен: строители никак не могли договориться, какой двигатель выбрать для корабля. Пришлось снова собирать совет мастеров. Но на совете спор разгорелся еще жарче. В самый разгар появилась опоздавшая к началу инженер Вертушкина.

— Тише, друзья! — крикнула она с порога.— Прошу слова. Вы помните, я прежде была простой маленькой вертушкой на палочке, и, когда наш уважаемый Владик бегал или просто дул на меня, я вертелась как сумасшедшая. А почему? Потому что воздух с налету давил на мои крылышки. Крылышки стояли под углом, воздух скользил по ним и как бы отодвигал крылышки с дороги, чтобы не мешали. Подует Владик на крылышко, оно отойдет, и тут же на пути воздушной струи встанет другое. А уж ветер дует сразу на все четыре крылышка, и чем он сильнее, тем скорей старается убрать крылышки с дороги, и вот уже так быстро вертится вертушка, что ее и не разглядишь.

— Не пойму-у... К чему-у она клонит? — простужено промычал дорожный мастер Бычков.

— Сейчас узнаете,— тряхнула головой Вертушкина.— Все мы, друзья, давно выросли из игрушечного возраста, и я, как вы знаете, стала в нашем сказочном городе главным энергетиком. Сегодня в моем сложном хозяйстве есть, например, огромные стальные вертушки, этакие стокрылые колеса. Ветер крутит эти колеса, а они в свою очередь вращают валы машин, вырабатывающих электрическую энергию. Есть, конечно, и другие электростанции. Например, на реках. Но и там поднятая плотиной вода тоже вертит огромные вертушки.

— Турбины! — поправил Неваляшкин.— Турбины, а не вертушки.

— Это мы и так знаем! В школе проходили...— зашумели собравшиеся.— Вертушки, турбины... Нам корабельный двигатель нужен!

— А я вам о чем целый час твержу? — возмутилась Вертушкина.— Турбина — это же самый лучший двигатель! Мне как энергетику хорошо известно, что большую часть электричества дают не те электростанции, на которых работает вода, а другие — тепловые. На тепловых электростанциях трудится раскаленный пар. Мчась с бешеной скоростью из котлов, пар вертит опять-таки турбину. На ее тяжелом вале насажены десятки колес. В каждом колесе сотни спиц-крылышек. Все они спрятаны в тяжелом стальном панцире. С ревом врывается туда плененный пар и мчится сквозь крылатые колеса. И от этого они вертятся с такой бешеной скоростью, какая мне в детстве и не

снилась. Слыхала я, что подобные турбины устанавливают не только на электростанциях, но и на кораблях. Так пусть же наше судно будет не пароходом, не теплоходом, а турбоходом. Я кончила.

Вертушкина села и с победоносным видом оглядела притихшее собрание.

— Все это хорошо, Вертушкина,— поглаживая бороду, заговорил мастер Кузнецов-старший.

— Это все, Вертушкина, хорошо,— тотчас откликнулся Кузнецов-младший.

— Только ведь части для турбины, крылышки-лопатки и все такое прочее, надобно отливать из металла,— вздохнув, сказал Кузнецов-старший.— А работа эта не кузнечная, а литейная, нам незнакомая.

— Незнакомая, стал быть, работа,— развел руками Кузнецов-младший.— Литейная!

Мастера приуныли.

— Эх, была не была! Видно, придется мне менять профессию, — послышался голос Солдатикова. Он стоял в дверях с гитарой за спиной, поскольку только что прибежал с репетиции.

— Ты, Солдатиков, со своими служебными делами зашел бы ко мне лично и попозже,— нахмурился Встанькин.— Тут, можно сказать, жизненный вопрос, туда-сюда, решается, а ты...

— А я как раз по этому вопросу,— отозвался Солдатиков,

пробираясь сквозь толпу.— Я ведь литейное дело сызмальства знаю.

— Все шутишь, Солдатиков,— покачал головой Кузнецов-старший.— Откуда тебе это знать?

— Ну, откуда тебе это знать-то? — хихикнул Кузнецов-младший.— Шутишь!

— Вот чудаки,— улыбнулся Солдатиков.— Не верите? Да я же, можно сказать, родился в форме.

— В форме? Может, вы, дорогой, родились сразу и в каске, и с винтовкой? — с ехидцей спросил профессор Стеклышкин.

Мастера засмеялись.

— А что тут особенного? Так вот и родился,— ничуть не смутившись, подтвердил Солдатиков.— В форме. Но не только в военной, главное то, что я родился еще и в другой форме — в литейной.

— Ничего не понимаю,— рассердился Неваляшкин.— Литейная, военная... Совсем, туда-сюда, запутал. Ну, при чем тут твоя форма? Мы техническую проблему обсуждаем, а ты...

— А я о чем? Да меня же отлили! И теперь, став взрослым, я это дело, можно сказать, до тонкости изучил. Значит, так: сперва

нужно из глины, дерева или металла сделать точную модель нужной детали. Потом поместить эту модель в металлический ящик из двух половинок и засыпать всё специальной землей. Землю эту утрамбовывают. Затем половинки ящика осторожно разнимают. Потом деталь вытаскивают а в оставшееся пустое место...

— Ну, зачастил,— схватился за голову Иван Иваныч.— Посыпал, как из пулемета. Ты, туда-сюда, обстоятельнее можешь?

— Эх! — махнул рукой старший сержант запаса.— Раз такое дело, разрешите доложить мою солдатскую автобиографию! — Он перебросил со спины гитару, провел по струнам и, подмигнув пораженному Неваляшкину, запел:

Шипел однажды котелок
На ярком на огне.
В нем плыл я вдоль и поперек,
Хоть не имел ни рук, ни ног,
И было жарко мне.
Раз, два — горе не беда!..
Ужасно жарко мне.

— Постой, постой, опять не понятно! — крикнул Неваляшкин.— Где плавал? В чем? Ты ведь тяжел плавать-то! Раз уж запел, так пой со всеми подробностями.

— А вы не перебивайте! — мотнул головой Солдатиков и вновь ударил по струнам.

Итак, позвольте доложить,
Всем, кто не испытал,
Как неприятно жидким быть:
Не хочешь плыть,
А должен плыть,
Коль плавится металл.
— Раз, два — горе не беда!..—

дружно подхватили мастера.

Когда в огонь попал,—

закончил Солдатиков и сразу же начал новый куплет:

В горшке варился не бульон,

Не каша, не компот —
Кипел в нем целый батальон,
Наш оловянный батальон
Из трех стрелковых рот.
— Раз-два — горе не беда!..—

хором грянули мастера.

И так — за взводом взвод,—

допел Солдатиков и, отерев лоб пилоткой, добавил: — Ох, горячее было дело!

— А дальше? Дальше-то что было? — крикнул кто-то.

— Дальше? Слушайте!

А рядом на столе стоял
Березовый солдат.
Как мы, винтовку он держал,
Как мы, опасность презирал,
Но в жидкий гипс солдат попал —
Влип с головы до пят!
Раз, два — горе не беда!..
И нет пути назад.

Бедняга! — ахнула Юля Волчкова.— И что ж он там — погиб? Вот ужас!

— Настоящий солдат пройдет огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы! — наставительно заметил Солдатиков.— Ничего страшного с моим деревянным папашей не случилось. Мастер взял пилу, распилил гипсовый брусок пополам, вынул березового вояку, снова сложил половинки бруска и сделал сверху дырочку. А потом...

— А ты с гитарой! — потребовал вошедший во вкус Неваляшкин.— С гитарой у тебя, туда-сюда, понятней получается.

— Есть, с гитарой! — отозвался Солдатиков. И — раз, два, три — притопнул ногой, отбивая такт.

Раз начал в лад, и кончу в лад.
Брусок пустышкой стал:
Воздушный в нем стоял солдат.
А наш котел с огня был снят
И хлынул в гипс металл!

Раз, два — горе не беда!..
И я тут не зевал.
Нырнул в воронку головой,
Нырнул и зашипел.
Я в форме стал самим собой,
С винтовкой, в каске боевой.
И форму там надел.
Раз, два — горе не беда!..
И духом отвердел.

— Вот так я и появился на свет,— перебросив гитару за спину, закончил Солдатиков.— Вынули меня из гипсовой формы, мою собственную, военную, покрасили в зеленый цвет и наказали крепко стоять за правое дело и верно служить ребятишкам-командирам.

А рассказал я обо всем этом потому, что примерно так же, как нас, оловянных солдатиков, на заводах отливают детали для самых разных машин. Только формы для них делают, разумеется, не из гипса. Как я уже говорил, чтобы отлить какую-либо деталь, модель этой детали отпечатывают в специально приготовленной земле — смеси мелкого песка, тонко перемолотой глины и каменного угля...

— Постой, служивый,— перебил Солдатикова Кузнецов-старший.— Помнится, были у нашего хозяина Владика в раннем детстве, когда он еще в садик ходил, этакие разноцветные чашечки с ягодками. Ими Владик делал куличики из песка. Так вот, эти ягодки отлично отпечатывались на песке.

— Стал быть, на куличиках, на песочных,— уточнил Кузнецов-младший.

— А иной раз Владик наоборот делал,— вспоминал Кузнецов-старший.— Он не насыпал чашечку, а вдавливал ее в песок. И опять в ямке ягодки отпечатывались вместе с чашечкой.

— Вот-вот! — обрадовался Солдатиков.— Если в такую ямку залить металл, как раз и получилась бы копия чашечки с ягодками. Уяснили теперь?

— Уяснить-то уяснили,— почесал в затылке Кузнецов-старший.— Однако после каждой отливки земляную форму разрушать придется, чтобы готовую деталь вытащить. А ежели деталей таких много потребуется! Этак мы быстро не управимся.

— Не управимся,— развел руками Кузнецов-младший. Сделал форму, отлил металл и, стал быть, все заново начинай?

— Когда нужно много одинаковых деталей, на заводах применяют обычно чугунные формы,— пояснил Солдатиков. Их

сделать труднее, зато отливки в чугунных формах получаются более точные. Ну, а когда требуется литье особо точное, модель детали делается из воска или парафина.

— Из того, который, туда-сюда, на свечки идет? — спросил Неваляшкин,

— Из того самого,— подтвердил Солдатиков.— Парафиновую или восковую модель покрывают особым составом. Застынет этот состав, и окажется воск в тонкой твердой скорлупе. Воск из нее выплавляют, выливают. Пустую скорлупу помещают в ящик и сыплют вокруг нее формовочную землю. Вот теперь можно заливать в скорлупу расплавленный металл. Окруженная плотной землей, тонкая оболочка уже не треснет от его жара и тяжести. А что касается подробностей...

— Уж в подробностях мы и сами как-нибудь разберемся,— поднялся Кузнецов-старший.— Пошли-ка, брат, обмозгуем, чего время терять?

— Стал быть, обмозгуем и разберемся в подробностях,— пообещал собравшимся Кузнецов-младший.— А время нам терять нечего! — крикнул он и поспешил за братом.

И вновь закипела работа. У огромных печей ослепительно сверкали, шипели и рассыпали фонтаны золотых искр струи жидкого металла.

Первым делом по чертежам Вертушкиной был отлит огромный бронзовый корабельный винт, затем мастера принялись отливать части турбины.

На помощь братьям Кузнецовым пришел и профессор Пистолетов. Узнав, что очень трудно очищать готовые отливки от пригоревшей к ним формовочной земли, профессор быстро смастерил небольшую водяную пушку. Только пушка эта заряжалась еще и песком. Струя воды с песком с такой силой била по металлу, что сдирала приставшую землю, а заодно и ржавчину, словно напильником. Делалось это в специальной закрытой камере, иначе отлетавшие кусочки могли бы искалечить рабочих.

Ученый Стеклышкин сконструировал мощные лазеры — приборы, посылающие тонкие, но сверхъяркие и невероятно горячие лучи. Этими лучами сваривались особо ответственные мелкие детали.

А изготовленные им вогнутые солнечные зеркала варили особопрочные сплавы. Кроме того, Стеклышкин изготовил для всего экипажа корабля отличные подзорные трубы, морские бинокли и даже соорудил небольшой телескоп.

Работа шла днем и ночью, мастера спешили, но неуемный

Иван Иванович все равно прибегал то и дело на стройку и

поторапливал:

— Поднажмите, братцы! Помните, каково нашему Владику каждый лишний день на острове мучиться.

Вскоре могучие ребра корабельного корпуса оделись стальной обшивкой, высоко над землей поднялись палубные надстройки, засверкали стеклами иллюминаторы. Оставалось совсем немного. Уже вспыхивали в котлах корабля жаркие огненные струи, уже свистел пар в турбине и быстро вертелся блестящий винт под кормой,— испытания двигателя прошли успешно. Но пока монтировалось внутреннее оборудование, металл корпуса кое-где тронула ржавчина.

— Этак, пока мы достроим корабль, он у нас насквозь проржавеет,— задумались главные кораблестроители, братья Кузнецовы.— Придется бросить все дела и срочно красить корпус.

Но бросать свои дела никому не пришлось. В тот же день на грузовой машине с закрытым кузовом приехал профессор Пистолетов. Ни слова не говоря, он выволок из кузова круглый бак на трех ногах и собственноручно наполнил его краской. Потом достал нечто вроде пистолета с коротким дулом. От пистолета к баку с краской тянулся гибкий шланг. Профессор переоделся в брезентовый костюм и велел спустить ему с корабля «люльку» — небольшую подвешенную на канате деревянную площадку. Затем он подошел к автомашине и включил мотор. Тотчас шланги шевельнулись, как живые, и послышались змеиный свист и шипение.

— Сжатый воздух,— догадался Кузнецов-старший.— В кузове компрессор работает.

— Компрессор, стал быть, работает... Сжимает он воздух и гонит его по шлангу,— добавил Кузнецов-младший.— А зачем — не пойму.

Между тем профессор забрался в люльку, просигналил рукой, чтобы его поднимали, и нажал на спусковой крючок пистолета... Миг — и на борту появилось яркое, все увеличивающееся пятно.

— Теперь все понятно,— дернув себя за бороду, сказал Кузнецов-младший.— Стал быть, сжатый воздух сперва краску из бака подхватывает, а потом через пистолет швыряет ее на металл. Ишь как ровно красит. — Это называется краскопульт,— объяснил профессор, сняв маску.— Я и ржавчину, где надо, счищу очень похожим аппаратом. Только в нем сжатый воздух захватывает уже не краску, а песок. И называется аппарат поэтому пескоструйным. Им и старую краску с домов счищают, и ржавчину с металла. Краскопульт работал так быстро, что за ним не угнался бы целый отряд самых лучших маляров с кистями, да и распыленная краска ложилась удивительно ровно, без потеков.

Вскоре прибыли еще машины с красками в тяжеленных жестяных баках. — И зачем столько краски? — удивлялись мастера.— Ее тут, пожалуй, на три корабля хватит. — А затем,— объяснил профессор,— что днище и борта корабля покрывают не одним слоем, а несколькими. И при этом разными красками. Морская вода соленая — железо в ней ржавеет очень быстро. Потому и надо защитить его получше. И не только от воды. В море живет множество мелких водорослей и живых существ, которые любят прилепляться к днищу, В тропических морях, бывает, всего за две недели на дне корабля нарастает живая кора толщиной с кулак. Тащить на себе этот подводный зоопарк кораблю ни к чему — он скорость теряет. И потом эти подводные обитатели очень помогают ржавчине: они находят в краске мельчайшие трещинки, воздушные пузырьки, разрушают тонкую пленку и открывают воде дорогу к металлу. Вот почему краски для подводной части кораблей делают не только особо стойкими — в них еще добавляют специальные яды, чтобы избавиться от маленьких подводных пиратов. Наконец корабль был окрашен полностью. Его днище было оранжево-красным, выше тянулась черная полоса, а борта и надстройки сияли снежной белизной. Неваляшкин ходил вокруг, охал, хлопал себя но лысинке и повторял:

— Какой красавец! Просто сказочный!

Мастера хотели было убрать ненужную люльку, но тут Иван Иваныч вдруг заволновался и, сложив ладони рупором, крикнул:

— Эй, на борту! Стоп! Майна!

Все моряки и портовые рабочие знают, что «майна» — это команда, означающая «спускай груз на тросе» или просто «спускай трос». А если нужно скомандовать «подъем», моряки кричат «вира».

Люльку спустили, Неваляшкин схватил банку с синей краской, кисть и повернулся к недоумевающим мастерам:

— Эх вы, главное забыли! Все я за вас должен думать.

Неваляшкин забрался в люльку, скомандовал «Вира помалу», и вскоре на корме корабля появилась первая крупная буква «С». Буква за буквой, и вскоре все собравшиеся на строительной площадке хором прочли слово: «СКАЗОЧНЫЙ». Название мастерам очень понравилось. Они даже крикнули дружно: «Ура! Да здравствует «Сказочный»!

Спустившись, Неваляшкин вытер руки и стал благодарить строителей.

— Точка, друзья. На славу постарались! А то просто сердце изболелось: мы тут припеваючи живем, а Владик на острове Буяне один мается... Ничего не забыли? Все предусмотрели?

Многие уже хотели бежать домой укладывать чемоданы, когда Неваляшкин остановился, словно споткнувшись, зачем-то снял очки и, растерянно заморгав, повернулся к братьям Кузнецовым:

— Постойте... а... а балласт?!

— Что еще за балласт такой? — удивился Кузнецов-старший.

— Какой балласт? — высунул голову из-за спины брата Кузнецов-младший.— Работали-работали, а теперь, стал быть, еще какой-то балласт.

— Без балласта никак невозможно.— Неваляшкин опять надел роговые очки и, покачиваясь на каблуках, спросил: — Как вы думаете, отчего Ванька-встанька — неваляшка такой упрямый? Отчего, когда меня в детстве клали на бок, я всегда, туда-сюда, вскакивал? А оттого, что у меня внизу был груз для тяжести! А корабль — он тот же неваляшка. Только большой. На самое дно корабля, под трюмами, обязательно укладывают и закрепляют тяжелый груз — балласт. Наклонит волна корабль, вот-вот опрокинет, а он, туда-сюда, снова выпрямляется. А без балласта в шторм очень просто и перевернуться можно. Выходит, и я в инженерном деле пригодился. Думаю, что с балластом вы быстренько управитесь.

— Управимся,— крикнул Кузнецов-старший.

— Это мы быстро,— подтвердил Кузнецов-младший.

Но тут на площадке появился дорожный мастер Бычков с перевязанной теплым шарфом шеей. Недавно Бычков строил мост через реку, оступившись, он свалился в воду и сильно простудился. Все время, пока строился корабль, беднягу держали в постели, пичкали лекарствами и ставили банки.

— Ну и ну-у...— осмотрев корабль, протянул Бычков.— На-му-удрили!!!

— А что, не нравится? — нахмурился Иван Иваныч.

— Чу-удаки...— покачал головой Бычков.— Чему-у тут радоваться? Строили-строили, а главного не проду-умали.

— Это как понять? — подошел Кузнецов-старший.— О чем ты?

— Ты о чем, Бычков? — подхватил Кузнецов-младший.— Как тебя понять? Может, ты еще не выздоровел, температура у тебя?

— Не проду-умали,— повторил Бычков.— Корабль-то мало построить. Его еще спу-устить надо. На воду-у... А как теперь в море стащить таку-ую махину-у?..

На площадке воцарилась тишина. Только теперь все увидели страшную ошибку: корабль стоял слишком далеко от берега.

Бычков обошел вокруг «Сказочного», измерил расстояние до берега, спросил о глубине бухты, потом достал записную книжку

и принялся что-то высчитывать. Наконец он подошел к приунывшим мастерам и сообщил:

— Ничего, спу-устим корабль. Ну-ужно только «слип» у-устроить.

— Слип? А что это такое? Первый раз слышу.— Неваляшкин вопросительно поглядел на братьев Кузнецовых. Те в свою очередь переглянулись и пожали плечами.

— «Слип» — слово английское,— объяснил Бычков.— Означает «скользить». Хорошо, что я свое детство помню, как по наклонной дорожке ходил. Вот и тут такая ну-ужна. Корабли как на воду-у спу-ускают? По наклонному-у пу-ути! По «слипу», значит. Под днище подводят специальные тележки и спускают корабль вниз на тросах, а можно и по-другому-у.

— Ну-ну! — подтолкнул Бычкова Иван Иваныч.— Не тяни, туда-сюда!

— Можно соору-удить из толстых прочных балок наклонный настил и смазать его густым машинным маслом, корабль заскользит по нему и съедет в воду.

— Немедленно за дело! — скомандовал Неваляшкин.— Слыхали? Справитесь?

— Корабль построили, а уж слип как-нибудь одолеем,— усмехнулся Кузнецов-старший.

И вот наступил торжественный миг. По команде из-под днища были выбиты деревянные клинья, удерживавшие корабль, и «Сказочный» сперва медленно, почти незаметно, потом все быстрее заскользил по слипу вниз, к морю. От огромной тяжести толстенные деревянные балки под кораблем дымились. Минута и, подняв фонтаны брызг, «Сказочный» закачался на вспененных волнах.

«Ура-а-а!»—прокатилось по набережной.

Оркестр, сверкнув трубами, грянул туш. Сонных чаек словно смело с воды, и долго еще они с отчаянными криками метались в синем небе.

Вскоре у причала загудели лебедки, началась погрузка. Помимо горючего, пресной воды, продовольствия нужно было запасти великое множество самых разных вещей, необходимых в дальнем плавании. Вездесущий Неваляшкин не расставался с пухлой общей тетрадью в клеточку, где было записано все: от зубных щеток до полного собрания географических карт и от иголок с нитками до личного оружия. Да-да, оружие тоже было взято на борт — мало ли что может случиться в пути, особенно если этот путь возьмет да и завернет вдруг в такие места, о каких ни один мореплаватель и слыхом не слыхивал.

Участники спасательной экспедиции томились на берегу,

сидя на чемоданах. Вот уже и погрузка закончилась, но капитан Неваляшкин все не разрешал посадку: необходимо было провести ходовые испытания судна.

В пробном плавании придирчивые испытатели тщательно проверили все до последнего винтика: двигатель, вспомогательные механизмы работали, что называется, «как часы», судно отлично слушалось руля, и все бы ничего, но, когда спустилась ночь, кто-то заметил, что корабельный компас ведет себя как-то странно. Стрелка компаса не желала смотреть, как ей положено, на север — на Полярную звезду, она отклонялась то к западу, то к востоку и никак не могла успокоиться. Видя это, забеспокоились и мастера. Еще бы! С таким компасом в открытом море и до беды недалеко. Хорошо, если только адресом ошибешься — не туда приплывешь, а ведь можно очень просто и на скалы налететь.

Компас разобрали, почистили, проверили, опять собрали, но капризная стрелка по-прежнему показывала куда угодно, только не на север.

Долго ломали головы мастера, пока не сообразили: стрелка-то намагничена, а корабль железный. Кругом металл, да еще провода электрические — вот магнитная стрелка и беспокоится, тянется к стальным деталям, а не к северу.

Догадавшись, в чем секрет, мастера сообразили и как отучить беспокойную стрелку от вранья. Выручили... стальные брусочки. Отклоняется стрелка вправо, значит, нужно укрепить брусочек слева, кончик стрелки сразу потянется к нему. Если стрелка передвинется дальше, чем нужно, значит, надо отодвинуть брусок. Так постепенно и заставили стрелку смотреть точно на север.

Но едва мастера перевели дух и вытерли лбы, как на мостик влетела Юля Волчкова. За ней, тяжело отдуваясь, поднялся начальник службы погоды Шариков, последним вошел ученый Стеклышкин.

— Что у вас с компасом? — сердито спросила Волчкова.— Почему меня не позвали?

— А мы и сами с усами,— усмехнулся Кузнецов-старший.— Все уже наладили, можете не волноваться.

— Все, стал быть, уже наладили,— подхватил Кузнецов-младший.— Чего волнуешься, Волчкова? Ты бы лучше своими делами занималась.

— А компасы как раз мое дело. Самое прямое.— Волчкова даже топнула от негодования.

— Твое? — изумился капитан Неваляшкин. — Да что ты в этом смыслишь? А впрочем, мы действительно все отладили, хоть

сейчас подымай якоря, и, туда-сюда, полный вперед!

— Ах, так! А если впереди магнитная буря?

— Чего-чего? — Неваляшкин уронил свою капитанскую фуражку, подхватил ее на лету и вновь водрузил на голову.— Магнитная, говоришь? А что она, туда-сюда, намного сильнее обычной?

— Простите, но эти явления нельзя сравнивать,— вмешался начальник службы погоды Шариков.— Магнитные бури бушуют не на морях-океанах, а высоко-высоко над нашей планетой. Мы, метеорологи, о таких бурях узнаем заранее, а вы... вы даже ничего и не заметите! — магнитная буря невидима.

— Невидима?! — Иван Иваныч даже присвистнул.— Ну, ежели невидима, тогда пускай себе бушует. Это нас не касается.

— Касается, еще как касается. Ай-яй-яй, а еще моряки! — Шариков шагнул к компасу.— К вашему сведению, эта штука во время магнитной бури будет показывать такое, что рулевому жарко станет — бедняга подумает, что восток, запад вместе с севером и югом в догонялки играют. Стрелка будет метаться, вертеться, и никто не сможет понять, в какую сторону идет корабль.

— Это как же понимать? — насупив мохнатые брови, проговорил Кузнецов-старший.— Строили-строили, а теперь, выходит, и от берега не уходи?

— Мало обыкновенных бурь, так на тебе — еще и магнитные. И откуда эти небесные катавасии берутся, пропади они пропадом!

— Вот-вот,— подхватил Кузнецов-младший.— Откуда, стал быть, берутся эти, пропади они пропадом, магнитные катавасии? А то ведь строили-строили...

— Попробую объяснить,— заговорил молчавший до этого ученый Стеклышкин. Он порылся в портфеле и достал спелое яблоко.— Вот вам.

— Спасибо, конечно, но...— капитан Неваляшкин обвел взглядом приунывших мастеров. — ...Но нам сейчас, туда-сюда, не до еды.

— Оно не для еды, а для наглядности. Это наша планета.— Стеклышкин взял яблоко за черешок.— Вот тут — Северный полюс, снизу — Южный. Надо вам сказать, что, занимаясь телескопами, я довольно основательно изучил астрономию. Так вот, земной шар — это огромный магнит. Как и положено магниту, Земля имеет два магнитных полюса. Они хотя и не совпадают с географическими, но находятся от них очень близко. Если бы не было этих магнитных полюсов, не было бы на свете и компасов. Именно благодаря тому, что наша планета — магнит, стрелка компаса и поворачивается одним концом к Северному

магнитному полюсу, а другим — к Южному. И все бы хорошо, только работает этот гигантский магнит, так сказать, с некоторыми перебоями. А виновата в этом не столько наша планета, сколько Солнце. На Солнце довольно часто происходят взрывы невероятной силы. Эти взрывы электризуют воздушную оболочку Земли и вызывают те самые магнитные бури, о которых я вам говорил. Стрелка компаса в это время уже не чувствует притяжения магнитных полюсов планеты. Поняли?

— Чего ж не понять...— пожал плечами капитан Неваляшкин. — Только от этого нам не легче. Ты лучше скажи, Стеклышкин, что с компасом делать, как нам, туда-сюда, одолеть эти самые бури?

— Об этом вы лучше у специалиста спросите,— сказал Стеклышкин, подтолкнув Юлю Волчкову.— Это по ее части.

— Все очень просто: нужно сделать еще один компас,— Волчкова посмотрела на озадаченных мастеров и улыбнулась.— Я имею в виду не простой, магнитный, а — гирокомпас. Если вы помните, в детстве я просто обожала вертеться на одной ножке.

— Ну да...— кивнул Иван Иваныч.— Тогда ты была не инженером, не Юлей Волчковой, а просто юлой, или волчком.

— Вот-вот! В этом-то и дело. Кто в детстве запускал яркие, жужжащие волчки, тот знает: пока волчок крутится, он очень устойчив. Качни его, волчок все равно примет прежнее положение. Но наш хозяин Владик, как, наверное, и многие другие ребята, пробовал запускать волчки не просто на полу, а в руке между пальцами. При этом волчок вертелся уже не стоя, а на боку. Конечно, удержать пальцами быстро вертящийся волчок нелегко, но и нескольких секунд достаточно, чтобы заметить одну странность: если руку поворачивать, наклонять, волчок как бы сопротивляется этому. Остановился волчок — делай с ним что хочешь, но когда волчок вертится, он всеми силами стремится оставаться в том положении, в котором его запустили...

— Погоди,— перебил Иван Иваныч.— Насколько я помню, наш Владик любил еще раскручивать колесико подшипника. Зажмет середку пальцами, а другой рукой погоняет.

— Правильно. И этот подшипник вел себя точно так же, как волчок. Попробуйте повторить этот опыт и сами убедитесь: поворачивая пальцы, в которых зажат быстро вертящийся подшипник, вы сразу же почувствуете довольно значительное сопротивление. Давно замечено, что чем тяжелее, массивнее вращающееся на оси колесо-маховик, чем выше его скорость, тем труднее наклонить, повернуть его. Эта особенность волчков-маховичков — стремление сохранить первоначальное положение — и была использована в гирокомпасах. Кстати, первая половина

этого слова, «гиро», произошла от греческого «гирейо», что означает «вращаюсь». Сердце гирокомпаса — тяжелое, быстро вертящееся колесо-маховик. Это колесо никогда не останавливается и не снижает скорости, потому что его непрерывно раскручивает электрический моторчик. А закреплена ось с колесом свободно, она как бы в люльке подвешена.

— Стал быть, на шарнирах! — уточнил Кузнецов-старший.

— Вот-вот. И потому ничто не мешает волчку-гирокомпасу сохранять свое положение. На море зыбь, судно раскачивается а ось маховика смотрит по-прежнему в ту сторону, куда ее нацелили, когда впервые раскрутили. Ну, а нацеливают эту ось точно на север.

Находится гирокомпас в специальном помещении, в глубине судна, чтобы ничто не могло нарушить работу чуткого механизма. А в ходовой рубке перед рулевым или штурманом установлены «репитеры» — электрические приборы, повторяющие показания гирокомпаса.

Ну, а поскольку наш «Сказочный» отправляется в труднейшее плавание по неведомым водам, к неизведанным берегам, я и подумала, что...

— Правильно подумала! — решительно заключил капитан Неваляшкин.— А потому приказываю: завтра к полудню на корабле должен стоять гирокомпас. В тринадцать ноль-ноль назначаю отплытие.

— Будет сделано! — дружно гаркнули мастера и побежали выполнять последнее задание.

...На другой день ровно в тринадцать ноль-ноль раздалась команда: «Отдать швартовы!» И тотчас с чугунных тумб были сняты тяжелые канаты, удерживавшие «Сказочный» у причала.

— Малый вперед! — крикнул в переговорную трубу капитан и передвинул рукоять машинного телеграфа. В тот же миг за кормой вскипела вода, задрожала палуба, над бухтой протянулся зычный бас гудка, и «Сказочный» медленно отвалил от бетонной стенки. Капитан Неваляшкин взял под козырек, а все, кто находился на палубе, принялись махать шляпами и платками.

Машина набирала обороты, все скорее бежали назад берега, и вот уже оставшийся позади городок стал виден весь целиком.

Иван Иваныч вздохнул, сунул в рот новенькую трубку (он не курил, но считал, что настоящему капитану трубка в зубах так же необходима, как форменный китель и фуражка с золотым якорем), а затем поднес к глазам тяжелый морской бинокль. Впереди расстилалась синяя пустынная гладь. Где-то там за горизонтом спасательную экспедицию подстерегали опасности, испытания, приключения, а еще дальше, в самом конце пути,

ждал затерянный в неведомых водах крохотный, похожий на горбушку островок.

...Потянулись дни, похожие друг на друга, как волны за бортом. Команда быстро освоилась со своими обязанностями, и вскоре мастера стали заправскими моряками.

Штурманы Стеклышкин и Шариков ежедневно в полдень определяли по солнцу местонахождение корабля, а затем вычерчивали по карте пройденный путь. Красная линия становилась все длиннее, она переходила с одной географической карты на другую и наконец подошла к самому краю последней. Больше карт не оставалось: «Сказочный» пересек все, что умещалось в географическом атласе, и вышел в те неведомые воды, о которых по вечерам в портовых тавернах старые морские волки рассказывали такие удивительные истории, что одни слушатели только ахали и чесали в затылках, а другие качали головами да посмеивались.

Пройдя мимо острова Фомы и Еремы, «Сказочный» достиг скалистых берегов Кукарекании. Здесь удалось лишь пополнить запас пресной воды и собрать несколько корзин удивительных плодов, с виду похожих на свеклу, а по вкусу напоминающих клюкву в сахаре. Заходить в глубь прибрежных зарослей путешественники не решались, так как, по слухам, кукареканские племена отличались воинственностью и терпеть не могли иностранцев.

Затем «Сказочный» изменил курс и вскоре вышел в Южный Штормовитый океан. По мнению большинства членов экспедиции, именно в этом океане и должен был находиться необитаемый остров Буян, о котором сообщил несчастный Владик.

Несмотря на тропическую жару, путешественники почти не покидали верхнюю палубу. Вооруженные биноклями и подзорными трубами, они до рези в глазах всматривались в морскую даль, надеясь отыскать на горизонте долгожданное темное пятнышко.

Солдатиков соорудил себе наблюдательный пункт выше всех на мачте. Иногда, оторвавшись от небольшого телескопа, он брался за гитару, чтобы хоть немного развеселить приунывших спутников. Глядя на них сверху, Солдатиков даже песенку сочинил, правда, не очень веселую:

Зорко смотрим вдаль мы,
Ищем в море пальмы.
Вдоль плывем и поперек!
Где ж горбушка-островок?

Океан вокруг безбрежный,
Только солнце и вода.
Может, Владик к жизни прежней
Ох, не вернется никогда.

Впрочем, островов в Южном Штормовитом океане попадалось довольно много, но все они, увы, оказывались обитаемыми: и острова Япти-Тапти, и Трапапа, и Мармеландия, и архипелаг Большие Баклуши, и остров Святого Бармалея.

У дикарей-бармалейцев удалось узнать, что дальше в океане ничего нет до самой «Великой стены», по которой «божественная огненная черепаха Солнце» вползает на небо.

Пришлось экспедиции продолжать поиски наобум. А горючего в трюмах оставалось все меньше, и неизвестно, куда бы занесла судьба путешественников, если б не одно событие, круто изменившее курс «Сказочного». Рано утром с мачты донесся крик Солдатикова: «Прямо по курсу — корабль!»

Тотчас все бинокли и подзорные трубы нацелились на маленькую точку. Точка быстро росла и вскоре оказалась старым парусником.

— Похоже на бриг,— сказал капитан Неваляшкин и велел просигналить неизвестному судну: «Кто такие? Почему нет флага?»

Вместо ответа от борта брига отделился белый клубок и — бу-бум! — над водой покатился пушечный выстрел. Тотчас на мачте развернулся черный флаг с белым черепом.

— К оружию! — отчаянно закричал капитан Неваляшкин.— Всем покинуть палубу! Солдатиков, занимай оборону!

Пиратский корабль приближался, но его экипаж, ко всеобщему удивлению, никаких враждебных действий предпринимать вроде бы не собирался. Наоборот, пираты (все, как один, с черными повязками на левом глазу) толпились у борта, размахивали рваными шляпами и скалили зубы. А когда бриг оказался совсем близко, до путешественников донеслась лихая, с присвистом и гиканьем, песня:

Мы вполне
кошмарные ребята,
В мире — йо-хо-хо! — таких не сыщешь рож!
До того не бриты и лохматы,
Глянешь в зеркало — самих бросает в дрожь.
Мастера
ножа и пистолета,
Пьем мы — йо-хо-хо! — с утра ямайский ром!

Но должны сказать вам по секрету,
Нам бы булочку
и кофе с молоком! Мы пропахли
порохом и кровью.
Год уж — йо-хо-хо! — не мылся в бане экипаж,
И к тому же вредно для здоровья
Ежедневно брать суда на абордаж.

Пираты оказались довольно симпатичными: они сбежали тайком из мультфильмов, телепередач, книжек и теперь искали такое местечко, где бы им никто не мешал выращивать капусту и персики.

А еще морские бродяги сообщили, что недавно видели далекий островок, весьма похожий на горбушку, вот только насчет пальм они ничего определенного сказать не могли — не разглядели.

Услыхав об этом, капитан Неваляшкин так перегнулся через борт, что едва не свалился.

— Как туда добраться? — прохрипел он в рупор. Пираты принялись наперебой объяснять, что это очень просто, что надо сперва плыть все прямо и прямо, потом свернуть налево, потом еще раз налево, затем направо, а там сразу за углом как раз и будет остров.

Одноглазый капитан сказал, что счел бы за честь проводить «Сказочный», если б не неотложные дела.

— Нам надо мыться, лечиться и учиться,— объяснил он.— В каждом из нас столько дыр, что неизвестно, в чем дух держится. К тому же мои головорезы совершенно неграмотны, а порою так хочется почитать про Красную Шапочку!..— мечтательно вздохнул старый головорез.— И еще — про Мойдодыра!

Угостив «джентльменов удачи» ирисками и переправив на бриг корзину с банками сгущенного молока, капитан Неваляшкин приказал рулевому взять курс, указанный пиратами.

Надо сказать, что до этого дня погода благоприятствовала мореплавателям, но, когда до цели осталось совсем немного, на небе появилась зловещая черная туча. Вскоре солнце скрылось, море потемнело, свистнул ветер, и вот уже первые валы с разбега грянули в борт косматыми лбами.

Шторм крепчал с каждой минутой. Вскоре экипаж так укачало, что все свободные от вахты слегли, а вахтенные еле держались на ногах. Не подверженными морской болезни оказались лишь Неваляшкин да Солдатиков. Оба они, каждый по-своему, были очень стойкими. Так вдвоем, сменяя друг друга у

штурвала, Солдатиков и Неваляшкин и вели корабль.

«Сказочный» то задирал нос к небу, одолевая водяную гору, то нырял вниз, и тогда волны перекатывали через палубу. В голубоватом луче прожектора кипела беснующаяся стихия, и уже нельзя было разобрать, где небо, где вода.

Капитан Неваляшкин стоял, широко расставив ноги, и изо всех сил стискивал рукоятки штурвала. Качало так, что Солдатиков вынужден был привязаться к железной стойке.

— Ну и погодка, туда-сюда!..— сквозь зубы ругался Иван Иваныч.— Слышь, служивый, ты бы взял гитару, а то вон как ее бьет об стенку.

Привязанный Солдатиков снял со стены гитару и, пользуясь тем, что обе руки его были свободны, машинально взял аккорд, затем другой. Потом даже попробовал запеть для поднятия духа, чтобы не так было страшно, только ничего подходящего не вспомнил. Пришлось придумывать.

Иван Иваныч сочинять стихов не умел, да он и не читал их со школьных времен, зато память у него была отменная.

Капитан помнил наизусть все, что учил когда-то, и мог кстати привести цитату по любому случаю. Так и получилось, что Солдатиков запевал, а Неваляшкин подхватывал. Перекрикивая рев бури, Солдатиков начал:

Ветер снасти рвет на части,
Через палубу волна!
Не хватало нам напасти...
«Мутно небо, ночь мутна»,—

закончил Неваляшкин.

Не заправились горючим,
Скоро все сожжем до дна...—

тоскливо вывел Солдатиков.

«Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна»...—

басом подхватил капитан.
Ударив по струнам, Солдатиков начал новый куплет:

С этой песней удалою

Шторм не страшен нам, хотя...
«То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя»,—

заключил Иван Иваныч.

Шторм бушевал всю ночь, а наутро, когда сквозь рваные тучи проглянуло солнце, во всех каютах вдруг щелкнуло молчавшее до этой поры судовое радио, и все репродукторы отчаянно завопили голосом Солдатикова: «Земля-а! Вижу землю!! Прямо по курсу — остров, как горбушка, пальмы на макушке!!!»

...Тут мы оставим отважных путешественников и перенесемся немного вперед и одновременно назад; вперед — в смысле расстояния, а назад — по времени.

...Владик сидел на своем островке и размышлял, стоит ли начинать очередное «спасательное письмо» или отложить его на утро. И вдруг он заметил, что в природе происходит что-то странное: на небе, неизменно синем, безоблачном, появилось облако. Солнце скрылось. Тотчас налетевший вихрь согнул в дугу пальмы и затрещал твердыми листьями, а вскоре на прибрежные скалы, взметая брызги, с тяжким гулом обрушились волны. Владик смотрел и удивлялся: ведь за всю его жизнь на острове Буяне это был первый шторм и вообще — первое происшествие.

— Чудно, — сказал себе Владик (он давно привык разговаривать сам с собой), — чудно, все дни были как две капли воды, и вдруг — шторм. К чему бы? — И тут сердце его защемило от какого-то тревожного и сладкого чувства. «Уж не время ли... — подумал Владик, боясь спугнуть зыбкую, как сон, надежду.— Уж не возвращается ли мое время?»

Море не собиралось успокаиваться — оно грохотало и ворочало камни под обрывом. Откуда-то прилетела чайка, тоже первая.

Владик вскочил и побежал на вершину горы. Ветер тут едва не валил с ног. Согнувшись в три погибели, Владик ухватился за камень, выглянул из-за него и увидел... корабль!

Владик закричал, замахал руками, упал, снова вскочил... Корабль, провалившись между высокими валами, исчез, но, когда мальчик протер мокрые от слез глаза, судно показалось вновь и гораздо ближе.

— Это за мной! — ликовал Владик. Но тут же радость сменилась отчаянным страхом: «А вдруг не за мной? Вдруг корабль пройдет мимо?»

Однако белое судно, то поднимаясь, то зарываясь носом в клокочущие волны, упрямо двигалось к прибрежным скалам.

— Что они делают?! — забеспокоился мальчик.— Неужели хотят пристать? Тут же рифы, надо немедленно дать задний ход!

Не разбирая дороги, Владик бросился вниз, к берегу. На бегу он сорвал рубашку. Судно находилось уже так близко, что стали отчетливо видны сломанная мачта, погнутые поручни, последняя болтающаяся на тросах разбитая шлюпка.

Размахивая рубашкой, как флагом, Владик закричал: «Эй, на корабле! Поворачивайте, полный назад! Наза-ад!!

Но за ревом ветра его никто не слышал, а если бы и услыхали, это уже ничего не изменило — судно, по-видимому, было неуправляемым.

Пенная волна с шипением кинулась на берег, едва не захлестнув Владика, а судно вдруг вздрогнуло, словно натолкнувшись на невидимую стену, накренилось, и тотчас огромный, как гора, вал поднял корабль и со страшным треском ударил о черные скалы. Через минуту только обломки кружились в клокочущей меж камней воде.

Потрясенный Владик медленно брел по песку, не замечая ни ветра, ни брызг.

Вновь волна подкатилась к ногам, отхлынула, и тут Владпк заметил на мокром песке нечто странное и... знакомое. Он шагнул, наклонился и не поверил своим глазам: на песке валялись игрушки. Его игрушки!

— Неваляшка...— прошептал Владик,— бычок... И солдатик, и волчок. Мои игрушки!!! Как же вы здесь очутились, бедняги?

Владик протянул руки и тотчас отдернул их: песок исчез — игрушки лежали на самом настоящем паркетном полу.

Владик ошеломленно поднял голову: он находился в своей собственной комнате.

— Ну, Робинзон, считай, что тебе повезло,— раздался чей-то насмешливый голос. Рядом с Владиком стояла фея игрушек.— Крупно повезло! — повторила фея. — Твои игрушки забыли обиду и отдали твое время обратно. Что ж, получай его.

— Карр!..— закричал вороненок, сидевший на лампе.— Карр... Ваше карр-ролевское величество, означает ли это, что я должен снова пустить ходики?

— Пускай,— милостиво кивнула фея.— Все равно сказочное время уже кончается.

Вороненок подлетел к ходикам, качнул маятник и камнем повалился на папин письменный стол.

Тик-так, тик-так,— заговорили часы.

Фея подмигнула Владику и стала уменьшаться, словно из нее, как из мяча, выпустили воздух. Миг — и она стала куклой.

Что было дальше?

Дальше Владик пришел в себя, почесал в затылке и, чтобы выяснить, какое все-таки сегодня число, какой месяц, год, побежал на кухню, где висел календарь. Оказалось, год, месяц, число все те же, что были, и завтра Владику предстояло идти в школу.

Ну, а игрушки? Владик их аккуратно собрал, поставил перед собой и сказал:

— Я знаю, вы только притворяетесь простыми, а на самом деле вы ужасно умные. Жаль только, говорить не умеете, а то сколько бы вы еще рассказали! И вы не думайте, я вас никогда не брошу. Даже когда стану совсем большим.

* * *

...Весна уже выгнала на улицы поливальные машины, и солнце, мячиком катясь за ними по мокрому асфальту, устраивало в шипящих струях маленькие радуги; уже вылупились из тополиных почек клювики будущих листьев, и скверы закутались в прозрачно-зеленоватую кисею, а я все никак не мог встретиться с Владиком. Сначала мешали мои дела, потом Владик взялся за подготовку к экзаменам. Кончились экзамены, и он с отцом сразу же уехал на далекую стройку. И вышло так, что встретились мы, лишь когда я сам вернулся из отпуска, уже в сентябре.

Владик вытянулся, загорел и весь как-то подобрался. Шапка волос, немалыми стараниями парикмахера, приняла вполне современную форму.

Мы говорили о лете, о том, кто где бывал, но в разговоре этом что-то было не так: все слова были кстати, хорошие, интересные, но не хватало того неслышного и очень важного, что, заполняя промежутки между словами, заставляет понимать и чувствовать их совсем иначе. Когда разговор сам собой выдохся, я спросил:

— Ну, а новые истории? Ты, наверно, накопил их на всю зиму, будет, что рассказать твоей малышне?

— Истории...— Владик почесал нос, прищурился, глядя куда-то мимо меня, и усмехнулся.— С этим всё. Надо за дело браться. Я прицелился в институт. Сами знаете, как нужно учиться, чтобы пройти конкурс. Да и вообще... детство все это.

И я понял: пришло к Владику то важное время, когда люди расстаются с детством, а затем очень скоро становятся взрослыми. Теперь каждый день будет все быстрее отдалять его от игр, заставлявших позабыть обо всем на свете, от чудес, от славных воображаемых битв и путешествий.

— Жалко,— коротко вздохнув, сказал вдруг Владик.— Жалко,

что никогда уже не вернуться назад. Иногда хочется, но ужо не могу. И чувствую, что никогда не смогу.

Я хлопнул его по плечу и протянул руку:

— Прощай. И доброго тебе пути! Со временем ты еще встретишься со своим детством, поверь, так уж устроены взрослые: им иногда ужасно хочется хоть на минуту почувствовать себя маленькими, и они отправляются в свое прошлое.

...Я уходил и думал о том, что когда-нибудь снова вернусь сюда, и еще о том, какое новое детство встречу я тогда в своем дворе, в своем старом доме.